

НИКТО НЕ ХОТЕЛ ВОЕВАТЬ?

100-летие
Первой мировой
войны

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ

В 100-ЛЕТНЮЮ ГОДОВЩИНУ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ войны одним из самых провоцирующих вопросов был бы вопрос о том, была ли она неизбежной. Не случись она – история ведь пошла бы иначе. Мы в XX веке привыкли к ленинской трактовке: империалистические противоречия делали столкновение неизбежным. Именно из этой трактовки затем родился большевистский лозунг «поражения своего правительства» – ради мировой революции.

Наша страна вкусила его горьких плодов с лихвой. Между тем реалии XXI века позволяют применить более богатую палитру красок для живописания этой трагической картины. Возможно, к 1914 году европейская цивилизация просто уподобилась сообществу подростков-акселератов, которые не соизмеряют свои силы со своими мыслями и действиями. Европа – и Россия как бесспорная тогда ее часть – оказалась не готова ни к колоссальному демографическому росту, ни к резкому рывку в развитии технологий, в том числе военных. Уже в конце бурного XX века многоумный Генри Киссинджер напишет: «Руководители всех крупных стран просто не сумели ухватить сути находящейся в их распоряжении технологии, а также смысла лихорадочно создаваемых союзов... Им даже не пришло в голову, что неспособность придать своим альянсам разумные политические цели может привести к разрушению цивилизации, вопреки их представлениям на этот счет». Немногочисленные интеллектуалы, наблюдая стремительный рост способности человечества к самоуничтожению, глубоко заблуждались насчет того, что это само по себе делает войну невозможной. Увы, политические амбиции, недальновидность, узость мышления, словно бездумно заимствованные из века XVIII, не позволили прислушаться к голосам разума. Для России все это кончилось трагически.

Вот что писал по этому поводу в шеститомнике «Мировой кризис» Уинстон Черчилль (кстати, том

«Восточный фронт» открывается посвящением – «Нашим преданным союзникам и товарищам в русской императорской армии»): «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее парусник потерпел кораблекрушение прямо в виду гавани. Он пошел ко дну, перетерпев бурю до конца. Все жертвы были уже принесены. Вся работа выполнена. Отчаяние и измена взяли верх в тот самый миг, когда задача была выполнена. Долгие отступления окончились. Снарядный голод был побежден. Вооружение притекало широким потоком. Более сильная, более многочисленная, лучше обеспеченная армия сторожила огромный фронт. Тыловые сборные пункты были переполнены крепкими призывниками. Алексеев руководил армией, а Колчак флотом. Главное же: никаких трудных действий больше не требовалось. Лишь оставаться на посту... Держаться, иными словами. Это все, что стояло между Россией и плодами общей победы».

Но общей победы не случилось. Россия и Европа надолго разошлись. Сегодня с новой силой актуальности звучат слова того же Киссинджера. Старые мифы, недальновидность, двойные близорукие стандарты, неспособность возвысить взор над узким горизонтом примитивных амбиций – вновь толкают Европу к новым испытаниям. ❶

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-нального фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06 Русские не сдаются
08 А небо так близко...
10 Потемкинские деревни
как они есть
13 Зачитывайте книги до дыр

СИТУАЦИИ

- 14 Операция
«Тюлень»

ИСТОРИЯ

- 20 Полные
и худые

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 26 Путем смирения

НАСЛЕДИЕ

- 30 Блаженны чистые сердцем

МУЗЕИ

- 38 Властелин чаепитий

ИНТЕРВЬЮ

- 46 «Нельзя «брать
в заложники» западные
компании, работающие
в России»
50 «Музыка и искусство
будут нужны всегда»
54 Крещение
Иосифа Бродского

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

58 Эстафета

66 Праздник
в Труде

ФЕСТИВАЛЬ

74 Малиновая столица

РЕПОРТАЖ

78 Патрики

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Канал

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Елена БЕРДНИКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Михаил ГЛИНКА
Василий ГОЛОВАНОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Вера МЕДВЕДЕВА
Зоя МОЗАЛЕВА
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@rusскиymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ЕСТЬ НА БЕРЕГУ ДАУТАВЫ В РИГЕ МАЛЕНЬКИЙ ОСТРОВ ЛУЦАВСАЛА – ВСЕГО ЛИШЬ 2 КИЛОМЕТРА В ДЛИНУ И 800 МЕТРОВ В ШИРИНУ. НА НЕБОЛЬШОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ ЗДЕСЬ СТОИТ ВОЕННЫЙ ПАМЯТНИК В ВИДЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЧАСОВНИ. ОН ВОЗВЕДЕН В ЧЕСТЬ 400 РУССКИХ ВОИНОВ–ЗАЩИТНИКОВ ОСТРОВА, СЛОЖИВШИХ СВОИ ГОЛОВЫ В 1701 ГОДУ В БИТВЕ СО ШВЕДАМИ. КАЖДЫЙ ГОД 10 ИЮЛЯ К ПАМЯТНИКУ ПЕРВЫМ РУССКИМ ДЕСАНТНИКАМ, КАК ЕГО ОКРЕСТИЛИ МЕСТНЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ, ПРИХОДЯТ БЛАГОДАРНЫЕ ЖИТЕЛИ ЛАТВИИ, ДИПЛОМАТЫ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И РИЖСКОГО БИЗНЕС-КЛУБА.

НЫНЕШНИЕ ЛАТВИЙСКИЕ школьники практически ничего не знают о жесточайшей битве на Луцавсале. Впрочем, и в российской истории не так уж много сведений о беспримерном подвиге петровских гренадер в Северной войне. Впервые историей острова в 1887 году заинтересовался ливонский губернатор генерал-лейтенант Миха-

ил Алексеевич Зиновьев, когда неподалеку от кургана среди развалин ветряной мельницы обнаружили табличку. Надпись на немецком языке гласила: «В память о 400 русских, павших здесь 10 июля 1701 года». Генерал распорядился разыскать все сведения о том, что происходило на Луцавсале почти двести лет назад. И вот что удалось разузнать в основном благодаря шведским и немецким

летописцам. Летом 1701 года корпус Аникиты Репнина – 19 пехотных полков – был направлен на помощь союзникам-саксонцам, воевавшим со шведами на территории Лифляндии. С приближением армии шведского короля Карла XII к Риге части саксонской армии отступили за Двину (Даугаву) и заняли острова, расположенные на левом берегу Риги. На один из них, остров Луцавсала, был высажен русский десант – 400 солдат-гренадер, которые должны были воспрепятствовать переправе шведской армии. Между тем шведский король Карл XII прибыл в Ригу, что вызвало бурный восторг в его армии. Шведские войска тут же решили начать переправу через Двину. С окрестностей собрали все имеющиеся плавсредства и в 4 часа утра 9 июля двинулись к левому берегу. Проявили военную хитрость – впереди направили баржи со смолой, которую подожгли на подходе к саксонским частям. «Шведская спичка» сбила саксонцев с толку, под дымовой завесой они не сразу углядели противника, а когда союзники разобрались что к чему, в панике бросились в бегство. Судьба оставленных без прикрытия и без каких-либо указаний 400 русских гренадер их, по всей вероятности, не волновала...

Не имея приказа об отступлении, отважные десантники, заняв бывшие шведские укрепления, начали сражение с противником, превосходившим их по численности. Бой длился почти сутки, пальба шла долгая и страшная, но русские упорно отказывались сдаваться. По одной из версий, на остров прибыл лично Карл XII и, к своему ужасу, увидел груды убитых, телами которых было усеяно все пространство вокруг места сражения. Погиб и шведский полковник Гельмерсен, руководивший битвой. А с русских редутов продолжали стрелять оставшиеся в живых 20 солдат, отбивавшихся буквально до последнего. Как рассказывает легенда, шведский король не только не отдал их на растерзание своим разъяренным бойцам, но и велел отпустить смельчаков с миром – в пример и назидание живым. Увы, история не сохранила для потомков их имен...

В «Ливонской истории» Кельха содержится подробный рассказ о бит-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Каждый год 10 июля на латвийском острове Луцавсала вспоминают о подвиге русских воинов

истории русские защитники острова Луцавсала совершили подвиг, и по-другому их действия оценивать никак нельзя, – сказал Эйнар журналу «Русский мир.ru». – Вероятно, у них была возможность сдать на милость победителя, тогда еще действовали рыцарские законы, и гренадеры могли таким образом сохранить свою жизнь. Но они предпочли сохранить честь. Думаю, не ошибусь, если скажу, что именно в этом сражении впервые на территории нынешней Латвии была показана сила русского духа и русского оружия. Поэтому я считаю, что данный факт нашей общей истории надо всячески популяризировать, он должен найти свое отражение в современных учебниках по истории, по которым учатся латышские школьники. Они ведь почти ничего не знают о роли русских Латвии в развитии нашего края, эти сведения или искажаются, или замалчиваются. Мой наказ родителям – привозите сюда своих детей, рассказывайте им правду, знакомьте с подлинной историей Латвии, гордитесь ею! Если мы внимательно почитаем историю государства Российского, мы найдем множество примеров невероятного мужества русских воинов. Это и битва с Наполеоном, и сражение за Порт-Артур, и защита Севастополя. В этом же ряду стоит и подвиг 400 русских десантников на Луцавсале. Не зря великие исторические личности, например Бисмарк, признавали, что с таким народом Россию победить невозможно. И то, что сегодня происходит подмена нравственных понятий, таких как патриотизм, любовь к своему Отечеству и своему народу, – все это неспроста, – уверен латышский правозащитник. – Это целенаправленная программа, финансируемая западными странами, имеющая четкую задачу – рассорить наши народы, внести сумятицу в наши ряды и нашу общую историю. Даже если это делается в виде каких-то безобидных опросов телезрителей, вроде того, нужна ли была оборона Ленинграда, – я вижу здесь четкую политическую программу. Для чего это надо? Потому что есть такая простая истина: народ, который не помнит своего прошлого, перестает существовать». **И**

ве на Луцавсале, где автор также описывает ход сражения в ночь с 9 на 10 июля 1701 года, отмечая, что русские не сдавались, даже когда у них заканчивались боеприпасы, предпочитая смерть плену: «Оставшиеся в живых бросались в реку и тонули там, других находили в кустарнике и убивали, забравшихся на деревья расстреливали как птиц»... И вот этот подвиг русских солдат на целых двести лет оказался незаслуженно забытым. И лишь благодаря настойчивости и усилиям генерала Зиновьева в 1891 году на средства, собранные по призыву рижских военных отставников, на Луцавсале был установлен 6-метровый монумент из финского красного гранита по проекту инженера Бориса Эпингера. Торжественное открытие и молебен в память о погибших воинах состоялись 10 июля. Памятник, напоминающий православную часовню, представлял собой пирамиду с высеченным на ней изображением креста, от которого исходили лучи. Венчал пирамиду купол и православный крест из камня. По краям были установлены две гранитные плиты, надпись на одной из них гласила: «Памяти 400 русских, геройски павших при защите острова 10 июля 1701 г.». На второй плите: «10 июля 1891 г. памятник сей воздвигнут на добровольные пожертвования по распоряжению лифляндского губернатора генерал-лейтенанта М.А. Зиновьева».

С годами о русских героях Луцавсалы в Латвии опять забыли, как и о монументе в их честь. На этот раз почти на сто лет... Памятник за эти годы почти весь ушел в землю,

и знали о нем лишь местные краеведы и любители русской истории. По их инициативе и при поддержке тогдашнего посла РФ, А.И. Удальцова (ныне он возглавляет посольство России в соседней Литве), группа рижских бизнесменов взялась за реставрацию памятника, которая была завершена в 300-летнюю годовщину гибели русских воинов – 10 июля 2001 года. В этот день состоялось освящение обновленного памятника и была отслужена панихида. С тех пор ежегодно у монумента собираются представители русской общественности, чтобы возложить цветы и отдать дань памяти русским воинам, павшим в неравном бою.

В нынешнюю годовщину на Луцавсалу также приехали представители российского посольства, известные политики, бизнесмены, активисты русского общественного движения. Был среди собравшихся и бывший военный – Эйнар Граудиньш, член правления Конгресса неграждан Латвии, известный своим критическим отношением к политике правящих латвийских властей. «С точки зрения военного дела и военной

Цветы у памятника героям как знак признания силы русского духа

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

А НЕБО ТАК БЛИЗКО...

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРЫ БОКОВОЙ

РУССКИЙ ЦЕНТР ИМЕНИ НАДЕЖДЫ БОРОДИНОЙ В МЕРАНО (ИТАЛИЯ) И РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 5 ИЮЛЯ 2014 ГОДА ЗАВЕРШИЛИ ОЧЕРЕДНОЙ ЭТАП МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОГРАММЫ «НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ: ТИРОЛЬСКАЯ ПАМЯТЬ».

ЕСТЬ В ЖУРНАЛИСТИКЕ такое понятие – сквозная тема. Это когда не событием единым счастлив наш брат журналист. Это когда события вокруг темы нанизываются одно за другим, становясь с каждым разом все насыщеннее и интереснее. Так случилось, что во время Первой мировой войны десятки тысяч русских военнопленных оказались в Южном Тироле, переброшенные туда из Австрии для строительства горных укреплений, обслуживания высокогорных позиций австро-венгерской армии, после того как в мировую битву вступила Италия на стороне Антанты. Да, итало-австрийский фронт не был ключевым, но боями местного значения все, что тут происходило в 1915–1918 годах, назвать нельзя. Потери исчислялись сотнями тысяч солдат

и офицеров. Каждый захваченный рубеж в Доломитовых Альпах стоил невероятно дорого. Строго говоря, о присутствии русских солдат-военнопленных в Южном Тироле до 2012 года в России мало кто знал. Вся Первая мировая до недавнего времени для нас – война неизвестная. А уж в Альпах – тем паче. Тем ценнее инициатива, возникшая два года назад в Русском центре имени Надежды Бородиной и фонде «Центр национальной славы», поддержанная итальянскими и австрийскими общественными мемориальными организациями и официальной властью Автономной провинции Больцано (Италия). Уже тогда, во время первой международной научной конференции, посвященной истории пребывания русских солдат в Южном Тироле, разговор шел

не только о «кабинетных исследованиях», но и о сугубо практической работе в альпийском высокогорье по обнаружению мест, где жили, трудились и гибли русские люди. И вот, по прошествии двух лет, эта работа ведется вовсю. В 2013 году в долинах Пустерия и Веноста действовала первая международная поисковая экспедиция с участием военных археологов из России. В этом году, с 26 июня по 5 июля, в Южном Тироле работала международная молодежная поисковая экспедиция «Помним всех – Тирольская память» с участием представителей поискового движения из Тулы, Москвы, Петербурга, Пензы, Кирова, Казани. К ним присоединились ребята из Республики Беларусь, а также итальянские и австрийские специалисты. Экспедиция начала работу на Восточном участке Доломитового фронта, в долине Пустерия, где размещались три лагеря русских военнопленных. Возглавили работу директор Русского центра имени Бородиной Андрей Прусс, руководитель департамента по работе с государственными и общественными организациями Российского военно-исторического общества военный археолог Денис Садовников и итальянский археолог Руперт Гитль. Трудно представить, как в условиях войны русские пленные работали на высотах до 3900 метров! Участники

Часовня, построенная русскими военнопленными у горного приюта Каре Альто

экспедиции частично прошли этот путь, осуществив подъем на 2700 метров к месту, получившему название «Русский камин». В частности, сюда военнопленные доставляли грузы к орудийным батареям под обстрелом итальянских орудий. В топонимике этих мест «Русский камин» – расщелина рядом с крутым горным склоном Красная стена – не единственное название, связанное с нашей страной. Есть тут и «Русская тропа», и «Русский барак».

Внизу живет городок Сесто. Именно тут действует военный музей под открытым небом. А оно, небо, так близко...

28 июня волонтеры из России вместе со старшеклассниками из гуманитарной гимназии города Брунико приводили в порядок местное военное кладбище, где помимо других солдат похоронено 140 русских. 4 июля участники экспедиции приняли участие в памятной церемонии, которая прошла рядом с горным приютом Каре Альто в долине Рендена-Трентино. Здесь на высоте 2600 метров почти сто лет назад русские военнопленные построили деревянную часовню. Впервые за почти сто лет здесь была отслужена панихида по погибшим православным воинам. Служил архиепископ Женевский и Западноевропейский Михаил (Донсков).

Завершилась программа 5 июля в провинциальной столице Больцано региональной конференцией «Русские страницы Великой войны в Тироле».

Обычно на таких мероприятиях речи руководителей проекта насыщены пафосом. По крайней мере, так кажется тем, кто мысленно далек от понимания того, что является подвигом. Но если вслушаться, взглянуть, вдуматься, то пафос

Участники международной поисковой экспедиции на месте, называемом «Русский камин»

исчезнет, останется суть, отражающая наше прошлое, без которого, как известно, настоящее никогда не превратится в будущее.

«Раз уж тирольцы не забывают про русских, оставивших свои жизни в здешних горах в этот небольшой, но полный трагизма период Великой войны, нам, нынешним русским, сам Бог велел. Значит, мы будем стараться найти все захоронения, перезахороним останки солдат, которые, возможно, будут найдены в местах, указанных местными жителями, восстановим имена и установим памятные знаки и мемориальные доски. Все они были подданными Российской империи, и наш долг сохранить память о тех, кто воевал за Отчизну» – эти слова Андрея Прусса лично мне пафосными вовсе не кажутся. В них суть того, что делают и собираются делать участники программы «Неизвестные страницы Великой войны: Тирольская память».

Архиепископ Женевский и Западноевропейский Михаил

Предельно ясно высказались и те люди, без которых реализация этой программы оказалась бы под вопросом.

В приветственном слове президент попечительского совета фонда «Центр национальной славы» Владимир Якунин отметил, что «нам, русским людям, особенно важно помнить о своих соотечественниках, проливавших свою кровь за Отечество в те годы, поскольку на нашей родине Первая мировая война многие десятилетия в силу политических причин была обречена на забвение. Поэтому мы особенно благодарны всем, чьими усилиями возрождаются драгоценные свидетельства прошлого».

Министр культуры и председатель Российского военно-исторического общества Владимир Мединский подчеркнул важность восстановления и сохранения памяти об участии россиян в исторической судьбе Европы.

Программа «Тирольская память» рассчитана как минимум до 2018 года, когда планета будет отмечать 100-летие окончания Первой мировой войны. И работы здесь, в Доломитовых Альпах, достаточно. Но вот какое любопытное заявление прозвучало от Андрея Прусса на конференции в Больцано. Оказывается, сибирскими военными историками уже вовсю ведутся исследования о судьбах австро-венгерских и немецких солдат-военнопленных, отправленных в Тобольскую губернию Российской империи.

Самое время задуматься австрийским военным историкам и поисковикам... ■

ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ КАК ОНИ ЕСТЬ

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

ВПЕРВЫЕ О НОВОРОССИИ КАК ОБ ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВЕСНОЙ 2014 ГОДА ЗАГОВОРИЛИ НЕПРИЗНАННЫЕ ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА И ЛУГАНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА. К НОВОРОССИИ СРАЗУ ЖЕ ПРИЛИП ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ШТАМП «ПРОЕКТ КРЕМЛЯ». МЕЖДУ ТЕМ УСПЕШНО ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ ИДЕЯ НОВОРОССИИ – ЭТО УСПЕХ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОБЕДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, ТЩАТЕЛЬНО ВЫЧЕРКНУТЫЕ ИЗ ИСТОРИИ В ЭПОХУ СССР. РАДИ ЧЕГО?

В 2017 ГОДУ БУДЕТ РОВНО сто лет, как Новороссия исчезла с карты России.

Казалось, о ней забыли навсегда. И вот в Москве в Большом дворце музея-заповедника «Царицыно» прошел круглый стол ученых, политологов и общественных деятелей «История и культура Новороссии». Место встречи выбрано неспроста: ведь именно Екатерина II, чей дворец принял участников встречи, автор и инициатор концепции создания имперского проекта «Новороссия», который по-

тряс Европу уровнем освоения новых земель и вывел на новый виток развития Россию.

Это были относительно новые земли России XVIII–XIX веков, давшие старт созданию новых городов: Донецка (кузницы), Одессы (порта), Херсона (торгового транзитного центра), Екатеринослава (ныне Днепропетровска) – столицы Новороссии, Александровска (ныне Запорожье) – житницы, Николаева – ремонтных мастерских новых земель. Они постепенно колонизовались многонациональным

населением – немцами, сербами, русскими, армянами, греками, украинцами, болгарам и другими – ради укрепления страны и выхода к Черному морю. Долгое время эти степные земли у берегов Дона, Черного и Азовского морей называли «Дикое поле», за то, что там небезопасно было жить даже кочевникам и беглым крестьянам.

ИМПЕРАТРИЦА И ВЕЛЬМОЖИ

Номинально эти земли находились под протекторатом Османской империи и Крымского ханства, находившегося в вассальной от Стамбула зависимости. Однако и им приходилось воевать с кочевыми племенами из Азии и беглыми казаками и крестьянами с окраин России. Чтобы покончить с набегами грабителей-кочевников, Россия эпохи Екатерины II предпочла договориться с теми, кто от них и страдал, – с казаками и крестьянами. По условиям договоренностей они получали земли Дикого поля в обмен на свободу и обязательство в оружии в руках как военизированное население – «пограничники» Российской империи защищать эти территории. И после присоединения степей юга России в XVII–XVIII веках они начали заселяться не только казаками и беглыми крестьянами, но и «локомоти-

Неизвестный художник конца XVIII века. Екатерина II, путешествующая в своем государстве в 1787 году

вом» успешного развития – ремесленниками, торговцами, купцами из Центральной России.

Так родился проект «Новороссия», хотя первоначально он должен был называться «Екатеринослав» или Екатеринославская губерния.

«Название проекту придумала Екатерина II, хотя услужливыми вельможами предлагалось назвать все эти земли ее именем – Екатеринославскими», – отметил Юрий Петров, директор Института российской истории РАН. – Императрица нашла другой вариант, и он удачно вписался в геополитическую карту империи. Так образовались три части Российской империи – Великороссия, Малороссия и Новороссия, о чем сегодня стараются не вспоминать украинские историки и особенно политики.

В составе России и СССР Новороссийская губерния пережила колоссальный рост населения и экономики, который был прерван в 1990 году после выхода Украины из состава СССР».

Большая часть современного Юго-Востока Украины до 1917 года была частью Новороссии. Впоследствии эти регионы оказались в составе Украины лишь волей революционных властей Москвы, видевших в украинском национализме союзника по разрушению старого порядка. «Сегодня концепция мононациональной Украины, силой насаждаемая киевскими властями на Юго-Востоке страны, противоречит исторической логике и концепции несправедливо забытого проекта «Новороссия», – заявил председатель правления фонда «Русский мир», глава комитета Госдумы по образованию Вячеслав Никонов. – Свою лепту в забвение Новороссии внесли большевики, отождествлявшие ее с Белым движением. Логика передачи ее земель большевиками Украине имела два довода – республика, не имевшая промышленности, получала индустриальный Донбасс и морской порт Одессу и, таким образом, вовлекалась в Советский Союз. Сегодня новороссийская идентичность слаба, но жизнеспособна. Более жизнеспособна, чем названия ДНР и ЛНР. Укреплению этой идентичности будут способствовать знание россиянами своей истории и продвижение проекта «Новороссия».

Большой вопрос в том, как и кому ее укреплять, если к проекту «Новороссия» прилип ярлык «проект Кремля»? К тому же у него исторически репутация потемкинских деревень – чего-то не существующего, что возникло «в воспаленном мозгу захватчиков».

ЖИВУЧЕСТЬ МИФА

И хотя сто раз доказано: потемкинские деревни – такой же исторический миф, как генерал Мороз, который якобы помог Советскому Союзу победить в Великой Отечественной войне, – выражение «потемкинские деревни» все равно вошло в обиход в значении показухи и очковтирательства.

Все началось 22 мая 1787 года во время поездки Екатерины II по Новороссийской губернии, где светлейший князь Потемкин показывал ей отвоеванные у Османской империи земли. В еще недавно глухой степи императрица увидела города, войска, процветающее население и флот Севастополя. Эти достижения удивили не только государыню, но и представителей иностранных дворов, которые путешествовали вместе с ней, а также присоединившегося к ним инкогнито австрийского императора Иосифа II. Не сразу, спустя годы, появился слух, что все это «бутафория» и «камуфляжные» деревни. Авторство легенды приписывается саксонскому дипломату Георгу Гельбигу. Впервые легенда была опубликована анонимно, затем в книге-памфлете Гельбига «Потемкин-Таврический». В 1811 году она была издана на русском языке.

«Историки единодушно признают, что никаких потемкинских деревень в природе не было, – подчеркнул Александр Каменский, профессор, декан факультета истории ГУ-ВШЭ. – Тут наложилось одно на другое два обстоятельства. Европа не могла простить России успешной модернизации новороссийских земель и появления там динамично развивающихся городов – конкурентов Европы. Отсюда такая болезненная реакция в форме информационной войны. Второе. Всем церемониям той эпохи была свойственна театральность – строились арки, фонтаны и, действительно, декорации. Но какие? Например, ше-

девр современной архитектурной истории Украины – дворец Григория Потемкина в Днепропетровске».

Тем не менее миф о потемкинских деревнях оказался живуч и даже в XXI веке трансформируется в разновидность нового информационного противостояния. Он прошел три стадии исторического развития. Первая – стадия сплетни, возникшей в придворных кругах недоброжелателей светлейшего князя Потемкина и среди иностранных дипломатов. Вторая – стадия образа, который вошел в русскую словесность. И наконец, третья – стадия мифа, дожившего до наших дней и вновь оказывающего медвежью услугу уже современной истории.

«Новороссия, ДНР, ЛНР – это и есть современные потемкинские деревни сепаратистов и террористов, так утверждают новые киевские власти, – заметил Ростислав Ищенко, украинский политолог, президент Центра системного анализа и прогнозирования. – И на этом императиве Киев стоит из последних сил. Ведь если признавать Новороссию как исторический факт и явление, то следующий логический шаг – проблема федерализации. А на это Киев и его интеллектуальная элита мировоззренчески пойти не способны. Новороссия как полиэтническое явление абсолютно противоречит новому украинскому мифу – представлению о себе как об унитарном национальном государстве-форпосте Европы перед «лицом диких орд Востока», то есть перед русскими и русскоязычными, которым «еще не вмерла» укажет путь в Европу. Отход от этой идеологии в пользу автономности Новороссии означает угрозу не только переустройства государственности Украины, но и переустройства нации. Поэтому Киев на унитарности стоит что есть сил, даже ценой того, что украинская государственность трещит по всем швам».

По мнению Ростислава Ищенко, развилка истории для Украины не оставляет ей особого выбора: народу остается сражаться либо за «Украину – не Россию», либо против нее. И чем сильнее Киев давит и будет давить на регионы, тем быстрее им придется определиться в своем отношении к Новороссии.

ФОРМУЛА ЕВРАЗИЙСТВА?

Однако ученые Института российской истории (ИРИ) РАН и эксперты Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) заговорили о том, что возвращение понятия «Новороссия» в массовое сознание через проекты ДНР и ЛНР – это стратегическая и тактическая ошибка. Такое «возвращение из ниоткуда», как заметил заместитель директора по науке ИРИ РАН Виктор Захаров, разрывает представление людей об истории и ее единстве и дискредитирует Новороссию как историческое явление.

«Это отражение проблемы идентичности российского сознания, – считает Андрей Сорокин, директор РГАСПИ. – За один год, даже к 100-летию революции 1917 года, которое мы будем отмечать совсем скоро, ее не решишь. Но возвращать объемность понятия «Новороссия» в общественное пространство надо. Иначе победит негативная трактовка «сепаратисты Новороссии», внедряемая Киевом, что приведет к поляризации российского общества, которое, как известно, пропагандистские мифы только раскалывают. Мифам мы должны противопоставить факты. Я думаю, это хороший способ – делать выставки, показывать публике документы, карты, вещи, много десятилетий пролежавшие в запасах, и изучать их совместно с соседями с Украины. Это снимает политическое напряжение».

Принято решение научным и политическим сообществом создать рабочую группу по Новороссии, в которую войдут не только историки, но и общественные деятели, политики, журналисты. Все участники встречи согласились с тем, что было бы самоубийственным «впадать в новую пропаганду», продвигая проект «Новороссия» как панацею от гражданской войны на Украине.

«Наивность и незнание истории – полагать, что конформизм, а тем более пропаганда вопреки историческим фактам спасательны, – убежден академик Александр Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН. – Они лишь усугубляют ситуацию – это я не

только про историю говорю, но и про нынешнюю ситуацию вокруг Украины и России. Думаю, чтобы в ней разобраться, сохранив добрососедские отношения, всем сторонам конфликта надо не выдергивать факты, удобные для манипулирования массовым сознанием, а изучать и знать историю во всей ее полноте, даже если кому-то такая история не нравится».

Именно поэтому через выставки, кочующие музейные экспонаты и семинары ученые предлагают постепенно продвигать проект «Новороссия» как успешный пример прорывного развития.

«Ведь что такое Одесса или Крым? – задается вопросом украинский политолог Владимир Шаинский. – И что спасает их от разгула Майдана или карательной операции, которая развернулась в Донбассе? Это сохранение, соединение и взаимопроникновение культур на уровне подкорки. А смысл любой цивилизации – сосуществование культур. Особенно Крым показал, как уровень соединения культур должен идти снизу вверх, а не наоборот. Наоборот происходит в Киеве, где самозванные элиты навязывают народу новую идентичность. Я в Киеве не устаю бороться с очарованием всех видов национализма. Я, еврей, доказываю русским, грузинским, литовским, польским националистам – а они повалили в Киев «за опытом», – что они сечением идеи превосходства своих народов способствуют разрушению своих стран и цивилизаций, как это делает Киев. Надо понять: Крым как историческая составляющая Новороссии вместе с ней может стать предтечей Большой Евразии. Непросто к ней присматриваются не только страны СНГ. Вторая экономика мира, Китай, изучает возможности участия в Евразийском союзе. Китайцы хотят и уже инвестируют в Крым. Переговоры об экономическом сотрудничестве с новой Евразией ведут Турция, Индия, другие страны БРИКС. Значит, надо формулировать евразийские ценности, как европейские ценности сформулировал Евросоюз, а Киев со своим национализмом пытается в них вписаться. Значит, надо не комплексовать, а пропагандировать

евразийские ценности и ценности Новороссии как их составную часть и историческую предтечу. И доказывать, что этот проект не менее привлекателен, чем европейский».

МОМЕНТ ИСТИНЫ

С Владимиром Шаинским в целом согласны многие российские ученые. «Это момент истины, – убежден Владимир Зорин, заместитель директора по науке Института этнологии и антропологии РАН. – Динамика мирового развития такова, что будущее за глобальными региональными игроками-объединениями. Такова воля экономики. Европа первой поняла выгоды ЕС и конкурирует с США и Японией. Евразия лишь собирает силы и волю для нового объединения. Крым и Новороссия могут стать составными частями евразийских ценностей».

Именно такой подход, как договорились участники встречи в «Царицыно», и лег в основу концепции единого учебника истории, в котором проект «Новороссия» и история Крыма будут изучаться отдельно и расширенно. О едином учебнике споров не меньше, чем о Новороссии. Однако экспертиза РАН с привлечением международной научной экспертизы пришла в целом к согласию о том, что авторы стандарта единого учебника кладут в его основу новаторские подходы – стремление к синхронизации с мировым историческим процессом, культурно-антропологический взгляд на историю, важность этнокультурного компонента, акцент на идее гражданственности как основе исторического мышления. Один из ключевых подходов формирования исторического мировоззрения нации – четко обозначенная авторами стандарта единого учебника позиция о том, что революции и гражданские войны являются не результатом внешних или внутренних заговоров, а следствием объективно существующих противоречий внутри страны.

В совокупности такой подход дает шанс на приближение к объективному пониманию истории. А вместе с ним – возвращение забытого понятия «Новороссия» – без конспирологических, пропагандистских или ура-патриотических мифов. ■

ЗАЧИТЫВАЙТЕ КНИГИ ДО ДЫР

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ФОНД «РУССКИЙ МИР» И АССОЦИАЦИЯ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ РОССИИ (АСКИ) ПОДПИСАЛИ В КОНЦЕ ИЮНЯ СОГЛАШЕНИЕ О КООРДИНАЦИИ СОВМЕСТНЫХ УСИЛИЙ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ КНИГ И ПЕЧАТНОЙ ПРОДУКЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЗА РУБЕЖОМ, А ТАКЖЕ ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

МЕСТО ДЛЯ ЦЕРЕМОНИИ подписания документа было выбрано символическое – Российская государственная библиотека. Свои подписи под соглашением поставили исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин и президент АСКИ, генеральный директор издательства «Белый город» Константин Чеченев. Задачи предстоит решать сложные: интерес к чтению книг, увы, стабильно снижается во всем мире. Например, в России, по данным опроса фонда «Общественное мнение», 44 процента россиян за год вообще не открывают ни одной книги. А в Великобритании, к примеру, согласно данным соц-

опросов, 62 процента жителей в общественных местах только делают вид, что читают классиков (особой «популярностью» в подобных случаях пользуются Джордж Оруэлл и Чарльз Диккенс), надеясь таким образом произвести впечатление на

Исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин и президент АСКИ Константин Чеченев подписывают соглашение о сотрудничестве

Директор Российской государственной библиотеки Александр Вислый на правах хозяина приветствовал гостей церемонии

окружающих. А 50 процентов опрошенных британцев признались, что у них на книжных полках стоят произведения известных писателей, которые они никогда не читали...

Но есть и позитивные сдвиги. Так, по данным Роспечати и Российской книжной палаты, сегодня по количеству издаваемых ежегодно книг Россия занимает четвертое место в мире, уступая лишь Китаю, США и Великобритании. А ведь всего лишь лет десять назад подобная статистика казалась несбыточной мечтой. Но самое главное – в мире по-прежнему с интересом читают писателей из «золотого фонда» русской литературы. В первую очередь речь идет о произведениях Федора Михайловича Достоевского, Льва Николаевича Толстого и Антона Павловича Чехова.

«Сегодня мы можем констатировать, что в мире вновь просыпается интерес к русской литературе, – подчеркнул на церемонии подписания документа исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин. – Поэтому мы заключаем очень актуальное соглашение, которое, верю, станет эффективным элементом продвижения русской культуры в мире».

«Фонд «Русский мир» – это одна из тех немногих организаций, которые напрямую пропагандируют русскую книгу, – отметил президент Ассоциации книгоиздателей России Константин Чеченев. – Я рад, что мы теперь вместе будем работать для того, чтобы Русские центры, созданные фондом по всему миру, были не только наполнены книгами на русском языке, но и жили бы насыщенной жизнью – встречами с писателями, издателями, экспертами, учеными – всеми, кто несет русское слово и популяризирует русскую культуру».

В свою очередь, присутствовавший на церемонии директор Российской государственной библиотеки Александр Вислый поздравил стороны с подписанием соглашения и обратился ко всем присутствующим с оптимистическим напутствием: «У меня простое пожелание для всех нас – читателей: пожалуйста, зачитывайте книги до дыр! Тогда нам придется их не только издавать, но и переиздавать!»

ОПЕРАЦИЯ «ТЮЛЕНЬ»

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

ДЕСЯТЬ КЛЕТОК ОТКРЫЛИ ОДНОВРЕМЕННО. ТЮЛЕНЯТА, ОКАЗАВШИСЬ НА СВОБОДЕ, В 10 МЕТРАХ ОТ КРОМКИ ВОДЫ, НЕМНОГО РАСТЕРЯЛИСЬ. КТО-ТО БЫСТРО ПРИШЕЛ В СЕБЯ И УПЛЫЛ ВОСВОЯСИ, ТОЛЬКО ЛАСТЫ ЗАСВЕРКАЛИ. КТО-ТО ПЛЕСКАЛСЯ НА МЕЛКОВОДЬЕ, КТО-ТО РЫЛСЯ В ПЕСКЕ. ОДИН МАЛЫШ ВООБЩЕ ДОЛГО НЕ РЕШАЛСЯ ПОКИНУТЬ КЛЕТКУ. НО ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ВСЕХ ДЕСЯТИ ПИТОМЦЕВ УЖЕ И СЛЕД ПРОСТЫЛ. О СВОИХ «МАМЕ» И «ПАПЕ» – БИОЛОГАХ ЦЕНТРА РЕАБИЛИТАЦИИ МОРСКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ – ТЮЛЕНИ И НЕ ВСПОМНИЛИ.

У ДЕСЯТИ ВЫПУЩЕННЫХ в Финский залив тюленей действительно есть «приемные родители» – Елена Андриевская и Вячеслав Алексеев, биологи, муж и жена. Именно они в течение трех месяцев выкармливали и выхаживали малышей, остав-

шихся без мам. Тюлений «выпускной» для биологов – очень ответственный и нервный день, к которому шла подготовка в течение многих недель. – Местом выпуска тюленят мы выбрали Кургальский заказник, – рассказывают биологи из Центра реабилитации морских млекопи-

тающих Ленинградской области. – Это заповедная зона в 250 километрах от Санкт-Петербурга, здесь практически нет браконьерских сетей, а неподалеку на островах находятся залежки серых тюленей и кольчатых нерп. Здесь тюлени могут начать самостоятельную жизнь в безопасности.

ЭКЗАМЕН ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ

Десять «выпускников» – это далеко не все питомцы Центра реабилитации ластоногих, но именно эта десятка уже готова к жизни на воле. Во-первых, малыши окрепли, перелиняли и набрали 40–50 килограммов веса. Во-вторых, они «одичали» и перестали считать Елену и Вячеслава своими родителями.

– Мы уже две недели кидаем им рыбу в бассейн таким образом, чтобы они нас не видели и отвыкли от человека, – говорит Елена Андриевская. – Перед выпуском провели «экзамен» – предложили взять рыбу из рук. Если кто-нибудь согласится, значит, он еще не готов к жизни на воле. Но, к счастью, наши питомцы не стали брать угощение.

Тюленей выловили из привычного бассейна, поместили в клетки, а клетки поставили в грузовики. Во время всех этих процедур животные скребли когтями, шипели и плакали – не могли понять, что происходит.

– Для животных такая транспортировка – огромный стресс, – переживают биологи. – Хорошо, что в день выпуска было не жарко, но мы все равно каждый час останавливали колонну и устраивали в грузовиках проветривание. Зверей мы специально с вечера не кормили, чтобы за время долгой дороги у тюленей не было проблем с пищеварением. Взяли

с собой кучу лекарств и воды, но, к счастью, ничего не понадобилось. Еще мы волновались, что кто-то из тюленей, несмотря на подготовку, вдруг решит остаться в клетке, но инстинкты сработали у всех. Хотя характеры и темпераменты у наших питомцев разные. Мы делали ставки, кто первый убежит, а кто задержится, но все оказалось с точностью до наоборот. Например, тюлень по кличке 22 всегда был очень неуживчивым, царапался и кусался, мы думали, он первым рванет к морю. А он почему-то сидел в клетке до последнего!

ГИБЕЛЬНАЯ РАННЯЯ ВЕСНА

В Центре реабилитации морских млекопитающих (это единственный такой центр в России) спасают ластоногих уже второй год, но весна 2014 года оказалась очень неблагоприятной для тюленей и нерп. В прошлом, 2013 году у биологов было всего пять питомцев, а в этом – почти три десятка!

– Весна началась раньше обычного, лед был тонким и сошел к концу марта, – рассказывает Елена Андриевская. – Теплая зима и ранняя весна – это катастрофа для тюленей, которым для размножения нужен толстый и прочный лед. В этом году сотни детенышей морских млекопитающих преждевременно оторвались от самок. Беспомощных бельков находили и на северном, и на южном берегу Финского залива, и даже в центре Петербурга – один тюлень выполз прямо к спуску Адмиралтейской набережной, из-за него образовалась автомобильная пробка. Вызывали спасателей из МЧС, те осторожно подняли испуганную малышку и привезли к нам. Ее назвали Нева.

Про каждого своего питомца Елена и Вячеслав могут долго рассказывать. Например, се-

рый балтийский тюлененок по кличке Сестрорецк был найден недалеко от Сестрорецка прямо на Приморском шоссе – он спрятался под отбойником разделительной полосы. Его спасали пожарные из МЧС.

– Мы впервые имели дело с тюленем, – рассказывает пожарный Сергей Столяров, на чью смену пришлось спасение малыша. – Оказалось, что тюлененок в поисках мамы прополз почти 2 километра от берега! Он был обезвожен, голоден и испуган, но явно решил защищаться до последнего – когда мы несли его в пожарную машину, он шипел, царапался и кусался. Хорошо, что мы были в перчатках.

Белёк был на грани голодной смерти, когда его привезли в Центр реабилитации: он весил всего 10 килограммов, его желудок был забит тростником. Чтобы утолить голод, он пытался даже есть морских тараканов – беспозвоночных, которых тюлений желудок переварить не в силах.

– Между собой мы зовем его Ой-ёй-ёй, – рассказывает Елена. – Он присасывался к бортику ванны во время кормления и пищал: «Ой-ой-ой!»

КРУГЛОСУТОЧНЫЙ ДЕТСКИЙ САД

В конце марта – начале апреля сообщения о найденных тюленятах пошли валом – телефоны в центре звонили каждый день, иногда по несколько раз.

– Нам повезло, что городские СМИ активно рассказывали про нашу работу, ведь до этой зимы большая часть петербуржцев и не догадывались, что в Финском заливе и в Ладоге есть тюлени и нерпы, – говорят биологи. – Когда количество наших пациентов перевалило за десяток, мы бросили клич о помощи: нам нужны были махровые полотенца для малышей. Они нужны и как средства гигиены,

и как игрушки. Уже на следующий день нам привезли много полотенец со всего города.

Ради спасения оторванного от матери белька сотрудники поисково-спасательной службы даже рисковали собственной жизнью.

– Наша станция находится в Кронштадте, – рассказали спасатели Сергей и Николай. – Пришло сообщение от моряков, что на судопропускных сооружениях замечен тюлененок. В тот день был сильный шторм, на воздушной подушке выйти нельзя. Но и медлить опасно – тюлень мог попасть под сухогруз. Пришлось нам надевать сухие гидрокостюмы, брать спасательную доску и идти к малышу вплавь через ледяную крошку. 200 метров мы преодолевали полтора часа! Но когда добрались до малыша, он совсем не хотел «спасаться» и шипел на нас. С трудом мы доставили его на станцию, а оттуда – в Центр реабилитации. Оказалось, это девочка, ее назвали С-1 – в честь судопропускных сооружений №1 на дамбе.

– Эта самочка была самым проблемным пациентом центра, – говорят биологи. – Она быстро перелиняла, набрала необходимую массу тела и научилась самостоятельно есть рыбу. А потом стала учителем – учила своих соседей по бассейну, как брать рыбу прямо из воды. Ее мы выпустили на волю самой первой.

Елена и Вячеслав за эти три месяца познали все «прелести» жизни молодых родителей – ведь детенышей надо было кормить по пять-шесть раз в день. Кому-то из питомцев надо было еще давать лекарства и делать уколы.

– Первые три недели мы вообще не уезжали из центра, ночевали на диване в подсобке, – говорит Елена. – Спали по два часа в сутки. Сначала кормили малышей специальной рыбной смесью через зонд. Далеко не все шли на «сотрудничество»: некоторые питомцы выворачивались, царапались, отказываясь

питаться и лечиться. А некоторым, например тюленю Крузенштерну, наоборот, нужно было наше особое внимание: он присасывался к нашим ногам, засыпал только тогда, когда обнимал нас лапой. Сейчас он набрал нужный вес, но к выпуску еще не готов – продолжает считать нас со Славой своими родителями и берет рыбу из наших рук. Кроме того, у нас есть несколько детенышей балтийской кольчатой нерпы, это «трудные» паци-

енты. У нерп очень слабая сердечно-сосудистая система, при малейшем стрессе у них просто может остановиться сердце. Поэтому их почти нигде не удастся разводить в неволе. Мы наших нерп очень бережем и никого из посторонних к ним не подпускаем. Выпускать их пока еще рано: они набирают массу тела медленней, чем серые тюлени, ведь тюленей мы кормим жирной сельдью, а нерп – менее жирной салакой.

БАЛТИЙСКИЕ НЕРПЫ НА ГРАНИ ВЫМИРАНИЯ

Всего на попечении специалистов оказались два вида ластоногих – балтийский серый тюлень и кольчатая нерпа. Нерпы бывают ладожские (обитают в Ладожском озере) и балтийские (обитают в Финском заливе). Оба вида входят в Красную книгу России, но популяция балтийской кольчатой нерпы находится на грани вымирания – в Финском заливе осталось всего около 200 особей! Зоологи бьют тревогу: если не предпринять срочных мер, этот подвид исчезнет уже в течение десятилетия.

– Мы со Славой до 2006 года работали в Ленинградском зоопарке, занимались морскими млекопитающими, – рассказывает Елена Андриевская. – Когда вплотную занялись темой балтийских кольчатых нерп, то оказалось, что никаких практических мер никто не предпринимает, несмотря на критически низкое количество особей в этой популяции. Финский залив давно стал для нерп неблагоприятной средой обитания – три крупнейших порта, загрязнение воды, потепление климата, много бра-

коньерских сетей... Мы ушли из зоопарка и стали изучать зарубежный опыт по спасению вымирающих видов ластоногих, разрабатывать методику реабилитации отбившихся от мам детенышей. В первую же теплую зиму, 2007 года, нам звонили из МЧС и сообщали о найденных детенышах тюленя и нерпы. Никакого специального помещения и финансов у нас тогда не было. Тюленя мы разместили в дельфинарии, нерпу девать было некуда, мы выкармливали ее дома. Балтийская кольчатая нерпа по имени Малышка Хита жила у Славы и Елены два года – уникальный случай, единственный в мировой практике: нерпы обычно не выживают в неволе. – Мы хотели ее выпустить на волю в первое лето, но Росприроднадзор опоздал с выдачей разрешительных документов, а выпускать нерпу осенью было опасно – слишком мало времени для адаптации в новой среде, – говорят биологи. – Тем более она к нам очень привязалась, жила в нашей ванной, ползала по квартире. К счастью, нашлись знакомые с загородным

бассейном, куда мы ее и поместили на следующую зиму. Не видя нас, Малышка Хита «одичала» и была готова к вольной жизни.

Слава и Елена тоже привязались к своей домашней питомице, поэтому не поскупились и купили спутниковый датчик. Датчик прикрепили к нерпе и наблюдали за ее перемещениями по морю, готовые в любую минуту броситься на помощь к своей любимице.

– Датчик проработал четыре месяца, и за это время мы убедились, что с Хитой все в порядке – она преодолевала по 30 километров в день, – вспоминает Елена Андриевская.

ТЮЛЕНЯМ СТРОЯТ ДОМ

Оставшись без Малышки Хиты, биологи заскучали – благодаря трем суровым зимам, 2010, 2011 и 2012 годов, новорожденные тюленята и нерпы не нуждались в человеческой помощи, сигналов о найденных на берегу «потеряшках» не поступало.

– Мы со Славой понимали, что вдвоем, без должной базы и материальной поддержки, мы не сможем серьезно заниматься реабилитацией и изучением ластоногих, – говорит Елена. – Мы обращались во многие инстанции, крупные компании, но нигде наши идеи не находили отклика. Мы уже собрались уезжать за границу, чтобы изучать работу западных реабилитационных центров. К счастью, в 2013 году ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» предложил нам помощь и предоставил помещение на территории своих очистных сооружений в Репино. Теперь у нашего центра есть свой дом, о нас знает все береговое сообщество.

Планов у биологов много – как только сезон реабилитации будет завершен и все животные выпущены в естественную среду обитания, в Репино, где располагается Центр реабилитации, будет создан реабилитационно-исследовательский центр по работе с морскими млекопитающими Северо-Запада.

– Это будет уникальный для России центр, – считает Елена Андриевская. – Центр сможет принимать до 40 животных, будет построен карантинный блок с герметичными боксами, адаптационные бассейны под открытым небом, где животные будут учиться самостоятельно добывать рыбу и отвыкать от человека. Наблюдать за тюленями и нерпами гости смогут через одностороннее стекло. Пока что мы не ставили датчики «выпускникам» этого года – во-первых, каждый датчик стоит около 80 тысяч рублей, а во-вторых, их установка согласовывается по инстанциям в течение года. Но в следующем году датчики планируем установить и отслеживать перемещения наших подопечных.

КАК ПОМОЧЬ КОЛЬЧАТОЙ НЕРПЕ?

Получается, что эта теплая зима, ставшая гибельной для животных, в итоге сослужила ластоногим обитателям Финского залива добрую службу – весь Петербург узнал о существовании тюленей и нерп. Горожане озаботились их судьбой.

– На Общественном совете Петербурга было принято решение создать фонд «Друзей балтийской нерпы», – говорят биологи. – Да, балтийская нерпа – исчезающий вид, но его еще

можно спасти. Мы представили программу мероприятий, которые могут помочь нерпе. Например, многие животные гибнут, задохнувшись в сетях, расставленных рыбаками. Придуманы специальные сети, безопасные для нерп, но сами рыбаки не могут себе их позволить – одна такая сеть стоит 900 тысяч рублей (обычная сеть стоит 40 тысяч). Фонд мог бы закупить небольшое количество этих сетей для тех районов, где размножаются кольчатые нерпы и проходит активный лов рыбы. Есть еще от-

пугиватели от сетей, они тоже стоят недешево. Конечно, хорошо бы сделать так, как наши соседи в Финляндии, – там уже пять лет существует полный запрет на лов рыбы в местах гнездования сайменской нерпы с 15 апреля по 30 июня. Но в российских реалиях это вряд ли будет действенной мерой.

ПОДАРОК ФИНСКОМУ ЗАЛИВУ

...Прежде чем уплыть от берега, выпущенные на волю тюленята решили поиграть на мелководье – фыркали, подбрасывали водоросли, гонялись друг за другом. Пути питомцев Славы и Елены разойдутся – тюлени по натуре одиночки, встречаются только во время отдыха на залежках и на короткий период размножения. «Родители» хоть и волнуются за судьбу своих ластоногих «детей», но верят, что на свободе их ждет удача – они хорошо откормлены, у них есть время научиться охотиться и выживать.

– 2014 год – Год Финского залива, – говорит Елена. – Наши «выпускники» в таком случае – лучший подарок. 🐾

Портрет
генерала
(неизвестного)
от инфантерии.
Художник
Н.П. Богданов-
Бельский.
Около 1910
года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОЛНЫЕ И ХУДЫЕ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ОДИН ОФИЦЕР НА СОВЕЩАНИИ В ШТАБЕ
СПРАШИВАЕТ ДРУГОГО: «А ЧТО ГЕНЕРАЛ МОЛЧИТ?»
ДРУГОЙ ОТВЕЧАЕТ: «ДУМАЕТ. У НАС ВСЕГДА ТАК.
ЕСЛИ ГЕНЕРАЛ МОЛЧИТ, ЗНАЧИТ, ЛИБО ДУМАЕТ,
ЛИБО – ПОРТРЕТ».

АРМЕЙСКИЙ ФОЛЬклор точен и беспощаден. Но если посмотреть на ситуацию с другой стороны, то, согласитесь, это вовсе не плохо, если генерал думает. Именно думающие полководцы приводили Россию к победам во множестве войн, в которых нашей стране пришлось участвовать. Дума-

ющие, знающие, подготовленные, решительные... Бывало, конечно, что лаврами победителя увенчивали головы, не слишком способные к мыслительному процессу. Случалось и ровно наоборот, когда талантливых военачальников удача обходила стороной. Война – штука сложная. Но одно стоит признать: какую войну ни возьми,

полководцев, в них отличившихся, в России помнят поименно. Порой забылось, что за война была, а фамилии в памяти народной сохранились.

Что же касается Первой мировой войны, то тут все сложилось иначе. Если не сказать – наоборот. В последнее время в России о событиях 1914–1918 годов много чего сказано, написано, показано и открыто. Но вот генералы, командовавшие армиями и фронтами, корпусами и дивизиями, так и остаются «персонами инкогнито» за редчайшими исключениями вроде Брусилова. Поразительная штука: спросишь кого-нибудь о генералах Гражданской войны, грянувшей сразу после Первой мировой (если не сказать – во время), и люди, далекие от военной истории, назовут фамилии Деникина, Корнилова, Врангеля, Колчака, Каппеля, а то и Юденича с Кутеповым вспомнят. Но вот с Первой мировой эти имена никак не ассоциируются. Будто взялись белые генералы ниоткуда, аки пришельцы. Да и Фрунзе с Чапаевым материализовались из космической пыли. Что уж говорить о таких военачальниках Русской армии, как великий князь Николай Николаевич-младший, генералы Янушкевич, Жилинский, Данилов-Черный, Гурко, Драгомиров, Алексеев, Иванов, Плеве, Клембовский, Эверт, Рузский и десятки других? Напротив, в ходе войны только коман-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Алексей
Алексеевич
Брусилов
(1853–1926)

дующих фронтами набрался аж 21 человек.

Стало общим местом объяснение, что за десятилетия советской власти историю Первой мировой войны в памяти народной стирали тщательно и масштабно. Оно так – стирали! Однако огромный массив информации сохранился, в чем нетрудно убедиться, заглянув в книжные магазины или в Интернет. Вторая причина, по которой представления современного соотечественника о русском генералитете того времени, мягко говоря, поверхностны, кроется в том, что он, этот генералитет, был крайне бездарен. Посему, мол, проигрывались сражения и гибли миллионы русских солдат. Сверкнул талантом летом 1916 года Алексей Брусилов – и все. А до и после – сплошной мрак и плесень.

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ БАТАЛЬОН

В Русской армии начала XX века было три генеральских чина: генерал-майор, генерал-лейтенант и генерал от рода войск (от инфanterии, кавалерии или артиллерии). Также имелся свитский, он же придворный, чин – генерал-адъютант. Его могли пожаловать тому, кто и так уже имел чин не ниже III класса Табели о рангах. То есть чин генерал-лейтенанта или вице-адмирала. Был еще чин генерал-фельдмаршала, но последний его обладатель,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великий князь Николай Николаевич-младший (1856–1929)

граф Дмитрий Милютин, ушел из жизни в 1912 году. Имелись, правда, еще два генерал-фельдмаршала, но за пределами России и к военной верхушке империи фактически отношения не имевшие. Это король Черногории Николай I и король Румынии Кароль I. Да и возраст обоих монархов препятствовал военным забавам. Черногорцу в начале Первой мировой исполнилось 73, румыну было 75.

Но вернемся к простым генералам. Что же представлял собой генеральский корпус империи? Проще говоря, кто эти люди?

Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год сообщал, что по штату числились 1262 генерала, по действительным спискам – 1299. Еще 103 генерала служили на флоте вместе с 60 адмиралами. Непосредствен-

но перед войной внушительная компания пополнилась. Число армейских генералов возросло до 1574. Из них генерал-майоров 1034, генерал-лейтенантов – 371, полных генералов – 169.

Как-то с трудом верится, что подавляющее большинство из них были профессионально непригодны. Особенно если посмотреть на уровень военного образования русского генералитета. Оно в империи имело три основные ступени: кадетский корпус, военное училище, военную академию. Не всем генералам Великой войны удалось в свое время преодолеть все три. Так, тот же Брусилов высшего военного образования не имел. Однако общая картина вполне приличная: среди полных генералов 62 процента окончили одну из пяти имевшихся в России военных академий. В целом 56 процентов генералов имели высшее военное образование. Любопытно, что цифирь, касающаяся генералов-строевиков, выглядит внушительнее. Так, из 37 командиров корпусов академию прошли 33, из 87 командиров дивизий – 65. О том, насколько интенсивно шли армейские реформы в период между русско-японской и Первой мировой войнами, говорит такой факт: в 1904-м среди командующих корпусами было чуть более половины «академиков», в 1914-м – 90 процентов. Помимо графы «образование» в анкете присутствуют и другие пункты: возраст, происхождение, вероисповедание, национальность, материальное положение... Тип генерала образца 1914 года выглядел примерно так. Генерал-лейтенант моложе 60 лет, генерал-майор в пехоте – около 55, в кавалерии – разменявший «полста». А вот у полных генералов с возрастом было неважно: за 60. Дворянским происхождением могли гордиться 9 из 10 генералов. Другое дело, что к началу XX века поместное дворянство заметно поубавилось в числе. Густые эполеты носили преимущественно дворяне служилые.

Заседание Ставки Верховного главнокомандующего. Могилев. 1 апреля 1916 года

Генерал
Н.Н. Юденич
с офицерами
штаба

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А раз так, то и жили на жалованье, не имея специального «тылового финансового» обеспечения. Из 37 корпусных и 87 дивизионных командиров только 10 человек обладали земельной собственностью. Конечно, генеральское жалованье вместе с надбавками – сумма достойная. Например, генерал-лейтенант в должности командира корпуса получал на руки оклад в 1800 рублей годовых плюс 5700 так называемых столовых. А еще оплачивались командировочные, прогонные деньги, платились усиленные оклады в зависимости от условий и места службы. Но в случае отставки многие генералы оставались в весьма скромном положении. Генерал от инфантерии Алексей Эверт, командовавший в 1915–1917 годах Западным фронтом, после Февральского переворота вышел в отставку и вскоре написал в Военное министерство довольно откровенное письмо, суть которого – просьба скорее начислить пенсию, в противном случае проситель останется без средств к существованию.

По вере большинство генералов исповедовали православие. В этническом отношении доминировали русские: 86 процентов. Каждый десятый генерал был этническим немцем. На другие нации приходилось всего 4 процента.

Четверо из каждых пяти генералов находились в официальном браке.

С ОПЫТОМ И БЕЗ

Русский генералитет Первой мировой любят упрекать в излишней «паркетности». Не на полях сражений и не на строевой службе выслуживались генеральские эполеты и свитские аксельбанты. Сюда же – тезисы о любви к парадам и недостатке прикладной подготовки. Сюда же – истории об интригах, связанных с «вкусными» должностями и производством в чины. Отчасти все это верно. И «паркетных» генералов хватало, в том числе на ключевых должностях в начале войны. И традиционная, со времен Павла Петровича, любовь к парадам и строевым учениям не миновала последнего императора и многих членов фамилии. И интриги плелись – а в какой армии без интриг?

Но огульно обвинять весь генералитет в указанных поро-

Николай
Владимирович
Рузский
(1854–1918)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ках и слабостях – это чересчур. Особенно – обвинять в том, что наши генералы в Первую мировую вступили, не имея боевого опыта и навыков практического командования крупными соединениями. Один из современных исследователей с завидной дотошностью изучил довоенные биографии семи командующих фронтами Первой мировой и пришел к результатам, способным ошеломить всякого непосвященного. Статистика – вещь объективная, но легко позволяющая делать субъективные выводы. Результаты таковы: генералы Алексеев, Жилинский, Эверт, Иванов, Рузский, Брусилов и Куропаткин имели такой скромный командный строевой опыт, что делать на войне им, по большому счету, нечего. От 12 до 18 процентов от общего срока службы. Интерпретация такова, что все остальное время эти офицеры будто бы и не служили: болтались при штабах, отправлялись в длительные командировки, преподавали невесте что в академиях и офицерских школах, отгуливали нескромные отпуска... Несколько мягче автор относится к генералу Михаилу Алексею, отмечая его исключительное трудолюбие и тягу к самообразованию. Но заключение как диагноз: «Будущий главнокомандующий не приобрел опыта боевого управления подчиненными войсками – именно того, что требуется от военачальника на войне». Не хватает одного – пояснения, как называется опыт, приобретенный на русско-японской войне в должности генерал-квартирмейстера штаба 3-й Маньчжурской армии. Именно в этой должности Алексеев пребывал с октября 1904-го и до конца событий на Дальнем Востоке. А это как-никак – четыре пехотных корпуса и две бригады кавалерии под рукой. К слову, генерал-квартирмейстер – это второй человек в штабе после его начальника.

Во-вторых, история России на стыке XIX–XX веков войнами

не богата. Русско-японская не была столь масштабной, чтобы «обстрелять» всех генералов. Тем более что значительная часть генералов Великой войны в 1904–1905 годах генералами еще не были. А те военачальники, что зацепили последнюю Русско-турецкую войну, 1877–1878 годов, воевали в ней по большей части младшими офицерами. И последнее: интересно, в какой такой войне приобрели боевой командный опыт лучшие германские генералы Первой мировой – Людендорф, Гинденбург и Макензен? Второй рейх последний раз перед Первой мировой бегал в атаку в 1871 году во время драки с французами. Людендорфу тогда едва исполнилось 6 лет. Два других поучаствовали во Франко-прусской войне в качестве начинающих. Лучший австрийский военачальник, фельдмаршал Конрад, если где и получил «боевой командный опыт», так это во время карательных экспедиций на Балканах. И ничего, справлялись эти ребята по мере сил с проблемами во время Первой мировой.

Итак, войну Россия встретила, имея следующих военных руководителей. Верховным главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич-младший, дядя императора. Военный министр – генерал от кавалерии Владимир Сухомлинов. Начальник штаба Верховного генерал от инфантерии Николай Янушкевич. Генерал-квартирмейстер штаба Верховного – генерал от инфантерии Юрий Данилов-Черный. Командующие фронтами: Северо-Западным – генерал от кавалерии Яков Жилинский, в сентябре замененный генералом от инфантерии Николаем Рузским; Юго-Западным – генерал от артиллерии Николай Иванов. Спустя год, в августе 1915-го, появились еще два фронта. Первым командующим Северным фронтом стал все тот же генерал Рузский, Западным фронтом – генерал от

Владимир
Александрович
Сухомлинов
(1848–1926)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

инфантерии Алексей Эверт. Впоследствии фронтами командовали генералы Алексеев, Брусилов, Куропаткин, Плеве, а уж после февральских событий 1917-го началась сплошная чехарда. Фронты сменили 13 командующих. Но это уже другая тема.

Среди прочих командиров соединений в начале войны значились такие яркие фигуры, как генералы Щербачев, Ренненкампф, Мищенко, Слюсаренко, Горбатовский, Келлер, Булгаков, младший брат царя, великий князь Михаил Александрович, Каледин, Корнилов, Деникин, Хан Нахичеванский, Головин, Баратов, Селивачев, начальник штаба Кавказской армии Юденич, начальники гарнизона Осовецкой крепости Шульман и Бржозовский... Да разве всех перечислишь!

Павел
Иванович
Мищенко
(1853–1918)

ЛЮДИ ИЗ СТАВКИ

О великом князе Николае Николаевиче-младшем современники говорили разное. Одни считали, что он – прирожденный воин, блестящий знаток службы и, особенно, кавалерийского дела. Отмечали его личную храбрость. Чего стоит сюжет времен русско-турецкой войны, когда «Николаша» (так звали Его высочество среди Романовых) переправился через Дунай и на виду у турок уселся на бруствер, сопроводив сей акт следующим комментарием: «Что кланяться, что не кланяться пулям, кому жить – не тронет, кому нет – не простит...»

Узнав о дерзком поведении сына, главком Николай Николаевич-старший аж прослезился.

Другие весьма скептически оценивали великого князя в качестве главковерха. Ссылались на его скромные стратегические способности, а также весьма неуравновешенную натуру. Пнева князя боялись в армии, а минуты душевной слабости и растерянности отмечали в мемуарах некоторые подчиненные.

В чем едины апологеты и критики, так это в том, что в войсках Николая Николаевича любили, считая своим, коренным. Кличку, правда, дали двусмысленную: «Лукавый». В контексте молитвы «Отче наш».

Внук императора Николая I и в самом деле был кадровым военным. Он родился в 1856 году, в службу был определен в 16 лет. В 1876 году окончил Академию Генерального штаба с серебряной медалью. В 21 год уже был полковником и в этом чине принял участие в русско-турецкой войне, за которую удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени и Золотого оружия «За храбрость».

Возвращаясь к пресловутому командному опыту, стоит отметить, что Лукавый в течение долгих лет последовательно командовал лейб-гвардии Гусарским полком, бригадой и дивизией гвардейской кавалерии. Так что толк в строевой службе знал. После 1895 года занимал различные должности в армейском руководстве вплоть до

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

председателя Совета государственной обороны, созданного в 1905 году.

Был ли князь стратегом? Он командовал Русской армией в течение года с небольшим. За этот период были проведены успешные Галицийская и Варшавско-Ивангородская операции, взята австрийская крепость Перемышль с 120-тысячным гарнизоном. В то же время случилось поражение в Восточной Пруссии и Великое отступление весной-летом 1915-го с огромными потерями. Несмотря на наличие плана, разработанного в Генштабе еще до войны, складывается впечатление, что у главковерха имелись проблемы со стратегической инициативой. После первых двух месяцев войны он, скорее, следовал обстоятельствам, а не создавал их. Кроме того, Лукавый так и не нашел общего языка с военным министром Сухомлиновым, отвечавшим за весь тыл. Наконец, в сугубо политической сфере Николай Николаевич вел себя довольно неаккуратно. Весьма сомнительно, что он вынашивал планы превратиться в Николая III, так как был плоть от плоти династии. Но его поведение заставляло многих при дворе думать иначе.

Да, великий князь не был ни Скобелевым, ни тем более Суворовым. Но и Куропаткиным времен русско-японской войны его не назовешь. Если на секунду забыть о потерях, остался к моменту отсылки на Кавказский фронт «при своих». За время командования награжден орденом Святого Георгия 3-й и 2-й степени.

Куда хуже обстояло дело с назначениями Лукавого на главные штабные посты. Генерал Янушкевич – особый случай. Все в один голос твердили, что этот еще один Николай Николаевич никак не может быть начальником штаба Ставки. Он им, собственно, так и не стал. Скорее – числился.

Янушкевич родился в 1868 году в семье офицера. Военную карьеру выбрал сразу. Но как-то так вышло, что после окончания Михайловского артиллерийско-

Николай
Николаевич
Янушкевич
(1868–1918)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

го училища и Академии Генштаба Янушкевич попал на сугубо канцелярскую работу. Дважды отбывал цензовое командование: ротой в гвардейских стрелках и батальоном в лейб-гвардии Финляндском полку. В общей сложности в строю – 1 год и 4 месяца. В остальные годы службы – военный чиновник, юрист, профессор, отчасти – дипломат. Впервые вызвал всеобщее удивление в армии, когда указом императора был назначен начальником Генерального штаба в марте 1914 года. Второй раз – когда оказался в Ставке главковерха в должности начальника штаба. Когда в сентябре 1914 года получил орден Святого Георгия 4-й степени, уже не удивлялись. Всем было ясно, что тихий и неприметный начштаба для «Николаши» – это удобнее, чем самостоятельный и стратегически мыслящий генерал. Янушкевич убыл на Кавказ вместе с патроном. И там им обоим сильно повезло: начальником штаба Кавказской армии служил Николай Николаевич Юденич, один из немногих генералов Великой войны, который не познал поражения. Надо отдать должное обоим Николаям Николаевичам. Они третьему Николаю Николаевичу практически не мешали уничтожать турецкую армию. Характерный штрих: Янушкевич неоднократно отписывал в Петроград на тему никчемности других генералов, как в Ставке, так и на фронтах.

Еще одна фигура из Ставки – Юрий Данилов-черный (в отли-

чие от двух других Даниловых – рыжего и белого). По сути, именно он занимался стратегическим планированием и разработкой конкретных крупных операций при великом князе и Янушкевиче. В стратегическом отношении Данилов был подготовлен куда лучше, чем его начштаба. И способности определенные имелись, и практика службы в штабе Киевского военного округа, в Главном управлении Генерального штаба. Кроме того, за спиной было два года командования пехотным полком. Если что и мешало Данилову творить, так это неумное тщеславие, не позволявшее ему трезво относиться к критике и спокойно анализировать предложения других генералов и офицеров Ставки, идущие вразрез с его собственными.

Любопытная деталь: и Данилов, и Янушкевич окончили Михайловское артиллерийское училище. Данилов, правда, двумя годами ранее. Но вот в Николаевской академии они учились вместе и вместе же ее окончили по первому разряду.

ОСТАЛЬНЫЕ – НА ФРОНТ

Командующий Северо-Западным фронтом Яков Жилинский в должности продержался недолго, менее двух месяцев. Был снят с должности в связи с разгромом входившей в его подчинение 2-й армии генерала Самсонова под Танненбергом, в Восточной Пруссии.

Казалось бы, послужной список этого генерала говорит о том, что он должен был справляться с обязанностями комфронта. Рожденный в 1853 году в семье кадрового военного, Яков Григорьевич и в строевых офицерах послужил, и академию окончил, и на русско-японской войне побывал, и на крупных штабных должностях был замечен. Как никак – начальник Генерального штаба до весны 1914-го, потом Варшавский военный губернатор и начальник Варшавского военного округа. Что и послужило поводом к его назначению командующим Северо-Западным

фронтом. До сих пор историки спорят, кто же прежде других виноват в поражении 2-й армии у Мазурских болот. Одни считают – Самсонов, другие – Жилинский. Третьи – и тот, и другой. Скорее всего, правы последние. Но как бы то ни было, после Танненберга карьера Жилинского сошла на нет. Что абсолютно справедливо.

Командующий Юго-Западным фронтом Николай Иудович Иванов – фигура по-своему легендарная. Участник трех войн: русско-турецкой, русско-японской и Первой мировой. Причем, в отличие от большинства коллег, генерал Иванов отправился на свою первую войну, будучи уже вполне состоявшимся офицером, в возрасте 26 лет, спустя восемь лет после окончания Михайловского артиллерийского училища. Там ему впервые повезло на начальника. Он оказался под рукой у знаменитого русского военного инженера Тотлебена. Спустя двадцать лет Иванову довелось служить под началом другого замечательного военного специалиста – главного артиллериста империи великого князя Михаила Николаевича. Иванов отличился на японском фронте, крайне успешно командовал 3-м Сибирским армейским корпусом в битве под Ляояном и Мукденом. Это несмотря на общий неуспех Русской армии. За что и был награжден орденом Святого Георгия 4-й и 3-й степени и Золотым оружием с бриллиантами. Причем таковых, получивших Третьего Георгия за всю войну, оказалось еще семь человек. С 1908 года Николай Иудович командует Киевским военным округом. Так что боевого командного опыта – не занимать. Сам он вполне трезво относился к собственному военному багажу, особенно в части образования. Считал, что отсутствие академического образования – его большой личный минус. И, несмотря на солидный возраст, старался наверстывать упущенное. Первые месяцы Первой мировой под управлением Иванова Юго-Западный фронт про-

Николай
Иудович
Иванов
(1851–1919)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

являл себя весьма достойно. Галицийская битва, взятие Львова и Перемышля, Варшавско-Ивангородская операция, весьма приличное начало Краковской операции... Иванов награждается орденом Святого Георгия 2-й степени. Потом выяснится, что он станет одним из четырех русских военачальников Первой мировой, получивших эту высокую награду. Первой степени так никто и не удостоился.

Но потом, когда австрийцы и немцы устроили нам Горлицкий прорыв в мае 1915 года, что-то с Ивановым стряслось. Он по-

Страница
журнала «Нива»
за 1915 год №43

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

терял былую активность, стал крайне осторожен, все чаще оглядывался на Ставку. Брусилов в мемуарах пытался объяснить это тем, что над Николаем Иудовичем вечно висел груз поражений в японской войне. Но как это коррелируется с тем, что именно на той войне Иванов проявил себя решительным и эффективным командиром?

Ответа мы, видимо, никогда не получим, так как знал его только сам Иванов. Он погиб от тифа в Гражданскую войну. Записок после себя не оставил. И, вопреки привычкам к простому общению с солдатами, доверительными отношениями в генеральско-придворном мире не прельщался.

Казалось бы, намечается некоторое противоречие. В начале Первой мировой ключевые должности в армии заняли генералы не столько «полные», сколько весьма «худые». И карьеры вроде бы вполне себе, и войны за плечами, и авторитет у некоторых в войсках. А общее впечатление – неважное. Но какую войну ни возьми, всегда по мере ее течения выдвигались на заметные роли те генералы, которые в боях доказывали собственную состоятельность. Так же было и в Русской армии начиная с 1 августа 1914 года. И вскоре пришли талантливыи стратег и организатор генерал Михаил Алексеев – на главный штаб Ставки, Павел Плеве и Алексей Брусилов – на командование фронтом, Алексей Каледин и Дмитрий Щербачев – на армии... Конечно, оставались в строю и те генералы, про которых сказано современником Первой мировой войны: «Они больше вреда приносят, чем враги по ту сторону фронта». Но то же самое могли бы сказать о некоторых своих военачальниках австрийцы и немцы, турки и болгары, французы и англичане, итальянцы и румыны. Представители всех стран, оказавшихся в топке Великой войны.

В этой топке стореило 35 русских генералов. Убитые и скончавшиеся от ран, они замолчали навеки. И не всякого портрет остался. ■

ПУТЕМ СМирЕНИЯ

АВТОР

ЕЛЕНА БЕРДНИКОВА

С СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА НА ЗАПАДЕ В ИЗДАТЕЛЬСКОМ МИРЕ СУЩЕСТВУЕТ СВОЕОБРАЗНАЯ ТРАДИЦИЯ БЕСТСЕЛЛЕРА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. НО СЕГОДНЯ, КОГДА ХАОТИЧЕСКИЙ МИР 2014 ГОДА ОЧЕНЬ ПОХОЖ НА ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ МИР 1914-ГО, НОВЫЕ КНИГИ О БЕДЕ СТОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ ПОЛНЫ НЕ ТОЛЬКО ПРИЗЫВОВ «ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ», НО И ТРЕВОГИ ЗА НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

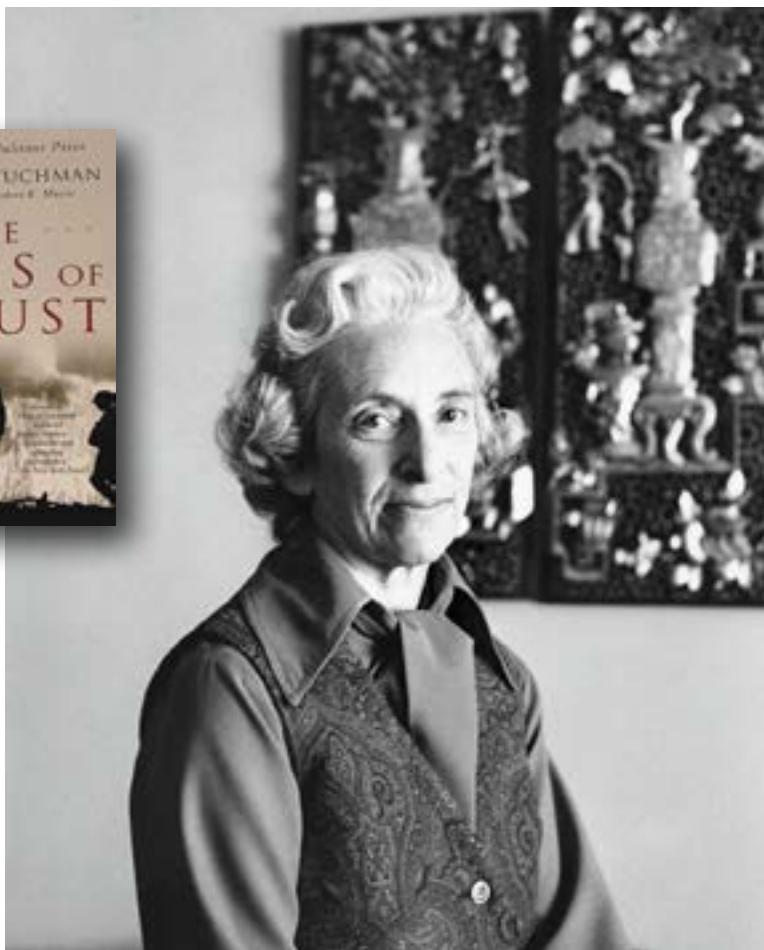
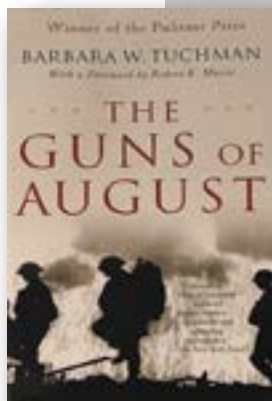
В СИТУАЦИИ, КОГДА «ЗАБЫТАЯ ВОЙНА» снова входит в историческое сознание граждан России, прочесть книги о ней, написанные историками тех народов, которые думали о первом глобальном конфликте в течение последних ста лет, – значит не только восполнить лакуны фактического знания, но и понять суть мирового момента. Начало 1960-х стало временем прорыва исторической науки к массовому европейскому и американскому читателю, пожелавшему понять смысл двух мировых войн, которые случились на протяжении жизни одного поколения. Среднего европейца, дважды за полвека увидевшего разрушение континента, не надо было убеждать в том, что в основе войны – провал центров принятия решений, банкротство элит.

КОРОТКОЕ ПЕРЕМЕРИЕ

В 1960-х эта точка зрения не только получила документальное подтверждение, но и облеклась в книги, вырвавшиеся в бестселлеры. В Америке таким бестселлером стала книга 1962 года «Августовские пушки» Барбары Такман. Внучка посла США в Османской империи Генри Моргантау застала войну в двухлетнем возрасте и однажды проехала по опасному морскому пути на руках у деда. Ее «Пушки» – опыт критического взгляда элиты на себя самое – получили Пулитцеровскую премию и были с пользой прочитаны президентом Джоном Кеннеди в пору Кубинского ракетного кризиса. По словам американского историка Томаса Лакёра, президент Кеннеди сказал брату Роберту так: «Я не собираюсь идти таким курсом, который позволит кому-то написать «Ракеты октября» о нашем времени. Если после всего этого кто-нибудь останется в живых, они поймут, что мы сделали все для сохранения мира». В Германии 1960-х возникла немецкая школа историографии, получившая название по имени

основателя – Фрица Фишера. Ее представители с новыми фактами в руках обосновали справедливость 231-го пункта Версальского мирного договора о вине Германии в развязывании Первой мировой войны. Притом что взрывчатая природа самого обвинения, включенного в мирный договор, до сих пор осуждается, немецкие историки сделали много больше других для фактического подкрепления тезиса и обличения собственных правителей прошлого. В 1969 году Фриц Фишер выпустил книгу «Война иллюзий», анализ внешней политики Германии с 1911 по 1914 год в свете примата ее внутренней политики. Последняя

Барбара Такман

как раз определялась страхом правящих кругов перед немецким обществом, требующим от кайзера и национальной аристократии демократизации и нового жизненного пространства. Но бунтующие массы были отправлены искать это пространство на Восточный и Западный фронты. Германскую монархию эта уловка не спасла – она и так закончила существование в 1918 году, а элита уцелела и, по мнению Фишера, вела политику внешней агрессии вплоть до «тотальной войны» и национального краха в 1945 году.

В 1967 году американский историк, профессор Принстонского университета Арно Майер, выживший в Холокосте, опубликовал эссе «Примат внутренней политики» – о 30-летнем политическом кризисе 1914–1945 годов. Арно Майер смотрит на Первую мировую с большой дистанции, видя в ней завершение могущественного антимонархического движения, начатого в 1789 году Великой французской революцией. Первое европейское «восстание масс» и брожение Наполеоновских войн смирила мирная конференция победителей, Венский конгресс 1814–1815 годов, создавший Священный союз европейских государств и Венскую систему международных отношений.

Хотя многие положения Венской системы действительны как нормы и факты международных отношений и сейчас (идея баланса сил в Европе, признание факта существования «великих держав» при стремлении умерить их свободу и т.д.), сама идея Венского конгресса – обеспечить незыблемость монархий в Европе – сгорела в огне Первой мировой. Из четырех ведущих участников Венского конгресса – России, Великобритании, Пруссии

и Австрии – в 1918 году лишь Великобритания оставалась монархией и империей. Империи Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов прекратили существование в последний год войны, бывшей, в видении знаменитого историка-марксиста, лишь пароксизмом цепляния за власть наследственных аристократий, не способных ничем обосновать свои претензии и спасающихся лишь посылкой «конкурентов»-масс на бойню.

Сейчас уже стала всеобщим достоянием точка зрения, что не было никаких двух мировых войн, а была одна Великая война, с 1914 по 1945 год, разделенная 21-летним перемирием 1918–1939 годов. До начала Второй мировой Первую называли Великой, а ее окончание 11 ноября 1918 года во всех календарях европейского мира до сих пор чествуется как Armistice. Прекращение огня всего-навсего. Короткое перемирие.

Вспоминаются слова императора Николая II, сказанные в дни июльского кризиса накануне войны, о нежелании быть ответственным за чудовищную бойню. В применении к России анализ Майера действует с одной поправкой: на существование особенно шатких и неумных элит, которые предпочли в сложной ситуации спастись даже без Ставки, в историческом «налегке», и не устояли против народа, пожелавшего избавиться и от них.

В том, что в мире не разразилась Третья Великая война, – огромная заслуга именно людей теоретической мысли, по-разному пытавшихся взглянуть на истоки и смысл Первой мировой. В книге

советского историка Кирилла Борисовича Виноградова «Буржуазная историография Первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг.», вышедшей одновременно с томом Барбары Такман, в 1962 году, работы коллег по ту сторону железного занавеса подвергались неизбежной в духе времени, но часто справедливой критике. Но пока Виноградов писал свой труд, «буржуазная историография» 1960-х бросила мелочную ра-

боту – вымерять, кто первым объявил мобилизацию: муза истории заставила своих детей взлететь на приличную их науке высоту. Диалектику они учили, в отличие от многих в СССР, как раз по Гегелю и Марксу, а кое-кто заглянул с пользой и в труды Ленина. Последний и в 2012 году оказался, согласно рейтингу ООН Index Translatorium, самым переводимым русским автором. Видимо, это результат того, что написанный в Цюрихе в военном 1916 году популярный очерк «Империализм, как высшая стадия капитализма» ему явно удался.

Кристофер Кларк

DUMEDIA

НИЩЕТА ФАКТМАНИИ

А как же теперь? Насколько мир защищен трудами современных историков от очередного помрачения?

«Печально я гляжу на наше поколение» – эти слова приходят на ум.

Не только потому, что многие книги – это книги о «погибшем поколении» 1914 года, которое трудно идеализировать, но нельзя не оплакивать. Дети «нервной эры», по слову Кафки, они увидели бури артобстрелов, войну и хаос. Они – Гашек, Ремарк, Хемингуэй, Булгаков, Олдингтон – оставили столь могучее литературное наследие, что новейшие реконструкции бледнеют рядом с ним. Довоенный мир магнетизирует, влечет, о нем хочется знать детали, которых старые книги не сообщают именно потому, что детали эти были так очевидны авторам. «Лишь основательность может быть занимательной», – писал Томас Манн во вступлении к своей «Волшебной горе», самой увлекательной и совсем не документальной книге о заколдованной Европе 1907–1914 годов.

Следуя завету классика, основательно рассказывает о 1913 годе его соотечественник, журналист и историк искусств Флориан Иллис. Его «1913: год перед бурей» – это европоцентричная картина эпохи. Труд британского историка и специалиста по международным отношениям Чарльза Эммерсона «1913: мир накануне Великой войны», напротив, амбициозная глобальная историческая реконструкция, репортаж из 23 городов: не только из европейских столиц, но и из Тегерана, Иерусалима, Константинополя, Мехико-Сити, Детройта. Везде там живут «легкомысленные люди», которых не

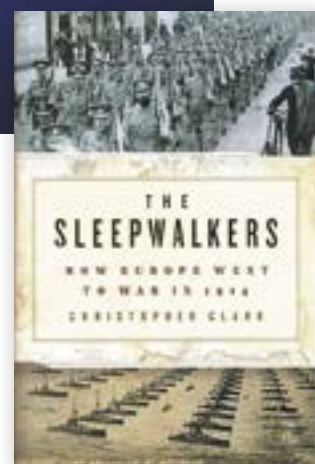
стало после Первой мировой, как заметила в своих мемуарах Нина Берберова.

И все же печаль при взгляде на книжные хиты 2010-х объясняется не тем, что мы похожи на легкомысленных людей нервной эры, а каким-то более фундаментальным откатом, который нельзя не заметить, читая новые книги, сравнивая их со старыми и глядя в окно.

Дело даже не в том, что современность, мало похожая на «противостояние двух держав», похожа на 1914 год. Как сказал профессор современной истории в Кембридже и автор «Лунатиков» (самой знаменитой современной книги о той войне), британец Кристофер Кларк: «Что поражает читателя XXI века, следящего за развитием кризиса, – это его неприкрашенная современность. Он начался с кавалькады автомобилей и группы террористов-смертников... Со времен конца холодной войны система глобальной биполярной стабильности уступила место более сложному и непредсказуемому кругу сил, в который входят и империи в стадии упадка, и новые страны на подъеме, – это положение дел легко сравнить с Европой 1914 года».

Но не это сходство, даже не мысль о международном положении 2014 года заставляет вздохнуть о своей эпохе и о себе.

Самое печальное – в самих «Лунатиках», умной, хорошо написанной книге о Первой мировой.

Шон Макмикин

Она рассказывает о том, **как** началась та война, но даже не задается вопросом – **почему**. Соединение в одном томе принципиального отказа от теории, какой-то намеренной, аскетической бедности мысли – и изумительного фактического богатства, собранного в архивах разных столиц, – изумляет.

Что, в самом деле причина той войны заключается в «кризисе мужественности», как предположил Кристофер Кларк, поведавший о впечатляющей любовной жизни начальника австро-венгерского Генерального штаба Конрада фон Хётцендорфа? В том, что элиты боялись посягательств пролетариата и «цветных» на их положение «настоящих мужчин»? Как метко ответил уже упомянутый Томас Лакёр, «кризис мужественности» со времен Трои – главная причина всех войн. Но в чем причины именно той?

Американский историк Шон Макмикин в книге «Июль 1914-го» написал, что причина – в позиции, занятой Россией. И этот ответ хотя бы удовлетворяет требованию разнообразия, ведь историки редко оспаривают тезис Фишера о немецкой вине, пусть им и не по душе весь этот вечный антигерманский зачин в духе «горе побежденным». Но Макмикин делает большее, чем смена страны-виновника, – он занимается разбирательством не вины, а «грехов».

Концепция греха – парадокс, почти экстравагантность в контексте научной книги о дипломатическом кризисе июля 1914 года, в перипетиях ко-

торого «буржуазные историографы» тонут и топят своих читателей, как и десятилетия назад. Так же глубоко, но все же иначе. Парадокс и нонсенс, мысль о затаившихся где-то (пусть в России, это не важно) грешниках – богаче, чем кажется. Очевидной нищете фактомании есть только два возможных объяснения.

Первое объяснение в том, что мир захватили какие-то микробы, чрезвычайно трудолюбивые и не лишенные талантов, но питающие природное отвращение к смелому полету мысли. В России они выпускают свой извод микроскопических книг, «выбывающихся» в бестселлеры, пусть и не о Первой мировой.

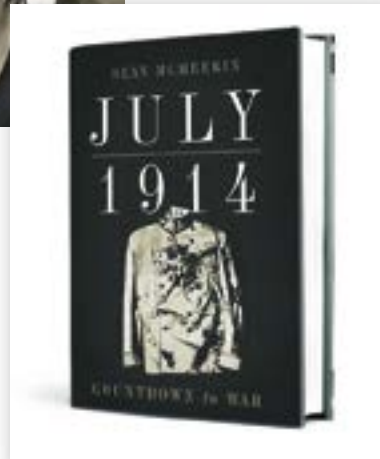
Второе объяснение – в том, что, испробовав все объяснения, от ленинского классового анализа до микроидей частных мемуаров, от псевдофрейдистских ремарок до теории зла отдельных стран, от всеобщей теории заговора до очередного избличения империализма, человечество подошло вплотную к осознанию простого факта: Первая

мировая – загадочнейшее событие в мировой истории. При обилии так называемых предпосылок на самом деле ее не предвещало и не обуславливало ничто, а описывало разве что речение: «Кого Бог желает погубить, того лишает разума». Она похожа на вмешательство Господа в историю, на некое чудесное, ветхозаветное по стилю наизидание, которое, как и катастрофа «Титаника», и рукотворно с начала до конца, и

при этом все-таки необъяснимо.

На примере этого исторического феномена человек видит границы своего познания так же явно, как человек 1914 года увидел свою личную и видовую хрупкость на фоне 42-миллиметровой гаубицы и станкового пулемета «максим».

Контраст события и человека, даже человечества, зачаровывает и заставляет искать новые и новые объяснения. И вот мы дошли до старины, предшествующей Великой французской революции 1789 года, не говоря уже о Венском конгрессе и отце его Меттернихе. Дошли до греха и Бога. Свободы воли, ложные уклоны которой увлекли мир в бездну. Это совсем старые и, главное, очень большие идеи, даже не чета гегелевскому абсолютному духу, хотя и родня ему. Жаль только, что вновь дошли до этой грандиозности, только превратившись в каких-то людей-микробов. Но, впрочем, другие и не смирились бы для признания сверкающей в глаза истины. «Величит душа моя Господа» – вот о чем говорят как могут эти странно-бедные новые книги о катастрофе человечества. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БЛАЖЕННЫ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ

АВТОР
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

«ОДОЕВСКИЙ? – НЕ-Е-Е, НЕ ЧИТАЛИ, – ЧЕШУТ В ЗАТЫЛКЕ СОВРЕМЕННЫЕ ЧИТАТЕЛИ. – А ЧТО ОН НАПИСАЛ?» А ПОТОМ ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО МЫ ВСЕ ЕГО С ДЕТСТВА ЗНАЕМ, ПОТОМУ ЧТО «МОРОЗ ИВАНОВИЧ» БЫЛ ВО ВСЕХ УЧЕБНИКАХ «РОДНАЯ РЕЧЬ», А КНИЖКА «ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ» ИМЕЛАСЬ В КАЖДОЙ ЧИТАЮЩЕЙ СЕМЬЕ. НО ЭТИМ, КАЖЕТСЯ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ОБ ОДОЕВСКОМ ОБЫЧНО И ОГРАНИЧИВАЮТСЯ.

ОДОЕВСКИЙ, КОНЕЧНО, не детский писатель. Но взрослый писатель Одоевский известен, пожалуй, только историкам литературы и самым пытливым читателям. И впрямь, не самое это легкое чтение: на сегодняшний вкус Одоевский слишком медлителен, слишком многословен, избыточен, даже тяжеловесен иногда – особенно на фоне стремительной, лаконичной, сжатой, далеко опередившей свое время пушкинской прозы. И все-таки его стоит читать. И помнить – стоит.

Современникам Одоевский запомнился человеком прежде всего очень милым. Милым, кротким, обаятельным, душевным; мемуаристы не скупятся на добрые слова, хотя часто приправленные иронией. Князь Одоевский был чужак, не от мира сего, русский Фауст; у него все гостили, все обедали, все говорили о литературе, все посмеивались над его чудо-соусами. Все видели человека умного, доброго, очень хорошего; открытый и любящий гостей, он оставался при этом наглухо заперт изнутри – только в сочинениях своих кое-где проговаривался о тоске, о душевной боли, о жестоких страстях. Но для внешнего мира это был очень корректный, красивый господин в хорошо сидящем фраке, с превосходными манерами настоящего аристократа – и при этом совершенно демократичный в обращении. Демократизм Одоевского, правда, уходил корнями не в социальные теории эпохи Просвещения, а в христианство.

ДЕТСТВО

Мальчик родился очень слабым и болезненным – его даже заворачивали в теплые шкуры с только что освежеванных овец. Он и всю жизнь оставался тонким, хрупким, белолицым. Внимательные глаза, огромный лоб, слабое здоровье – кажется, такие люди специально рождаются для занятий философией, поэзией и искусствами – и не выживут, если их вынуждать за-

ниматься чем-то иным. Или, может быть, и выживут, но навсегда потеряют часть своей души – как это случилось с героем «Сильфиды» Одоевского: обычный барин предался мистическим занятиям и обручился с Сильфидой, духом воздуха; окружающим состоянием его казалось безумием, от которого они его спасли: женили, вернули к жизни, сделали нормальным, да только он запил, потеряв летучую, волшебную часть своей души.

Князья Одоевские – Рюриковичи. Князь Федор Сергеевич служил директором Московского отделения Государственного банка. Жена его, Екатерина Алексеевна Филиппова, по утверждению некоторых источников, была крепостной крестьянкой. Это не так: мать ее, Авдотья Петровна, была прапорщицей, имела дом на Пречистенке, несколько человек дворни и небольшой капитал. Екатерина Алексеевна была красавица, говорила по-французски, играла на фортепьяно, интересовалась словесностью. Родовитые Одоевские не считали ее равней – удивительно, что она потом, после смерти мужа, не сохранила и княжеского титула, снова вышла замуж, за человека темного и неприятного. Роль родных и близких мамы и ба-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

бушки в жизни Владимира Одоевского – тоже темная и неприятная: уж очень они старались прибрать к рукам его наследство. Мир родственников отца, князей Одоевских, – совсем иной: это мир старого барства. Детские впечатления нашли отражение в прозе Владимира Федоровича. В неоконченной «Воспитаннице» мы читаем: «Представьте себе хоромы и жизнь старинного богатого русского боярина: дорогие штофные обои, длинные составные зеркала в позолоченных рамах; везде часы с курантами, японские вазы, китайские куклы, столы с выклеенными на них из дерева картинками; толпа слуг в ливреях, вышитых басоном с гербами; шуты, шутихи, карлы, воспитанницы, попу-

Церковь Власия в Старой Конюшенной слободе близ Пречистенки, в приходе которой был дом Авдотьи Петровны Филипповой. Фотография 1880-х годов

Угол Большого Харитоньевского и Малого Козловского переулков. В первой половине XIX века здесь находилось крупное домовладение Ф.С. Одоевского, отца писателя. Фотография начала XX века

гаи, приближенные; несколько десятков человек за обедом и ужином; во время стола музыка, вечером танцы, и все это каждый день – запросто; а в праздники, на Святках, на Масленице – блестящие балы, маскарады, французские спектакли; словом, все возможные выдумки рассеянности»... Упоминается там и москья, запряженная для мальчика в дрожки, – такой подарок в самом деле сделала маленькому Владимиру графиня Софья Апраксина.

Федор Одоевский умер, когда его сыну было 4 года; воспитанием мальчика сначала занимался дед его, полковник Сергей Иванович Одоевский. Но и дед умер довольно скоро, внуку оставил имение в Костромской губернии с четырьмястами душ крестьян – разумеется, под опекой. Опекушкой имений юного князя и его дядюшек по матери в конце концов стала знаковая бабушка Филипповой, генеральша Аграфена Глазова, которая так распорядилась доверенным ей имуществом, что дядюшки долго с нею судились, а Владимир Одоевский по выходе своем из пансиона оказался ей кругом должен – и долго не мог распутаться с этими долгами.

В войну 1812 года пречистенский дом Филипповых сгорел. Мать с Владимиром какое-то время прожили в имении Дроково в Рязанской губернии; имение это Екатерина Алексеевна потом совершенно прибрала к рукам. В 1818 или 1819 году, пока сын учился в пансионе, она вышла замуж во второй раз и, отдав сына под опеку генеральши Глазовой, поселилась со вторым мужем, отставным подпоручиком Павлом Сеченовым, в Дрокове; муж ее бил, разорял, пасынку тоже обеспечил немало неприятных переживаний. После выплаты отцовских долгов (оставлять детям долги было в порядке вещей в это время) и раздела с матерью Владимир Федорович остался с одним дедовским имением, почти разоренным.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Здание бывшего
Благородного
пансиона на углу
Тверской улицы
и Газетного
переулка

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПАНСИОН

Как и многие другие дворянские дети, Владимир поступил учиться в Московский университетский Благородный пансион. Главным его учителем там стал русский шеллингианец, профессор Иван Давыдов, преподаватель словесности; затем появился Михаил Павлов. Они заразили Одоевского интересом к философии, к естествоиспытательству, к разгадкам тайн природы. Еще одно открытие пансионера Одоевского – музыка. Он стал виртуозным музыкантом, превосходно играл на фортепьяно и особенно полюбил Баха – впоследствии сделал его героем новеллы, вошедшей в состав философского романа «Русские ночи».

Он начал писать музыку, много читал; стал писать стихи, которые посылал в письмах двоюродному брату, офицеру Александру Одоевскому – поэту, будущему декабристу, будущему автору хрестоматийной строки «из искры возгорится пламя». «Александр был эпохой в моей жизни», – признался позднее Владимир Федорович. Домой летели другие письма: Одоевский советовался с маленькой о том, как перекрасить нижнее белье и выкроить новый жилет из старого нижнего платья. Погодин, который учился с Одоевским в пансионе, помнил его таким: «стройненький, тоненький юноша, красивый собою, в узеньком фракке тем-

новишневого цвета». Вспомнил о «сенаторской важности» князя, его успехах в словесности, философии и планах издавать журнал.

В 1820 году князь Владимир впервые влюбился, в прелестную Наталью Щербатову, его кузину, дочь тетки Прасковьи Сергеевны Одоевской. Посвятил ей несколько романтических стихотворений, которые рассылал в разные журналы, в том числе «Благонамеренный». Стихи были совсем плохие. Но уже тогда он сформулировал свои требования к избраннице сердца: «женщина – с душою мужчины, с умом светлым, с мыслями обширными» – и тогда же констатировал печально, что это «вещь невозможная». Понятно было, что полунинций, обремененный долгами и совсем молодой Одоевский – плохая партия. Наталья впоследствии стала фрейлиной двора и женой барона Розена.

Александр
Иванович
Одоевский
[1802–1839],
русский поэт,
декабрист

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЛЮБОМУДРИЕ

В 1822 году Одоевский окончил пансион с отличием; имя его занесли на «золотую доску» лучших выпускников. После окончания пансиона вступил в кружок поэта Семена Раича, учителя Тютчева и Лермонтова. Раич писал в своей автобиографии: «В 1823 году под моим председательством составилось маленькое, скромное литературное общество... одни из членов постоянно, другие временно посещали общество, собиравшееся у меня вечером по четвергам. Здесь читались и обсуждались по законам эстетики, которая была в ходу, сочинения членов и переводы с греческого, латинского, персидского, арабского, английского, итальянского, немецкого и редко французского языка».

«Общество любомудрия» отделилось от «Общества друзей» Раича, поскольку члены его желали более глубоко исследовать немецкую философию. Александр Кошелёв вспоминал: общество «собиралось тайно, и об его существовании мы никому не говорили. Членами его были: кн. Одоевский, Ив. Киреевский, Дм. Веневитинов, Рожалин и я. Тут господствовала немецкая философия, то есть Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Геррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких любомудров. <...> Председательствовал кн. Одоевский, а говорил всего более Д. Веневитинов и своими речами часто приводил нас в восторг». Одоевский рассказывал об этом времени в «Русских ночах»: «Моя юность протекала в ту эпоху, когда метафизика была такой же общей атмосферой, как ныне политические науки. Мы верили в возможность такой абсолютной теории, посредством которой возможно было бы строить все явления Природы, – точно так, как теперь верят в возможность такой социальной формы, которая удовлетворяла бы вполне всем потребностям человека».

Почти все участники общества Любомудров были «архивными юношами» – служили в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Встречались Любомудры у Одоевского, который жил в маленькой квартирке в доме князя Петра Ивановича Одоевского – в доме номер 3 по Газетному переулку (дом не сохранился). «Общество Любомудров» просуществовало два года и окончило свое существование после восстания декабристов: тайные встречи, тайное общество – все это было небезопасно, тем более что Любомудры были связаны с декабристами тесными дружескими и родственными связями. Владимир Одоевский собрал Любомудров и сжег при них весь архив общества в камине.

АЛЬМАНАХ

Сразу после выпуска из пансиона Одоевский познакомился с Кюхельбекером и вместе с ним приступил к изданию – не журнала, как планировал, а альманаха. С финансами помог общий друг Грибоедов. Назвали детище «Мнемозиной». Одоевский ставил перед альманахом задачу «положить предел нашему пристрастию к французским

теоретикам» и «распространить несколько новых мыслей, блеснувших в Германии», но при этом не упустить из виду «сокровища, вблизи нас находящиеся» – то есть не только заимствовать лучшее у европейцев, пропагандировать шеллингианство, но и самим создавать свою оригинальную философию – это была заветная мысль Веневитинова. Кюхельбекер больше внимания

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797–1846), русский поэт, прозаик, драматург, критик, декабрист, друг А. Пушкина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

уделял гражданской национальной поэзии. Кюхле, лицейскому другу, дал для альманаха свои стихи Пушкин: в «Мнемозине» вышли его стихи «К морю», «Демон» и «Татарская песня» – отрывок из поэмы «Бахчисарайский фонтан». «Мнемозина» выходила раз в три месяца, больше походила на журнал, чем на альманах, и собрала серьезные литературные силы: помимо Пушкина в ней печатались Боратынский, Вяземский, Грибоедов, Языков, Денис Давыдов, Шаховской... Публика приняла «Мнемозину» благожелательно, тираж был полностью распродан, его даже пришлось допечатывать. Однако в свет вышли всего четыре книжки альманаха, а затем – восстание декабристов, арест Кюхельбекера... Издание прекратилось, но идею журнала Одоевский не оставил. Появился «Московский вестник»; именно с него началось настоящее знакомство Одоевского с Пушкиным – и началось с пушкинского жестокого разноса критической статьи Одоевского: ему показался недостаточно почтительным тон, которым Одоевский взялся рассуждать о Державине. Пушкин и Одоевский – при уважении друг к другу, при общих знакомствах, общем деле – шли разными литературными путями; их сотрудничество пришлось на 30-е годы, когда они вместе работали над «Современником». Шеллингианства Одоевского Пушкин не принимал, прозу его не любил, но его литературному чутью доверял, к его критике относился с уважением. Этим взаимным уважением были проникнуты их отношения и их совместная работа – и именно Одоевский первый печатно горестно воскликнул на всю Россию, когда Пушкин погиб: «Солнце нашей поэзии закатилось! ... Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!» Это – навсегда не вписано даже в историю литературы, а вырезано в камне, вытравлено жгучими слезами.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка и титульный лист журнала «Мнемозина» за 1824 год

ЖЕНИТЬБА

Середина 20-х. Одоевский замкнут и одинок. Самый близкий ему человек, двоюродный брат Александр, сослан в Сибирь. Арестован и сослан Кюхельбекер. Сам Одоевский не принимал участия в работе тайных обществ – объяснял так: «Я никуда не езжу и почти никого к себе не пускаю: живу на Пресне в загородном доме, и весь круг физической моей деятельности ограничивается забором домашнего сада. Зато духовная горит и пылает». Хотя идей декабризма не разделял, в обществе не состоял – но хлопотал о переводе Александра Одоевского из Сибири на Кавказ, поддерживал сосланного Кюхельбекера.

В это время в Москву перебралась тетушка Одоевского, умная и обаятельная Варвара Ивановна Ланская. Она была замужем за Сергеем Степановичем Ланским, будущим министром внутренних дел при Александре II. У Сергея Степановича были три сестры. Старшей, Ольге, было 29 лет. Сохранился всего один портрет Ольги Степановны, сделанный еще до ее замужества, с шифром фрейлины на плече. Круглое лицо, кроткое выражение, круглые глаза... Она совершенно очаровала Владимира, который был семью годами моложе; дневниковые его записи подробно рассказывают об этой влюбленности – и особенное внимание он придает тому, что уже три раза видел ее лицо в своих видениях.

Одоевский решил жениться – и вскоре, получив разрешение императрицы на брак фрейлины, женился. Влиятельный родственник устроил его в Цензурный комитет Министерства иностранных дел в Петербурге, и Одоевский переехал в Петербург. Прибыл он туда через два дня после казни декабристов – в город перепуганный, траурный, онемевший. Скоро состоялась свадьба. Одоевский был совершенно счастлив. Умная, спокойная и добрая Ольга Степановна дала ему ту материнскую заботу, которой он был

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ольга Степановна Одоевская, в девичестве Ланская (1797–1872), жена писателя. Портрет работы художника П.Ф. Соколова. Около 1826 года

Графиня Варвара Ивановна Ланская, урожденная княжна Одоевская (ум. в 1844), с дочерью Анастасией

лишен; это была жена-мать, жена-нянька, жена-хозяйка – скорее, чем жена-друг или собеседник. Тем не менее сейчас именно это ему и было нужно: уют, тепло, забота, безмятежная радость.

Служба его в Цензурном комитете началась с работы над Цензурным уставом. Прежний, предложенный министром просвещения Шишковым, был ужасен: запретить можно было все, что угодно; устав называли «чугунным». Новый устав, в разработке которого участвовал Одоевский, был принят в 1828 году и оказался куда более прогрессивным; цензура больше не предписывала ничего авторам, ее задача теперь была не допускать распространения вредных книг, а не определять ход развития общественной мысли.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Одоевский почти ничего не писал. Переходил из департамента в департамент, занимался то иностранными исповеданиями, то государственным имуществом. Он везде старался вникать в службу и относиться к ней честно и разумно. За многие годы на государственной службе он чем только не занимался; биограф его пишет: «Между прочим, ему приходилось присутствовать при производстве новоизобретенного способа очистки сомовьего клея, рассматривать усовершенствованные печи, механические кухонные очаги; затем князь был назначаем в состав такого рода комиссии, как комиссия для составления правил о производстве следствий, комиссия для усовершенствования пожарной части С.-Петербурга, наконец, комиссия о приведении в единообразие российских мер и весов и т.п. Подобные поручения и занятия нередко тяготили князя, но не умаляли его необычайной энергии и послужили для него, как он сам впоследствии признавался, – немалой и полезной школой».

САЛОН

Карьера его пошла в гору. У Одоевских открылся салон, в котором на равных привечали всех – и аристократов, и литераторов. Два этих общества, однако, плохо смешивались между собой – так что Ольга Степановна, которая едва ли не всем мемуаристам запомнилась величественной дамой, разливающей чай за самоваром, собирала вокруг себя аристократическое общество, а литераторы и философы стягивались в кабинет к Владимиру Федоровичу. Обеды у Одоевских были особые: хозяин, страстный кулинар, к приготовлению еды тоже подходил научно – вымачивал, вымораживал, делал какие-то необыкновенные соусы... изобретения его иногда оказывались совершенно несъедобны, а гости посмеивались над странностями хозяина. У Одоевских бывал Лев Толстой, бывали Некрасов и Па-

наев, Глинка и Даргомыжский... На его диване, сказал кто-то, сидела вся русская литература. Кабинет хозяина – где бы Одоевские ни жили – всегда выглядел примерно одинаково и был похож, скорее, на обиталище средневекового алхимика. Книжки, рукописи, пробирки, реторты, растения, музыкальные инструменты, скелет с черепом, фортепьяно... Одоевский принимал гостей по субботам – с 9 вечера до 2 ночи. Гостям являлся в длинном сюртуке из черного бархата и черном шелковом колпаке; может быть, его прозвище – русский Фауст – отчасти навеяно этим, а не только его философскими занятиями. Фаустом зовут и хозяина, принимающего гостей в его «Русских ночах» – одном из самых странных русских романов. Гости собираются к нему ночью – поговорить о философии, искусстве, будущем – о самом главном, о чем только и можно говорить ночью. Разговоры гостей с хозяином обрамляет целый ряд вставных новелл – иногда это мистические истории, иногда жуткие фантазии во вкусе Эдгара По; несколько рассказов из жизни великих творцов – Бетховена, Баха, Пиранези; две антиутопии – философский спор с идеями Бентама и Мальтуса... В роман трудно вчитываться, как тяжело входить в холодную воду, – но стоит вчитаться, и его тяжелое течение подхватывает, несет – и заставляет изумляться прозрениям Одоевского. «Русские ночи», задуманные в 1834 году и изданные в 1844-м, уже пророчили многое из того, что сбылось в будущем; внимание современного читателя не могут не привлечь обещания, что настанет время, когда рабочие, а потом и крестьяне скажут: это мы все производим, это мы всех кормим, мы и должны управлять государством. Одоевскому вообще были присущи удивительные прозрения – так, в своей утопии «4338-й год» он предсказал чуть ли не появление Интернета и соцсетей: домашние газеты, в кото-

Иллюстрация из книги В.Ф. Одоевского «Пестрые сказки». Санкт-Петербург. 1833 год

рых «помещаются обыкновенно извещения о здоровье или болезни хозяев и другие домашние новости, потом разные мысли, замечания, небольшие изобретения, а также и приглашения; когда же бывает зов на обед, то и le menu. Сверх того, для сношений в непредвиденном случае между знакомыми домами устроены магнетиче-

ские телеграфы, посредством которых живущие на далеком расстоянии разговаривают друг с другом». «Настанет время, когда книги будут писаться слогом телеграфических депешей; из этого обычая будут исключены разве только таблицы, карты и некоторые тезисы на листочках. Типографии будут употребляться лишь для газет и для визитных карточек; переписка заменится электрическим разговором; <...> главное дело будет: отучить ум от усталости, приучить его переходить мгновенно от одного предмета к другому; изощрить его так, чтобы самая сложная операция была ему с первой минуты легкою...». Все это – не говоря о перемещениях на аэростатах, гальваномagnetических цепях, связывающих дома, мегаполисах (Одоевский предвидел, что Москва и Петербург станут одним городом)...

У Одоевских нет детей. Ему очень хочется детей, но пара остается бездетной. Он возится с племянниками жены, сочиняет детские сказки, которые оказываются необыкновенно хороши: они и оригинально русские, и накрепко связаны с европейской культурой, и серьезные, и несерьезны, ироничны – и говорят о важном, жутковаты и смешны, и трогательны – кто не помнит чудесную травку под снежной периной у Мороза Ивановича? Куда меньше известны «Пестрые сказки» Одоевского – фантастические истории во вкусе Гофмана, полные мистики и странности, иронии и жути; тут и социальная фантазмагория, предвосхищающая будущие открытия Гоголя, – «Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», острая социальная сатира, и «Сказка о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в Светлое Воскресенье поздравить своих начальников с праздником» – жуткий рассказ о том, как чиновники заигрались в пасхальную ночь в карты – и карты наконец

Экслибрис В.Ф. Одоевского

Один из залов
Румянцевского
музея

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сами стали играть в людей. Везде, кстати, Одоевский оставляет двоякую возможность истолкования: может, это явления иного мира, а может, просто герой был пьян, помешан – или заснул и видел сон. Это очень свойственно Одоевскому: интересоваться иномирным, мистическим – и искать ему рациональные объяснения. Это он нашел у Гофмана, которым вдохновлялся, – и особо отметил: «чудесное всегда имеет две стороны: одну чисто фантастическую, другую – действительную; <...> в обстановке рассказа выставляется все то, чем это самое происшествие может быть объяснено весьма просто, – таким образом, и волки сыты и овцы

целы; естественная склонность человека к чудесному удовлетворена, а вместе с тем не оскорбляется и пытливый дух анализа». И склонность к чудесному, и пытливый дух анализа в высшей степени свойственны Одоевскому – и особенно сказались в его мистических повестях: «Орлахская крестьянка», «Косморам», «Сильфида», «Саламандра» исследуют самые жуткие тайны человеческой психики и природы – одержимость, гипнотизм, магнетизм... Одоевский вроде бы и хочет их приручить, объяснить, сделать понятными и нестрашными – и в то же время рисует вдохновенные, необыкновенные и страшные романтические картины...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Встреча Нового,
1835 года
у В. Ф. Одоевского.
Рисунок
В. Ф. Одоевского.
Январь 1835 года

ЛЮБОВЬ

Он продолжал служить – считал это долгом чести: не выбирать для себя поприща, а приносить пользу там, куда поставлен судьбою. Судьба вскоре поставила его руководить Румянцевским музеем (который потом стал Ленинской, а ныне Российской государственной библиотекой) и замещать директора Публичной библиотеки. С этой работой связано возвращение Одоевского в Москву. Его архив – литературный и музыкальный – после смерти тоже попал в Румянцевский музей.

Особое место в этом архиве занимают 147 писем Надежды Николаевны Ланской. Она была женой Павла Ланского (он приходился братом Петру Ланскому, за которого вышла вдова Пушкина, и кузеном Сергеем Ланскому, на сестре которого был женат Одоевский). Надежда Николаевна сразу понравилась Одоевскому – тем самым мужским умом, который он мечтал найти в избраннице, и трогательной красотой, и насмешливостью... Он влюбился, она тоже. Переписка хранит и нежности, и пикировку, и ее насмешки: она посмеивалась над его толстой женой, называла ее в письмах мамой, а его послушным мальчиком; он терял голову – молчал – мучительно выбирал между страстью и долгом – писал яростную прозу, где герои изнемогают от любви, тоски и мучительного выбора.

Конец таких страстей бывает страшен, сказал классик. В нашем случае он оказался горек. Жена ревновала; сохранилось письмо, в котором Одоевский, с трудом пытаясь сохранять хладнокровие и подбирать слова, извещает жену, что если она еще раз станет под влиянием каких-то идей бегать по полуодетая по дому и криком будить дворню и соседей – то он уйдет из дома, ибо дома хочет покоя. Со стороны – никто ничего не заподозрил. Одоевские

всегда казались окружающим удивительно любящей, нежной, гармоничной семейной парой.

Надежда Николаевна влюбилась в итальянца Гриффео – и сбежала с ним за границу, оставив в России не только мужа, но и ребенка; он потом воспитывался в семье Натальи Николаевны и Петра Петровича Ланских. Одоевский был оскорблен и вспоминал Чацкого, которому предпочли Молчалина. Но и эта драма оказалась похоронена в набросках, письмах, архивах. Для окружающих он был все тот же приветливый, спокойный, кроткий князь.

СЛУЖБА

Он увлекся музыкой, воссоставлял древнее церковное пение, записывал русские народные песни – даже заказал особый энгармонический клавиесин, фортепьяно с дублированными черными клавишами, – чтобы записывать особое русское пение. Клавиесин сохранился – но не сохранилось записей, которые объясняли бы принципы его настройки и применения.

У Одоевского была удивительно легкая рука: за что бы он ни брался – все делал честно, искренне, добросовестно – и все получалось. Его постоянное стремление помогать людям привело к созданию Общества посещения бедных просителей. Некоторые из принципов, которые тогда выработал Одоевский, широко применяются ныне в благотворительности. Принцип общества был простой: к богатым и знатым людям постоянно шли просители; члены общества взяли на себя обязанность выяснять, действительно ли они нуждаются, а если да – то как им помочь. За несколько лет общество стало помогать тысячам семей. Попрошайек отсекали, бедствующим помогали – причем не только материально, но и организационно: лечением, сбы-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.Ф. Одоевский.
Портрет работы
художника
А. Покровского.
1844 год

том товара – открыли магазин сбыта продукции бедных ремесленников; помощью с детьми – открыли комнаты пребывания для матерей с детьми, мастерские для бедных женщин... При этом Одоевский ясно понимал, что всего этого недостаточно – что все упирается в главную беду: в крепостное право. День отмены крепостного права он до конца своих дней отмечал как праздник.

Современники писали, что общество помогало 15 тысячам семей. В конце концов кому-то показалось, что оно основано на опасных коммунисти-

Члены-учредители
Русского географического общества:
В.Ф. Одоевский;
А.И. Левшин,
директор Департамента сельского хозяйства;
К.И. Арсеньев, статистик;
В.И. Даль, этнограф;
П.А. Чихачев, путешественник по Америке и участник Хивинской экспедиции 1839 года;
М.П. Вронченко, геодезист;
Ф.Ф. Берг, граф, генерал-адъютант

ческих идеях; что оно создает конкуренцию Императорскому человеколюбивому обществу... Общество посещения сначала слили с официальным, основанным совсем на других принципах Императорским обществом, а потом и вовсе прикрыли. Одоевский закрыл все дела, убедился, что собранные средства пойдут на помощь подопечным в ближайшие годы, привел в порядок документацию...

Документы у него всегда были в порядке. За что бы он ни брался – руководство журналом («Отечественные записки» ему обязаны львиной долей своего успеха), работа в Сенате, издание просветительских брошюр для народа, благотворительность, работа в петербургской Думе – все делалось добросовестно, честно и с умом. Лжи он не терпел. Современники вспоминали, что Одоевский всегда был спокойным, в ясном расположении духа. «Всегда спокойный, тихий, умеренный, кроткий, доброжелательный, готовый на всякие услуги, принимавший с удовольствием всякие, даже докучные просьбы. Он никогда не сердился, и намерение раздражить его никогда ни у кого не имело успеха. Отроду не сказал он ни обком ни одного дурного слова, разве шуткою. Отроду никого не обидел, не оскорбил, не огорчил и не отказал никому ни в какой просьбе, кроме разумеется случаев совершенно невозможных», – вспоминал Михаил Погодин. Ему вторил Федор Тимирязев: «И сам он всегда, везде и со всеми был исключительно и только человек, и в других признавал и чтит лишь одно человеческое достоинство в высшем значении этого слова».

Он умер, не оставив ни наследников, ни состояния. Перед смертью бредил – бред был о музыке. На надгробии его написано: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят». ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЛАСТЕЛИН ЧАЕПИТИЙ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

К САМОВАРУ НА РУСИ ВСЕГДА ОТНОСИЛИСЬ КАК К СУЩЕСТВУ ОДУШЕВЛЕННОМУ. МОЖНО ДАЖЕ СКАЗАТЬ БОЛЬШЕ: ИМЕННО ОН И БЫЛ ДУШОЙ ДОМА. ЕГО МЕРНОЕ ПОСАПЫВАНИЕ ЗАДАВАЛО НАСТРОЙ ВСЕМ ДОМОЧАДЦАМ, НАПОЛНЯЛО ЖИЛИЩЕ УЮТОМ И ТЕПЛОТОЙ. ЕГО, ЭТОГО ПЫХТЯЩЕ-СОПЯЩЕГО ВЛАСТИТЕЛЯ НАСТРОЕНИЙ, ЛЮБИЛИ КАК РОДНОГО. ДА И КАК ЕГО НЕ ЛЮБИТЬ – БЕЗ САМОВАРА И ЖИЗНЬ КАКАЯ-ТО НЕПОЛНАЯ...

САМОВАРНОЙ ЛЮБОВЬЮ Михаил Силуков заболел уже давно. Самовары стали его страстью, хотя страсть – не совсем верное слово. Точнее его отношение к медным хозяевам дома можно назвать нежной привязанностью. Коллекциониро-

вать самовары он начал много лет назад, причем это было не простое собирание – он досконально изучил все, что связано с историей появления русских водогреев, развитием их производства, самоварной эволюцией. Теперь в его собрании есть и классические представители

самоварного рода, и редкие образцы, и экспонаты с интересными судьбами. Михаил Петрович уверен, в натертых боках самоваров, как в зеркале, отражается история... Властители чаепитий помогают раскрыть неизвестные страницы жизни наших дедов и прадедов. Результатом многолетнего собирательства Михаила Силукова стала обширная коллекция. Накопленным за долгие годы хотелось поделиться. Хотелось, чтобы как можно больше людей узнали, что самовар – это не только прибор для нагревания воды и неправильно считать его атавизмом, отправленным прогрессом на заслуженный отдых... Чтобы каждый мог оценить самовар по достоинству, Силуков решил показать свою уникальную коллекцию людям. Так в городе Касимове Рязанской области появился музей «Русский самовар».

САМОВАР СОЗДАЛИ ЧУДАКИ

«Я изучала разные источники, но нигде не нашла перевода слова «самовар». Даже если есть аналог в других языках, то дословно он так и переводится – «сам варит». – Директор касимовского музея «Русский самовар» Татьяна Панкова, похоже, изучила любимый предмет всесторонне. – У Михаила Петровича Силукова большая подборка литературы о самоварах, отсюда я и черпаю сведения. Родина самовара – Россия. Конечно, водогрейные сосуды были у каждого народа. Но самовар – это наше изобретение. Места, имени конкретного создателя нет. Это как с народными песнями – все поют, а автора никто не знает...».

На вопрос, где родина самовара, большинство без запинки ответит: «В Туле». Но, изучив историю предмета, Татьяна Александровна нашла, что на самом деле универсальный «водогрей» зародился на Урале, где селилось племя чудь. Человек, который копал медь, назывался «чудак», а плавить медь значило «чудить». Вот и начудили те самые чудак в один прекрасный момент чудо, которое могло само варить.

«В Тулу самоварное производство перебралось в конце XVIII века – в 1778 году Назар Лисицын сделал первую партию тульских самоваров. А к концу XIX века в Туле уже было, по одним сведениям, 97, по другим – 93 самоварные фабрики. – Когда Татьяна Панкова рассказывает о любимом предмете, равнодушным остаться невозможно – экскурсия в ее исполнении превращается в целый спектакль. – Я много думала, почему самовары были так дороги русскому человеку. Нашим предкам часто приходилось переживать то пожары, то войны, то революции... Те, кто лишился крова над головой, но имел самовар, мог хотя бы согреть себе воды, чтобы постирать, приготовить еду и, конечно, попить чаю и согреться. Благодаря незамысловатому агрегату люди выжили в трудные времена».

Для Михаила Силукова самовары стали увлечением всей жизни

ПАРА ВЕДЕР НА СЕМЬЮ

В касимовской экспозиции можно увидеть самовары самой разной формы и калибра. От огромных, вмещающих по несколько ведер, до совсем миниатюрных, рассчитанных буквально на пару стаканов. «Большие ставили в трактирах и чайных – они предназначались для общественного пользования. Измерялись самовары ведрами или стаканами, литрами чай тогда не пили, поэтому и меры такой для любимого напитка не применяли. Самовар шесть ведер – это 72 литра. Как раз такие ставились для посетителей трактиров. Были семейные самовары – один-два ведра. Вот здесь у нас братийный экземпляр – монастырский – тоже немаленький, – переходит от экспоната к экспонату Татьяна Александровна. – Совсем другие объемы у самовара-«эгоиста» – он рассчитан на один-два стакана, для себя любимого. «Тет-а-тет» вмещает стаканов десять. Как-то у нас был на экскурсии француз – он удивился, стал возражать, что тет-а-тет подразумевает только двоих. Как объяснить французам, что у нас свое представление о тет-а-тет. Да и кто сказал, что двое не смогут выпить десять стаканов чаю?»

Каких только диковин в касимовском царстве самоваров не намотришься! К примеру, самовар-кухня состоит из трех частей – в каждой из них варили свою еду: первое, второе и третье. У каждой секции предусмотрена своя крышечка. Сделана эта чудо-кухня в XVIII веке, а проверяли ее прочность совсем недавно – в прошлом году кухня доказала, что и в XXI веке функционирует исправно.

Дорожный самовар полностью разбирается. Вынимаются ножки, откручивается носик, переворачивается крышечка – в итоге остается компактная коробочка, с которой можно отправляться в любой поход. Даже вдали от дома русские люди не представляли себе жизни без самовара. Производили наши далекие предки и трансформеры. Один из самоваров касимовской коллекции легким движением руки превращается в лампу – для этого достаточно открутить заглушку, налить керосин и пропитать фитиль. Захотели есть – можно поставить сковородку и приготовить, например, яичницу. А захотели чаю – ставите верх, и самовар приобретает классический вид и может применяться традиционно.

ФИЗИКИ, ХИМИКИ, МАТЕМАТИКИ

Принято считать, что народ на Руси был темный. Но как же могли эти темные люди мастерить такие совершенные творения? Основная часть самовара – тулово. Почти как туловище у человека. Его не паяли, не давили, не отливали в форме – все делали из цельного листа латуни. Сначала проводили выбраковку и, если лист хороший, делали выкройку. Ее края надрезали, затем заготовку нагревали, натягивали на чугунную болванку. Надрезы заправляли один в один – это называлось «замок», место стыка прогревалось особенно тщательно, потом простукивалось до тех пор, пока не срабатывал закон диффузии. После всех этих экзекуций получалось единое целое, и только тогда можно было приступать к нанесению узоров и прочему украшателству.

«Самоварное производство не оставляет сомнений в том, что наши «темные» предки имели представление о законах физики и математики. Сердце самовара – вертикальная труба-жаровня. Верх у этой трубы был сужен. В той части, где диаметр меньше, уменьшалось статическое давление, зато возрастало давление динамическое, то есть появлялась тяга – увеличивалась скорость прохождения воздуха. В народе это называется «эффект сопла», – продолжает Татьяна Панкова. – Объем трубы-жаровни строго соответствовал объему самовара – чтобы он грелся, но при этом не распаялся».

Но если знания по физике еще хоть как-то можно допустить в головах необразованных умельцев, то их познания в области химии и вовсе ставят в тупик. Как они смогли настолько грамотно вывести формулу безопасного материала? «Первые самовары были медными, – продолжает Татьяна Панкова. – Но медь невыгодно применять в чистом виде – она прогорает и мнет. Тогда придумали добавлять цинк. Но когда посуда нагревается до 60 градусов, цинк начи-

При создании самоваров каждый мастер мог проявить свои художественные способности в полной мере

нает растворяться, и чай может стать ядовитым. Чтобы люди не травились, придумали внутреннюю поверхность покрывать полудой – сплавом олова со свинцом. В сплаве свинец выдерживали в той пропорции,

Много лет назад наши предки изобрели нехитрое устройство, которое стало сердцем каждого дома

которая не представляет опасности для человека. Этот сплав с водой не взаимодействует, потому что получается инертным, и посуда не окисляется». Так что мастера должны были владеть всесторонними знаниями, да при этом еще и обладать тонким художественным вкусом – к производству самоваров подходили очень творчески.

ПОЧЕМ ПУД САМОВАРА?

Рюмка, желудь, репка, паучок, шарик, цветок... Самоварных «пород» великое множество. На полках касимовского музея можно увидеть настоящий парад самоварной красоты. «Самая простая форма называется «банка», – показывает директор музея наиболее привычную для нас форму самовара. – Это классика. Баночки делал каждый заводчик. Они были самыми простыми в исполнении, потому и самыми дешевыми. Продавались на пуды, как металл. Самый дешевый стоил 6 рублей. При этом корова стоила 3 рубля, поросенок – 1 рубль. Это я называю цены 1913 года города Тулы. В чем же загадка, поче-

Большие самовары ставили в трактирах, самовары-«эгоисты» берегли «для себя любимого»

за. Конечно, самовары были самые разные, но основа какая-то была, и ценители всегда четко определяют форму». Кстати, в этом деле есть свои тонкости. К примеру, если самовар круглый и на четырех ножках, это шарик, а если та же форма, но на трех высоких ножках – перед вами уже паучок.

А возвращаясь к вопросу качества, стоит рассказать о самоварных конкурсах – они на Руси проводились регулярно, причем таким образом, чтобы оценки были максимально объективными. Участвовали мастера только инкогнито. Для каждого из этапов испытания была своя комиссия, и ни один из членов жюри не знал, кто автор того или иного изделия. На равных боролись и такие монстры, как, например, Баташевы, и кустарь-одиночка, сделавший самовар своими руками. Призы были огромными, но направить их победитель мог только на развитие производства. Так что к изготовлению самоваров активно стимулировали.

ОБРАЗНОЕ ЧАЕПИТИЕ

Среди экспонатов касимовского музея немало оригинальных образцов. Трехъярусный самовар-ваза, сделанный братьями Севрюгиными в Москве в 1823 году, посеребрен и протерт кислотным раствором – в результате получился очень необычный цвет, какой-то перламутровый, переливающийся, как бензиновая пленка на воде. Да еще и украшения на этом водогрее из накладного серебра. Чувствуется, что мастера работали над его созданием кропотливо.

Интересный экземпляр, сделанный в мастерской Капырзиных в Туле, а украшенный мастерами из Дагестана. Надо сказать, у представителей разных национальностей при совместном творчестве получалось очень органичное изделие.

Самовар, о котором Татьяна Александровна всегда рассказывает с особым удовольствием, считается мужским. Есть такой парадокс в самоварном

му при достаточно высокой стоимости люди могли позволить себе самовар? Определялось это заработком. Слесарь получал 90 копеек в день, а крестьяне зарабатывали 1 рубль 20 копеек. Так что самовар не был роскошью». Конечно, те, что пофасонистее, были дороже. Их уже мерили не на вес – каждый имел собственную цену. Более нарядные самовары в домах нередко держали как парадные – для гостей. Чтобы украсить бока самовара узорами, приходилось постучать молоточком – наносились они рихтовкой. А вместе с эстетической функцией выполняли еще и роль ребер жесткости. За качеством своих изделий тогда следили так, что никакой

ОТК был не нужен, ведь на каждом самоваре стояло клеймо мастера, и испортить свою репутацию страшно боялись. «Это сейчас штрихкод, и попробуйте разобрать, кто отвечает за качество, – улыбается Татьяна Панкова, – а тогда было четко написано: «Егор Вешняков», «Степан Киселев». Даже наследники несли ответственность за продукцию. Да и вообще, люди не просто отвечали за качество, они гордились произведениями своих рук».

«Вот эта форма – ваза, это демидовский самовар. Считается, что именно Демидов стал первым ставить клеймо, – продолжает директор. – Вот репка, рюмка, желудь, фонтан, полува-

деле – женских самоваров не было, а мужские были. Получить такой самовар в подарок было огромной честью для главы семейства, ведь подобный презент – признание мужской силы. «В чем была мужская сила? В том, что человек сам вырос достойным и смог вырастить достойных детей, – рассказывает Татьяна Александровна. – Сейчас, как правило, думают, что это женская обязанность, а на самом деле было не так – в женском теле жизнь лишь развивается до определенного момента, а вот сделать из маленького человека достойного – это уже мужская обязанность. Ручки этого самовара украшены морскими коньками. И такой выбор не случаен, ведь у них отец вынашивает и кормит детей, а когда грозит опасность, отец прячет малышей во рту. Именно это животное – пример подлинного отцовства».

Еще один «любимчик» Татьяны Панковой – самовар, который можно смело назвать уникалом и показателем высочайшего мастерства. Форма этого самовара редкая – цветок. На ручках можно увидеть, как выражается Татьяна Александровна, «существо, которое ходит на копытах, имеет рога и которое всем нам мешает жить». В борьбе с ним без божьей помощи никак не обойтись. Ручка краника выполнена в форме арочки. И если по-

Всех калибров и мастей – настоящий парад самоварной красоты

Для самовара в русской печи было предусмотрено специальное отверстие

смотреть под эту арку под определенным углом, станет видно распятие. Нимб над распятием получается от отражения ручки. Что поразительно – серебро отражается в серебре, а цвет отражения – золотой. «Это как же все надо было продумать, что при такой длине носика и таком изгибе тулова получится именно такой эффект! Мастерство высшего пилотажа, – восхищается Татьяна Панкова. – Уровень познаний этого рабочего меня просто поражает. Как можно было все так точно рассчитать? А ведь на заводах художников не держали, все рабочие были универсалы».

ФАНТАЗИЙНЫЕ МОДЕЛИ

Не меньше поражает воображение самовар-паровоз. Когда в него наливают воду, он занимает ровное положение, когда вода закипает, паровоз немного проезжает вперед – делает небольшой наклон – и раздается свисток, как у настоящего паровоза. Потом вода постепенно перемещается в переднюю часть самоварно-паровозного тулова, корпус наклоняется, специально предусмотренная лопатка закрывает спиртовку, и свисток смолкает. Но вся эта хитроумная система – еще не все прелести уникального самовара. Конструкция продумана таким

образом, что этот самовар можно перевозить по столу – настоящий паровоз не может не ездить. И хотя чайный паровоз был сделан нашими предками очень давно, работает он исправно. «Не так давно, когда наш музей приезжал снимать Михаил Ширвиндт, мы с ним пили чай из паровозика, – вспоминает Татьяна Александровна. – Так что проверено: и вода греется, и свист раздается исправно».

Самовар в виде винной бочки не такая уж экзотика – такие мы нередко видим на картинках. А вот, как говорится, «живьем» удастся увидеть не так уж часто. «Такие самовары пользовались огромным успехом у офицерства, – рассказывает Татьяна Панкова. – Утверждают, будто эту форму придумал Денис Давыдов. Никаких доказательств этого утверждения нет, но от такого озорного и всесторонне талантливого человека всего можно ожидать».

Куда только не заводила фантазия мастеров самоварного дела! Самовар «Баба Яга» как будто вышел из сказки – представьте себе тулово на куриных ножках, а вместо носика – пенечек, в котором торчит топорик. Еще один сказочный персонаж – «Царь Берендей». Самовар «Баран» призван напомнить нам, что ничего хоро-

шего в результате неразумного упрямства не будет – в такие минуты все как будто переворачивается с ног на голову, и отражение баранов в самоварном боку тоже вверх ногами, чтобы каждый мог призадуматься о вреде упертости. А вот как мастер мог добиться эффекта «перевертыша», это уже, как говорится, «секрет фирмы». Есть в касимовской коллекции поль-

Уникальные образцы наглядно демонстрируют разнообразие фантазии самоварных дел мастеров

ский самовар, форма тулова которого называется «Мортира» – он действительно напоминает короткую пушку. Есть самовар «Кратер» – он назван так от греческого слова *kratēr* – «большая чаша». Можно посмотреть и очень нарядный пасхальный самоварчик. Есть в музее и самоварные приметы – так, чтобы выйти замуж, надо подержаться за ручку одного из старинных экспонатов. Узнать его нетрудно – ручка натерта до блеска.

Из современных образцов привлекает внимание самовар-спутник. Когда запустили первый спутник, с него сделали копию, видимо, чтобы и во время чаепития советские люди могли помнить о покорении космоса. Сделан самовар-спутник 4 октября 1957 года. Продуман он так, что, остывая, снова включается, но уже не кипятит воду, а нагревает ее до 85 градусов.

ПЕРИПЕТИИ СУДЕБ

Разные эпохи, мастера, города... В каждом экспонате есть что-то свое. И хотя самоварное производство было массовым, кажется, что у каждого из обитателей музея своя душа и уж точно – своя судьба.

«Вот этот самоварчик заказывала Екатерина Великая для своего сына – Алексея Григорьевича Бобринского, рожденного от Григория Орлова, – рассказывает Татьяна Панкова. – А вот этот был приготовлен в качестве варианта подарка для Николая II. Но подарен так и не был. Посмотрите на его ручки – они сделаны в виде ножек балерины, а все знали про любовь Николая II к балету, были разговоры о его встречах с примой-балериной Матильдой Кшесинской, и потому побоялись, что пуанты на самоваре будут восприняты как намек».

Большой самовар, который называли станционным или буфетным, когда-то стоял на железнодорожной станции. В свое время знаменитые производители самоваров, туля-

Чай – напиток, требующий уважительного отношения, и заваривать его надо с соблюдением всех тонкостей

Если посмотреть
в арку этого
водогрея,
можно увидеть
распятие –
на боках
самовара мастер
сумел отразить
вечную борьбу
добра со злом

ки Баташевы получили очень выгодный госзаказ от Сибирской железной дороги – произведения баташевской фабрики должны были появиться на каждой станции. Тот, который сейчас украшает коллекцию касимовского музея, со станции Замзор – местечка в Иркутской области. Внизу можно увидеть приписку: «Кипяток бесплатно». Во время Гражданской войны на далекую иркутскую станцию попал Александр Васильевич Колчак. Зима была очень суровая, без кипятка приходилось туго, и адмирал разрешил своим солдатам взять самовар. Так что этот водогрей внушительных размеров угощал и Колчака, и его солдат. Не менее любопытно посмотреть на произведение ученика

Фаберже, на самовары, принадлежавшие семье Александра III или санкт-петербургскому цыганскому барону... У самоваров, как и у людей, разные судьбы. И каждый отражает частичку истории всей России.

Каждый изготовитель самоваров был универсалом – специальных художников на фабриках не держали

ВОДОГРЕЙКА-ДУШЕГРЕЙКА

К чаепитию русские люди относились очень трепетно. Это был целый ритуал. И хотя в наших умах закрепился стереотип, что самовар раздували сапогом, он, как утверждает Татьяна Панкова, расхочется с действительностью. Подобное фамильярное обращение с самоваром возмутило бы любую хозяйку – для каждой из них стол был местом святым, требующим уважения. И как можно снять с ноги грязный сапог и водрузить над столом? Такое можно было допустить только в походных условиях. Дома же для самовара были специальные «гармошки», напоминающие голенище сапога, ими и нагнетали воздух. У чаепития даже была своя лексика – самовар ставили, раздували, но никогда не разжигали.

Когда операция по раздуванию самовара прошла успешно, говорили «пошел».

Чаепитие было отдельной церемонией. Кстати, все для нее необходимое можно увидеть здесь же, в музее «Русский самовар». Специальный самоварный столик, щипчики для колки сахара, чашки, столовые приборы, чайницы, полоскательные чаши. Последние, как правило, были в наборе с самоваром, кроме того, присутствовали в каждом сервизе. Сегодня нам трудно угадать предназначение этой чаши. А между тем она была необходима для заваривания

чая – это тоже был отдельный ритуал. Брали сухой чистый чайник, специальным совком отмеряли количество чая, ставили прокалывать. После прокалывания заливали кипятком и ополаскивали заварку – эта водичка называлась «ополоски», она сливалась в ту самую чашу. Только после этого начиналась непосредственно заварка чая. Заливали четверть чайника, ставили погреть, потом доливали до половины и снова на прогрев. Всего заполняли три четверти объема, воздушную подушку оставляли, чтобы чай набрал свой аромат. «Вряд ли от

Михаил Силуков уверен, что самовары – непосредственные свидетели истории

современного чая стоит ждать такого же вкуса, как был тогда, но воздушную подушку оставлять все-таки стоит, – считает Татьяна Александровна. – Мы у себя в музее создали специальную чайную комнату, – продолжает директор музея. – А то одной чайной теории мало, надо хоть чуть-чуть закрепить ее на практике. Так наши посетители могут лучше понять, какое значение имел чай для наших предков».

...Сегодня в нашей жизни изменилось многое. На смену самоварам пришли кулеры. Чай мы частенько пьем на бегу, прихлебывая напиток из пакетика во время работы за компьютером или просмотра телепередач. Это стало нормой нашей жизни. Но может быть, стоит иногда остановиться и попытаться воспроизвести чайную церемонию наших предков? Кто знает, может быть, это поможет открыть в себе что-то новое?.. Ведь не случайно за самоваром решались многие серьезные проблемы, обсуждались самые сложные вопросы. Самовар не только грел воду, он как будто согревал душу. Так, может, стоит попить чайку по-дедовски? Хотя бы пару ведер... ☺

Самоварам придавали разную форму, украшали разнообразными узорами, и все они согревали души собравшихся попить чайку

«НЕЛЬЗЯ «БРАТЬ В ЗАЛОЖНИКИ» ЗАПАДНЫЕ КОМПАНИИ, РАБОТАЮЩИЕ В РОССИИ»

БЕСЕДОВАЛА

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ ОЧЕРЕДНЫХ САНКЦИЙ ПРОТИВ РФ СО СТОРОНЫ США И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ФРАНКО-РОССИЙСКАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА ВЫСТУПИЛА С ЗАЯВЛЕНИЕМ, В КОТОРОМ ВЫРАЗИЛА УВЕРЕННОСТЬ, ЧТО ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ ДОЛЖНЫ РЕШАТЬСЯ ТОЛЬКО ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПУТЕМ. В БЕСЕДЕ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ «РУССКОГО МИРА.RU» ЭММАНУЭЛЬ КИДЕ, ПРЕЗИДЕНТ ФРАНКО-РОССИЙСКОЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ, РАССКАЗАЛ О ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ САНКЦИЙ И О ПРОБЛЕМАХ, С КОТОРЫМИ СТАЛКИВАЮТСЯ В РОССИИ ФРАНЦУЗСКИЕ КОМПАНИИ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

— **Ф**РАНКО-РОССИЙСКАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА УЖЕ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ ОКАЗЫВАЕТ ПОМОЩЬ СОТНЯМ ФРАНЦУЗСКИХ ФИРМ, РАЗВИВАЮЩИХ СВОЙ БИЗНЕС В РОССИИ. А В ПРОШЛОМ ГОДУ ДОСТАТОЧНО НЕОЖИДАННО ОРГАНИЗОВАЛА В ПАРИЖЕ САМЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР «Мемориал Алехина». Почему вдруг именно шахматы?

— У нас есть Экономический совет, который возглавляют два сопредседателя — с российской и французской стороны. Нам хотелось провести такое мероприятие, которое бы являлось объединяющим для двух наших стран на основе общечеловеческих ценностей: студенты, офисные сотрудники, владельцы собственного бизнеса или пенсионеры одинаково увлечены шахматами. Один из членов Экономического совета,

Андрей Филатов, — президент Российской шахматной федерации, он и предложил эту идею. Дело в том, что Александр Алехин, четвертый чемпион мира по шахматам, имеет прямое отношение и к России, и к Франции, поскольку в 1925 году принял французское гражданство. Он выступал за время своей шахматной карьеры вначале за Россию, а потом за Францию. Именно поэтому Франко-Российская торгово-промышленная палата поддержала идею турнира, посвященного его памяти, в котором приняли участие лучшие мировые гроссмейстеры. Первый этап этого турнира прошел под патронажем парижского Лувра, а второй — петербургского Русского музея.

— Я вижу, что в вашем кабинете стоит шахматная доска. Наверное, для бизнесменов это очень

подходящая игра, ведь в ней нужно просчитывать последствия каждого шага. Вы хорошо играете?

– К сожалению, довольно средне. Генеральный директор нашей палаты Павел Шинский играет гораздо лучше меня. Я вам признаюсь, что очень увлечен бриджем, и эта игра, как и шахматы, полностью поглощает человека. Поэтому в шахматы играю как любитель, просто в качестве развлечения.

– Бридж тоже учит добиваться тактических и стратегических целей. А что означают тактика и стратегия по отношению к работе в России, где все может меняться быстро и непредсказуемо?

– Для того чтобы формировать стратегию, нужно представлять себе конечную цель. Весь мир сейчас в большей или меньшей степени непредсказуем. Когда же есть понимание того, к чему стремишься, то в зависимости от обстоятельств вырабатывается и различная тактика. Она подразумевает, что действия должны адаптироваться к меняющейся ситуации. И если вы видите, что какие-то обстоятельства блокируют ваши действия, то нужно проанализировать происходящее и поискать обходные пути.

– А пришлось ли французским бизнесменам, работающим в России, столкнуться сейчас с таким блокированием в России со стороны их собственного французского правительства? Ведь санкции против России ввели США и ЕС. Как на это реагировала Франко-Российская торгово-промышленная палата?

– На создавшуюся ситуацию мы отреагировали очень быстро. Когда увидели, что США и Европа всерьез начали обсуждать экономические санкции, то сразу же со своей стороны выступили против подобных мер. Более того, мы обратились к другим торгово-промышленным палатам, работающим в России, чтобы выработать и представить общее видение проблемы. Наша точка зрения состоит в том, что урегулирование украинского кризиса должно осуществляться политическими усилиями. Только дипломатия может решить нынешние проблемы. При этом, чтобы заниматься политическими вопросами, ни в коем случае нельзя «брать в заложники» европейские и американские компании, которые работают с Россией. Эта общая точка зрения была услышана. По крайней мере, в Европе. Чтобы донести свою позицию, мы встречались с французскими политиками, объясняли им ситуацию, общались с министром иностранных дел Франции Лораном Фабиусом. Россия – это партнер Европейского союза. Европа не может обойтись без России, но и Россия не может успешно развиваться без Европы. Нас связывает взаимовыгодное экономическое сотрудничество, ведь более 60 процентов внешнеторгового оборота Российской Федерации приходится именно на Европейский союз и только 5 – на Соединенные Штаты. К чему в таких условиях могут привести экономические санкции, которые усложняют рабо-

ту европейских компаний в России и российских фирм, развивающих свою деятельность в Европе? Мы нуждаемся друг в друге, и мне кажется, французское правительство сейчас это понимает.

– Наверное, не стоит недооценивать влияние возможных санкций, как это часто делают в России. Ведь, например, во Франции существует система поддержки французских фирм, работающих за рубежом, и ухудшение политической ситуации в долгосрочной перспективе может заставить их пересмотреть свои планы. Как вы считаете, мы уже прошли самый тревожный этап с точки зрения возможных санкций?

– Лично я думаю, что мы уже миновали этот самый тяжелый момент, но, конечно, нельзя считать, что полностью застрахованы от нового витка политической напряженности. Если число жертв на Украине будет расти, то это может изменить позиции всех сторон. А тогда реально оказаться в такой ситуации, когда угроза очередных экономических санкций вновь вернется в повестку дня. Но я надеюсь, этого все-таки не произойдет.

– В России сейчас работают 1200 французских фирм. Какие основные трудности для французских компаний вы могли бы выделить при начале работы на российском рынке?

– Конечно, для крупных компаний процесс освоения нового рынка обычно проходит легче, чем для среднего и малого бизнеса, где нужно скрупулезно подсчитывать все затраты. Из 40 крупных французских компаний (индекс САС 40) 37 представлены в России. Сегодня Франция второй по значимости иностранный инвестор в российскую экономику, если не учитывать капиталы из офшорных зон. В частности, компания Total инвестирует огромные средства в проект «Ямал СПГ»; Renault с 1998 года инвестировала на российском рынке более полутора миллиардов евро; сеть универсамов Auchan – самый крупный иностранный работодатель в России.

– Но, наверное, не все было гладко в работе на таком сложном рынке, как российский? Или все крупные французские предприятия полностью всем довольны? А ведь та же Total вложила много средств и сил в Штокмановское месторождение, работы по освоению которого сейчас остановлены.

– Главное, что могу сказать: однозначно французские предприятия, работающие в России, довольны своими результатами. В противном случае они бы здесь не оставались. А все остальное и есть каждодневный бизнес. Насколько я знаю, освоение Штокмановского месторождения приостановлено, но не закрыто окончательно. Все ли легко для французских фирм на российском рынке? Конечно нет! И один из самых сложных моментов – российская бюрократическая система, с которой особенно тяжело иметь дело небольшим компаниям. Франция изобрела бюрокра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

тию, а Россия довела ее до совершенства. Уровень бюрократической нагрузки на бизнес в России – чрезвычайно высок, и он обходится предприятиям слишком дорого. Например, если вы хотите открыть завод, то должны собрать сотни официальных бумаг с печатями!

– *А во Франции?*

– Там этот процесс проходит гораздо легче. Вам не нужно для открытия собирать такую кучу документов, но потом вы должны соблюдать определенные установленные нормы. Тем не менее французские компании проходят все эти бюрократические препоны и продолжают открывать свои предприятия в России, хотя это им обходится очень дорого. Однако и открывшись, они не могут себя чувствовать совершенно спокойными, ведь даже пожарники имеют полное право приостановить всю деятельность. Причем споры ни к чему не ведут. Например, если есть постановление о том, что на заводе определенного размера требуется 20 пожарных машин, они и настаивают на этом, хотя при современных средствах пожарной безопасности можно обойтись и двумя. Поэтому иногда возникают конфликты между российскими требованиями и тем, к чему привыкли бизнесмены на французских производствах. Все это – каждодневная реальность, к которой должны быть готовы иностранные фирмы. Обходится ли им это недешево? Да. Тратится ли дополнительное время? Да. Приносит ли это что-то России? Нет. Но ситуация такова, и нужно отдавать себе в этом отчет.

Кроме того, часто во Франции бизнесмены думают, что в России рабочая сила будет обходиться им не очень дорого. На самом деле, если речь идет о центральном регионе, и особенно о Москве, Россия сейчас является дорогой страной с точки зрения стоимости труда. Но при всем этом большинство предприятий, которые начинают свою деятельность в России, быстро развиваются и приносят прибыль, поскольку российский рынок чрезвычайно доходный.

– *Вы работаете в России уже двадцать лет. Какие русские привычки успели перенять?*

– Теперь я никогда не пожимаю руку собеседнику за порогом и ничего не даю через порог. В такой ситуации специально выхожу, поскольку иначе считается, что удачи не будет. Кроме того, в России я полюбил балет и оперу, которыми не особо интересовался во Франции. В целом же могу сказать, что нельзя прожить двадцать лет в какой-то стране, если ты ее не любишь. К России же очень быстро привязываешься. Русская культура – чрезвычайно интересная и многообразная, а россияне – эмоциональные и страстные, поэтому все это создает особые связи с вашей страной.

– *А заметили ли вы какую-то разницу в подходе к бизнесу?*

– Когда в России заранее договариваются о встрече, то очень велика вероятность того, что в последний момент она будет отменена. Во Франции обычно все очень точно придерживаются договоренностей.

Но в целом я бы сказал, что в Европе французы и россияне наиболее близки друг другу по духу. Оба наших народа любят свои страны и при этом всегда недовольны происходящим и постоянно все критикуют. В частности, из-за этого имидж французов за границей стал просто ужасным. Но из-за такого отношения к действительности россияне и французы могут легко понять друг друга. Кроме того, россияне очень эмоциональны, они быстро при общении начинают чувствовать в собеседнике друга. А французы, попав под такую волну эмоций, тоже ощущают особое родство душ. И, мне кажется, в бизнесе это помогает.

Самое же сильное различие, которое я заметил, это то, что, будучи абсолютными европейцами по духу, россияне склонны к азиатскому восприятию времени. Время не имеет для них такого значения, как это свойственно, например, англосаксонцам. Поэтому когда начинаешь проект с Россией, никогда нельзя быть уверенным в том, когда точно он завершится. Можно долго-долго заниматься подготовительной работой, и вдруг – все должно быть готово к завтрашнему дню. Сначала действуют не спеша, а потом – невероятно быстро. Но когда европейцы приспосабливаются к такому ритму, то начинают в нем находить и положительные стороны.

– А как вы оказались именно в России? Специально или случайно?

– Абсолютно случайно. Я работал в компании Ernst & Young, чье бюро в Москве искало сотрудника. До этого в 1989 году я посещал Россию как турист. Меня восхитил Санкт-Петербург, и совершенно не понравилась Москва. Мне этот город показался слишком советским. И я сказал себе, что никогда больше не вернусь в него. А в результате прожил здесь двадцать лет. Когда мне предложили приехать поработать в 1994 году, я подумал: «Почему бы и нет? Ведь многое изменилось». Я уехал по контракту на два года, которые потом превратились в двадцать лет.

У меня всегда было очень позитивное восприятие России. А Москва за последние два десятилетия невероятно эволюционировала. Этот город изменился прямо на наших глазах. Мы жили в исторический момент. Было потрясающе интересно наблюдать за процессами, происходящими по всей России. Например, в первое мое посещение Екатеринбурга, в 1995 году, я увидел город с огромным количеством проблем, сегодня же это быстро развивающийся современный мегаполис. И то же самое можно сказать в отношении многих российских городов. Лично я не знаю сегодня ни одного города в России, который бы не развивался. Такая трансформация всей страны чрезвычайно впечатляющая.

– У вас очень позитивный взгляд на мир. Или просто стараетесь не замечать плохого?

– К России очень быстро привязываешься и начинаешь ее любить. Конечно, можно заикливаться на негативе, но в России столько всего интересно и экстраординарного, что это явно перевешивает. Я, конечно, обожаю Францию. И когда прилетаю в Париж, то чувствую себя дома, поскольку сам я парижанин. Но и когда возвращаюсь в Москву, то тоже чувствую, что возвращаюсь к себе. Теперь у меня два родных дома.

– Франко-Российская торгово-промышленная палата начала издавать ежегодное серьезное издание почти в тысячу страниц, посвященное России. Какова цель подготовки столь затратной книги?

– Франко-Российская торгово-промышленная палата была создана для нескольких целей. Первая – помогать французским предприятиям развивать свой бизнес в России. Вторая – способствовать улучшению экономического климата между Россией и Францией. А чтобы французские предприниматели активнее инвестировали в российскую экономику, необходимо знакомить их с российскими реалиями, поскольку зачастую информация о России во французских средствах массовой информации подается очень тенденциозно. Приходится бороться против потока негатива, в большинстве случаев неоправданного, но влияющего на принятие решений бизнесменами.

Мы создали отдельную структуру – Франко-Российский аналитический центр «Обсерво», который возглавляет француз Арно Дюбьен. В научный совет центра входят самые лучшие специалисты по России. Центр готовит свои рекомендации по поводу развития российских регионов, эволюционирования российского законодательства, трансформаций в демографической сфере и так далее. Большая часть этой аналитической работы теперь представлена в ежегодном докладе «Россия», который составлен из статей 60 ведущих специалистов в своих областях. Причем речь идет как о французах, так и о россиянах.

Нынешнее издание, «Россия-2014», должно противопоставить серьезный фундаментальный анализ поверхностным суждениям. Посол Российской Федерации во Франции господин Орлов сказал, что он еще никогда не видел на французском языке столь полную книгу о России, которая охватывает все важнейшие аспекты: политический, экономический, демографический, энергетический. На русском языке книга была презентована на Санкт-Петербургском экономическом форуме. Исследователи, которые написали статьи для этого сборника, вовсе не замалчивают реальные проблемы, но они стараются дать достаточно полное представление о современной России, чтобы, в частности, французские инвесторы могли составить свое собственное мнение о потенциальных возможностях, которые открывает для них Россия. ■

«МУЗЫКА И ИСКУССТВО БУДУТ НУЖНЫ ВСЕГДА»

БЕСЕДОВАЛА

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

ФОТО

ГЕОРГИЯ АХАДОВА

ХОРОШИЙ КОНЦЕРТ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ – УДОВОЛЬСТВИЕ ДЛЯ ДУХОВНЫХ ГУРМАНОВ. НО ИНОГДА ДАЖЕ ИХ ПРИВЛЕКАЕТ В ЗАЛ НЕ СТОЛЬКО ПРОГРАММА, СКОЛЬКО УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЗАМЫСЕЛ. В РАМКАХ XIII МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ ИСКУССТВ ИМ. А.Д. САХАРОВА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ ИСПОЛНЯЛАСЬ ОПЕРА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» ПО ОДНОИМЕННОЙ ПОВЕСТИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА. ЗА ДИРИЖЕРСКИМ ПУЛЬТОМ – ИГНАТ СОЛЖЕНИЦЫН, СЫН ЗНАМЕНИТОГО ПИСАТЕЛЯ.

П ОСТАВИТЬ ОПЕРУ ПО ПОВЕСТИ СОЛЖЕНИЦЫНА, в которой описан один день из жизни узника ГУЛАГа, придумали в Пермском театре оперы и балета, еще когда писатель был жив. Несмотря на то, что Александр Исаевич, по воспоминаниям домаш-

них, был довольно консервативен и не сразу дал себя уговорить на этот смелый эксперимент, благословение от него все-таки было получено. Композитор Александр Чайковский, которому театр заказал музыку, написал ее буквально за пару месяцев – так его захватила работа. Либретто созда-

вал он же совместно с художественным руководителем Пермского театра оперы и балета Георгием Исаакием – инициатором затеи. С постановкой успели как раз к 90-летию Солженицына: оглушительный успех, семь номинаций на Национальную театральную премию «Золотая маска» в 2010 году.

И хотя в 2014 году нижегородцам в рамках Сахаровского фестиваля был представлен лишь укороченный концертный вариант оперы, аншлаг случился снова: впервые это произведение исполнялось для публики под руководством не просто талантливого музыканта, но еще и сына писателя, Игната Солженицына, главного дирижера и художественного руководителя Камерного оркестра Филадельфии, профессора Филадельфийской консерватории. В разговоре перед премьерой он подчеркнул, что считает эксперимент с жанром оперы очень удачным:

– Часто в таких случаях, когда составляют либретто, многое меняют, а здесь оставлен подлинный текст рассказа. – Игнат называет «Один день...» рассказом, а не повестью, как когда-то и его отец. – Конечно, пропущено много, но ничего не придумано и ничего не изменено. А если вдуматься в сюжет и перечитать текст, то видно, что там много моментов, которые очень подходят сцене: шмон – достаточно драматичное действие, сама работа эзков эффектно представлена, конфликт с бригадой Шухова, когда есть интрига: будет драка или нет, – такие вещи выглядят захватывающе. И есть моменты лирические или даже созерцательные, которые существуют и в самой повести: когда Шухов пытается понять что-то о собственной жизни и жизни страны.

– А во втором отделении вы представляете Пятнадцатую симфонию Шостаковича...

– Да, последнюю, им написанную... Можно сказать, что «Один день...» – это рассказ о том, что и как было в то время, а Пятнадцатая симфония, как и многие произведения Шостаковича, попытка понять, осмыслить, что это была за жизнь и за реальность. Это вещь крайне статичная и созерцательная. Я хочу, чтобы, несмотря на легкость летнего, праздничного фестивального настроения, люди прочувствовали сегодня, что праздник – это не всегда только легкость и радость, иногда это – проникновение во что-то более глубокое и важное.

РОСТРОПОВИЧ БЛАГОСЛОВИЛ

Еще одно красивое совпадение: дирижера Солженицына и стены Нижегородской филармонии, где исполнялась опера, написанная по повести его отца, роднит благословение Мстислава Ростроповича. Филармония носит имя великого виолончелиста и дирижера, он не раз выступал в этом зале. И Ростропович же в свое время определил будущее Игната, сказав: этому мальчику суждено стать музыкантом.

Мстислав Ростропович и Галина Вишневская были не просто знакомыми Солженицыных – в свое время они приютили гонимую семью на даче, из роддома маленького Игната привезли именно туда. Всего через полтора года после этого семья Солженицыных отправилась в вынужденное 18-летнее изгнание сначала в Европу, затем в Америку. Они жили в сельской глубинке штата Вермонт, когда у Ростроповича был концерт поблизости, и он не мог не навестить старых друзей. В доме был старый кабинетный рояль, оставшийся от предыдущих жильцов, и Игнат, единственный из трех братьев Солженицыных, интересовался этим инструментом и наигрывал на нем. Его нехитрые «упражнения», которые родители до этого серьезно не воспринимали, и услышал Ростропович: «Кто у него педагог?» – «Педагог чего?» – «Как – чего? Музыки!» И сразу велел найти мальчику подходящего учителя. В 7 лет Игнат стал заниматься у друга Ростроповича, выдающегося пианиста Рудольфа Серкина, а в 14 отправился продолжать образование в Великобританию. Английский педагог посоветовала ему заняться еще и дирижированием, и когда Игнат вернулся в Америку, то в филадельфийском Кёртис-институте окончил уже два отделения – дирижерское и фортепианное.

– Если бы не Ростропович, вы бы стали музыкантом?

– Конечно, он сыграл осевую роль в моей жизни как музыканта. Но воспринимать и остро ощущать классическую музыку я начал с самого раннего возраста. Я себя не помню, но мне рассказывали, как играла пластинка и я стоял и напряженно слушал – полчаса, час. Это сравнительно необычно, в том смысле, что такие люди, наверное, чаще всего и становятся музыкантами. Уже в сознательном возрасте мне посчастливилось близко общаться с Ростроповичем, мы много раз выступали вместе, я приходил на его концерты, а он – на мои, давал ценнейшие советы, открыл для меня некоторые произведения и композиторов. Замечательный, удивительный человек, масштабнейшая личность.

СЫН И ОТЕЦ

Игнат Солженицын признается, что трудолюбие и работоспособность его отца были удивительны: даже в 88 лет он продолжал писать по 12 часов в сутки. Но для детей это было хорошо тем, что отец все-таки, несмотря на занятость, был дома, а не где-то в командировках. Он очень редко позволял себе куда-то выезжать, хотел успеть дописать роман «Красное колесо». Братья знали, что до обеда нужно играть тихо, но, по воспоминаниям Игната, было хорошо просто от сознания того, что папа дома. В половине четвертого дети приходили к отцу, и он превращался для них в учителя – очень увлекательно, по словам сына, преподавал физику, химию, алгебру, астроно-

мию; учебную программу тоже разрабатывал сам. А еще были ужины за общим столом – семейное общение, в котором со временем братья стали активно участвовать. Атмосфера была необычайно богатой в духовном плане, пропитана любовью к литературе, искусству, музыке.

– В одном интервью вы признались, что «Один день Ивана Денисовича» – это первое произведение отца, которое вы прочли самостоятельно. Вы помните свои детские впечатления?

– Не детально, мне тогда было около 9 или 10 лет, да и вообще, что значат впечатления ребенка? Но память у меня об этом такая: то, что я прочел, было совершенно, и сегодня это главное впечатление остается. Редко о каком произведении искусства скажешь, что там ни буквы, ни ноты – если речь идет о музыке – нельзя изменить.

– Вы перечитываете отца?

– Перечитываю, но не так часто, как хотелось бы. Времени на чтение всегда мало, и любимого произведения у меня нет – все они настолько разнообразны по жанрам, по длине, по стилю, по тематике, что для меня все они интересны. Но на «Иване Денисовиче» и «Матренином дворе» для меня лежит печать идеальности.

– Отец часто рассказывал вам о тех испытаниях, которые выпали на его долю, – о войне, лагерях?

– О войне отец говорил редко. Хотя – как бы это сказать правильно? – он не считал, что война – самое ужасное, что может быть, хотя так принято считать. Конечно, война – это трагедия, ужас, но из того, что он в жизни увидел, ему было ясно, что война иногда бывает неизбежна, иногда бывает нужна. Наверное, как раз Великая Отечественная война и была одной из таких. Но о войне и правда рассказывать очень тяжело, и он тоже делал это мало. А об арестах, лагерях рассказывал при случае не то чтобы с охотой, но свободно. Вообще он всегда хотел того, что естественно для любого писателя, – чтобы его читали. И хотя он был прекрасный рассказчик, я не думаю, что он хотел бы рассказать в личной беседе что-то более интересное или содержательное, чем то, что он доносил в своем творчестве. Конечно, это была роскошь – иметь возможность зайти в кабинет папы и что-то спросить, уточнить. Но иногда ему нечего было добавить: вот, я описал все, что было, что тут еще сказать? А иногда говорил: о, тут целая история, ты даже не поверишь!..

«ПРИЗНАК ДУХОВНОЙ ЗРЕЛОСТИ»

Безусловно, считая себя русским, Игнат Солженицын продолжает жить в Нью-Йорке, регулярно приезжая на Родину с гастролями. Впервые он приехал в Россию в 1993 году в качестве солиста на концертах Ростроповича и сразу понял,

что особых расхождений между образом России, сложившимся в его воображении, и реальной страной нет: «Возвращение меня очень тронуло, но ничего особенно неожиданного я не увидел». Сейчас он с готовностью соглашается на выступления в самых разных уголках страны, не только в столице, но и во Владивостоке, и в Сибири, и в небольших провинциальных городках вроде Липецка. Даже в Нижнем Новгороде Солженицын был уже столько раз, что сбивается со счета: пять? шесть? Ездит часто и много, словно пытается восполнить то общение с Родиной, которого был лишен в детстве. Два брата Игната – старший, Ермолай, и младший, Семен, – вернулись в Россию и сейчас живут в Москве.

– У вас тоже трое детей, как складывается их связь с русской культурой?

– Связь с русской культурой у них самая непринужденная, прямая, потому что они говорят по-русски, а язык, как известно, определяет сознание в первую очередь. Они читают русскую литературу, по мере своих сил и возраста. Русский язык – на первом плане каждый день. И сознание, понимание обстоятельств истории нашей семьи и – в более крупном масштабе – истории нашей страны у них, несомненно, есть.

– Они уже занимаются музыкой?

– Старший, Дмитрий, не только занимается на фортепиано, но и любит размышлять о музыке. Анна учится играть на скрипке, приносит хорошие отметки. А младший, Андрюша, пока наблюдает за братом и сестрой.

– Как вы думаете, что нужно сделать, чтобы в России и во всем мире в целом на концерты классической музыки приходило больше молодежи?

– Всем хочется видеть, конечно, школьников или студентов на концертах, и мне тоже очень радостно, когда я вижу их в зале. Но знаете, – возвращаясь к вопросу о том, что способен воспринять ребенок, – конечно, надо с самого юного возраста давать возможность детям приобщать-

ся к этим ценностям, к шедеврам и нашей, и мировой культуры. Но мне кажется, кроме самых редких случаев, ребенок не способен понять всю глубину классических произведений. Я думаю, если вы читали того же «Ивана Денисовича» или «Анну Каренину» в 10–12 или даже 20 лет и перечитывали потом, то тоже думали: я же тогда ничего не понял! Из разговоров со старшими коллегами мне известно, что и в предыдущие поколения было так же: те же седые головы сидели в филармониях и слушали классическую музыку. А сейчас говорят, что это все умирает... Я не могу судить с абсолютной уверенностью, но мне кажется, так было всегда: молодые люди приходят лишь со временем к тому, чтобы иметь терпение, иметь желание, а сегодня – и денежные ресурсы, чтобы ходить на такие концерты. Самое главное – это внутренний процесс, процесс роста. Далеко не всем ясно с раннего возраста, что не хлебом единым мы живы, так что в этом смысле я настроен оптимистично: пока существует земля и мы еще ходим на двух ногах, музыка и искусство будут нужны всегда, и всегда будут люди, готовые ее услышать и понять. Восприятие такого репертуара – это признак духовной зрелости. ■

КРЕЩЕНИЕ ИОСИФА БРОДСКОГО

БЕСЕДОВАЛ

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

МОСКОВСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК ВЛАДИМИР
БОНДАРЕНКО ЗАВЕРШАЕТ РАБОТУ
НАД КНИГОЙ ОБ ИОСИФЕ БРОДСКОМ
ДЛЯ ПОПУЛЯРНОЙ СЕРИИ «ЖЗЛ».
ОБЪЕЗДИВ МИР В «ПОГОНЕ»
ЗА БРОДСКИМ И СВЕДЕНИЯМИ О НЕМ,
ПОСЛЕ НЬЮ-ЙОРКА И ВЕНЕЦИИ,
БОНДАРЕНКО ТРИ ДНЯ ИСКАЛ
В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ ЦЕРКОВЬ,
В КОТОРОЙ КРЕСТИЛИ БУДУЩЕГО
ПОЭТА.

ИОСИФ БРОДСКИЙ ПРОЖИЛ В ЧЕРЕПОВЦЕ – промышленном городе на Русском Севере – два года: приехал в возрасте двух лет, уехал, когда ему было четыре. Сюда мать привезла его на время блокады Ленинграда. В Череповце не сохранилось ни избы, где Бродские жили, ни лагеря для военнопленных, где работала мать будущего поэта. И экскурсовод, рассказывая туристам о городе, упоминает о жизни в нем Иосифа Бродского с прибавлением осторожного «предположительно». Но Владимир Бондаренко умудрился исколесить весь город, путешествуя по «местам Бродского». Мы побывали на нескольких улицах, где, по некоторым сведениям, жили маленький Иосиф

с матерью. Посетили музейную выставку, посвященную Бродскому, осмотрели железнодорожный вокзал, который позже Бродский вспоминал в интервью, и прогулялись по роще, где находился лагерь НКВД (теперь на его месте красуется новенький храм), в котором работала мать будущего поэта. Когда мы переезжали по мосту через неширокую речушку Ягорбу, Владимир Бондаренко рассказывал: «А это, видимо, та речка, которую Иосиф с мамой переплывали на лодочке. Она сидела на веслах, а маленький сын спрашивал: «Мама, а когда тонуть будем?» Мария Моисеевна любила рассказывать об этом эпизоде». Владимир Бондаренко – автор полутора десятков книг – в советские времена переписывался с Солженицыным и перезванивался с Бродским. Разговор с людьми на улице считает не менее эффективным научным методом, чем работу в архиве. Таксисты, прохожие, попутчики... он всем рассказывал о книге, над которой работает, и церкви, которую ищет. Вдруг кто-то что-то знает или помнит? Информации немного – известно, что двухлетнего Бродского крестили то ли в Череповце, то ли рядом с Череповцом. К этому факту среди исследователей жизни Бродского прилепилось название – то ли Степановское, то ли Степаново. По карте находим в окрестностях города два места с названием «Степаново» (одно с буквой «ё» в первом слове) и одно Степановское. Но вроде не подходят – расположены далековато. Наконец таксист средних лет, третий из опрошенных, вспоминает о селе Носовском в 6 километрах от города. Некоторые пассажиры называют

Маленький
Иосиф катается
на санках-
черепанках
с горки

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

его по старинке Стефановским, хотя оно давным-давно переименовано. И храм там имеется. Мчимся туда. Церковь действительно стоит – миниатюрная бело-голубая красавица во имя святых Иоакима и Анны. На пороге сидит и спокойно умывается матерый кот – белый с черными пятнами. Писатель Бондаренко с ликованием произносит: «Бродский безумно любит кошек, этот кот – хороший знак». Заходим. По счастью, иерей Валерий Белов оказывается в церкви. Он подтверждает, что в окрестностях Череповца эта церковь единственная, которая работала в годы Великой Отечественной войны. А потому, кроме как здесь, нигде более Иосифа Бродского крестить в 1942 году не могли. Пока разговариваем, в тесное помещение церкви протискиваются

люди с маленьким ребенком. Принесли крестить белокурую малышку Светлану, местную жительницу. «Она же ровесница Бродского, его таким же сюда принесли, – восторженно шепчет мне Бондаренко. – Это же надо, снова совпадение». Его глаза горят как у кладоискателя.

Наш разговор об Иосифе Бродском, изучением жизни и творчества которого Владимир Бондаренко занимается более тридцати лет, состоялся на лавочке у входа в церквушку. Погожий денек, из церкви доносится звонкий крик рабы божией Светланы, на солнышке дремлет черно-белый кот. Благодать.

– Почему вы думаете, что этот храм – тот самый, где крестили маленького Бродского?

– О том, что двухлетнего Иосифа Бродского крестили во время пребывания в Череповце в одной из местных церквей, мама поэта Мария Моисеевна рассказывала в доверительной беседе ближайшей подруге Наталье Грудининой, от которой об этом факте стало известно общественности. Репутация у обеих женщин безупречная, и у нас нет причин им не верить. Мать Бродского упоминала о том, что обряд крещения состоялся благодаря череповецкой няньке маленького Иосифа. Об этом факте упоминают многие исследователи. Поисками конкретной церкви, где проходило крещение, никто не занимался. Я решил отыскать ее и выяснил, что в 1942 году в Череповце не было действующих храмов. Да и в окрестностях их почти не было. В науке мелькает название села, в котором, возможно, крестили Бродского – Степановское или Стефановское. Не без сложностей, но мы его обнаружили. И все сошлось – богослужения в церкви Иоакима и Анны возобновились в октябре 1942 года.

– Хорошо, место крещения установлено. Что это дает для понимания жизни и творчества Бродского?

– На мой взгляд, это говорит о многом. Это подтверждает то, что Иосиф Бродский на протяжении всей жизни был верующим человеком и православным поэтом, хотя напрямую об этом никогда не заявлял. Внимательный читатель увидит это в его стихах. Возьмем рождественские стихи Бродского: начиная с 1961 года и до конца жизни он каждый год писал стихи, посвященные Рождеству. Это, быть может, лучшие его стихи, в них столько внутренней силы. Вообще, сам факт обращения к рождественской и божественной теме не говорит о том, что автор верующий. В стихах Маяковского Бог тоже упоминается довольно часто, но мы чувствуем, что их написал убежденный атеист. Если мы соглашаемся с тем, что Бродский был крещен и знал об этом, то его стихи на эту тему обретают иной смысл. Ведь среди бродсковедов очень распространено скептическое отношение к христианству Бродского, а его рождественские стихи считают чем-то вроде забавы или пародии. А я считаю, что это главная линия его поэзии. И возможно,

Бродский
с семьей
в эвакуации.
Фото сделано
на камеру отца,
навещавшего
семью
в Череповце

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

единственное, о чем он размышлял всерьез, без доли иронии, ему свойственной. Почему он не говорил прямо о своей вере? Его американское окружение было в основном неверующим, возможно, его убедили в том, что глубокая вера – это немодно и несовременно. При этом Бродского встречали с крестиком на шее. Это факт.

– *Вы пишете, что были знакомы с Иосифом Бродским. При каких обстоятельствах произошло знакомство?*

– Было всего несколько встреч, в том числе и в его квартире в знаменитом доме Мурузи на Литейном проспекте. Нас познакомил Евгений Рейн, близкий друг Бродского. Иосиф тогда только-только вернулся из архангельской ссылки. Я в ту пору писал стихи, причем крайне авангардные. Для меня тогда Бродский был замшелый консерватор, и я относился к нему без особого пиетета. Но уважал как мастера. А потому решил показать ему свои стихи. Позвонил, пришел в гости, передал тетрадку. А через некоторое время мы встретились снова, и Иосиф учинил разбор моих стихов – он их просто уничтожил. Он, кстати говоря, ненавидел авангард – и в живописи, и в поэзии. Я к критике относился и отношусь достаточно спокойно, но разбор Бродского произвел на меня огромное впечатление. Наверное, он со всей жесткостью и прямолинейностью сказал то, что я в глубине души понимал о себе и сам. Прочистил мне мозги. Я перестал писать стихи и постепенно перешел в консервативный лагерь. После этого было еще несколько встреч и телефонных разговоров. Последний разговор состоялся, когда он жил в США. Во время одного из моих визитов в Америку я позвонил ему и предложил встретиться, но мы не смогли найти время, удобное для обоих.

– *Когда вы стали заниматься исследованием жизни и творчества Бродского?*

– Его поэзией я интересовался очень давно. И тогда, когда его стихи распространялись в самиздате, и тогда, когда стали выходить тома и собрания сочинений. Став литературным критиком, опубликовал не одну статью о стихах Бродского и фактах его жизни. Попутно я побывал во многих местах, которые связаны с Бродским. Идея написания книги пришла во время работы над трудом про Лермонтова для серии «ЖЗЛ». Я сдал эту книгу в набор и предложил издательству другую – о Бродском. Издатели согласились. Работаю над книгой около двух лет – свожу воедино факты и находки, которые собираю более тридцати лет.

– *Какова цель книги? Что нового она скажет об Иосифе Бродском?*

– Вы правы, без особой цели нет смысла браться за написание книги и повторять то, что давно всем известно. К примеру, моя книга о Лермонтове имеет подзаголовок – «Мистический гений». Это, быть может, первая книга, в которой Лермон-

ОЛЕГ ЯКОБИЧ

тов предстает мистиком, продолжателем творческого своеобразия своего далекого предка, шотландского поэта Томаса Лермонта. К книге про Бродского я ставлю очень простой, но емкий подзаголовок – «Русский поэт». Эпиграф беру такой: «Я русский поэт, хотя и евреец». Это его слова. Он считал себя русским поэтом, более того – христианским поэтом. И эта мысль лежит в основе книги. Всю эту христианскую русскость я на страницах книги прослеживаю в лучших стихах Бродского. Прочитайте его стихотворение «Народ», которое Анна Ахматова называла гениальным. В нем изложено все кредо Бродского, который говорит – я часть русского народа и его певец. «Припадаю к народу. Припадаю к великой реке. Пью великую речь, растворяюсь в ее языке». И эту связь с народом и русским языком он ощущал на протяжении всей жизни. Ведь великим поэтом Иосифа Бродского сделала северная ссылка в деревню Норинскую Архангельской области. Там этот молодой питерский поэт, который писал талантливые, но поверхностные и несколько вычурные стихи, обрел и небесность, и кондовую русскость. Там он написал эти строки: «В деревне Бог живет не по углам, как думают насмешники, а всюду. Он освящает кровлю и посуду и честно двери делит пополам». И неслучайно Бродский, который жил в красивейших городах мира, называл ссылку в Норинской лучшим периодом своей жизни. Это его Михайловское.

– *Почему он не вернулся на родину в годы перестройки или в начале 90-х годов?*

– Я уверен, если бы не смерть Бродского в 1996 году, он рано или поздно вернулся бы в Россию. Скажем так – приехал бы на некоторое время. Известно, что он был близок к тому, чтобы посетить родной Ленинград. Говорят, даже за билетами отправлялся, но что-то его останавливало. У меня есть собственная версия, почему так произошло. Я считаю, что причины лежали не в политической плоскости, а в любовной. Иосиф Бродский не хотел возвращаться на руины главной любви

Владимир Бондаренко считает, что поэт не приехал в Россию в 90-х годах из-за трагической любви

ОЛЕГ ЯКОВЛЕВ

В поисках информации о Бродском исследователь объездил полмира, от Нью-Йорка до архангельской деревушки

его жизни. Много написано о донжуанском списке Бродского, но он, как мне представляется, всю жизнь любил одну женщину – Марину Басманову. Он на протяжении всей жизни посвящал ей свои лучшие стихи. Она так и не вышла за него замуж, они расстались. Бродский, даже оказавшись на Западе и став всемирно известным поэтом, присылал Марине приглашения, искал встречи. Но не сложилось. И возвращаться туда, где живет женщина, с которой его связывают сложные взаимоотношения, Бродский не хотел. Эту версию я не раз излагал в статьях. К слову, Марина Басманова жива по сей день и по сей день сохранила независимый характер. С журналистами она не общается, интервью не дает. Я с ней неплохо знаком и давно уговариваю написать книгу мемуаров. Говорю ей: «Вы муза великого поэта, вы Беатриче, вы Лаура...» Предлагаю приехать с диктофоном и записать ее воспоминания, а потом изложить в точности на бумаге. Не хочет, отказывается.

– Бродский ведь пробовал писать стихи на других языках...

– Пробовал, пытался, но довольно быстро отказался от этих попыток. Был период после переезда в США, когда он решил порвать с одной империей и максимально ассимилироваться в другой. Он сам об этом говорил в стихах и интервью. Бродский стал писать на английском языке – публицистика получалась блестящей, а стихи тусклыми, поверхностными и откровенно слабы-

ми. Коллеги-поэты, в особенности англоязычные, отзывались об этих произведениях довольно издевательски. И Бродский с тех пор до самой смерти писал стихи только по-русски.

– А про Советский Союз и его политику он, живя на Западе, высказывался? Наверняка в интервью спрашивали...

– Спрашивали, конечно, но он уходил от этой темы. Не хотел воевать с советской властью и чернить родину, хотя от него, как эмигранта, этого многие ждали. Вряд ли это решение было продиктовано страхом – бояться ему, особенно после получения Нобелевской премии, было особенно нечего. Наверное, он недолюбливал советский строй, но в политические споры демонстративно не вмешивался. Он очень не хотел становиться антисоветчиком, он понимал всю пошлость этого статуса.

– Почему в последние годы вокруг имени Бродского бушуют войны? Ломаются копья, создаются кланы друзей и псевдодрузей...

– Думаю, причина в том, что Иосиф Бродский был на протяжении всей жизни крайне независим – и как поэт, и как человек. Как раз он-то не принадлежал ни к какому клану. Все старались и стараются причислить его к своей группировке, но он отовсюду и ото всех ускользает. Свой среди чужих, чужой среди своих. Поэтому так много инсинуаций, упреков и споров вокруг имени Бродского, так много любви и ненависти к нему. ❶

ЭСТАФЕТА

АВТОР

МИХАИЛ ГЛИНКА

ТАК БЫВАЕТ, КОГДА ПОПАДЕШЬ В СТАРЫЙ, РАЗУМНО ПОСТРОЕННЫЙ ГОРОД. ТАК ВЗДОХНЕШЬ С УВАЖЕНИЕМ В БИБЛИОТЕКЕ, ГДЕ НЕТ КНИЖНОГО СОРА. ПОДОБНОЕ ОЩУЩЕНИЕ МОЖЕТ ОВЛАДЕТЬ ТОБОЙ, КОГДА СРЕДИ МНОЖЕСТВА СЕМЕЙ ВОКРУГ ТЫ ОБНАРУЖИВАЕШЬ ОСОБУЮ ЦЕПОЧКУ ЛЮДЕЙ, ПЕРЕДАЮЩИХ ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ КОПАЩИЙСЯ ОПЫТ ПОТОМСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ. ЧАСТНЫЙ ВАРИАНТ – ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ПРОФЕССИИ.

ИСТОРИЯ ЭТОЙ СЕМЬИ, точнее, женской ее вереницы начинается с Ашхабада последних лет XIX века и первых лет XX. Для огромных пространств Российской империи это время небывалых темпов развития всевозможного предпринимательства, бурного строительства

железных дорог, а для ее окраин, и в особенности южных, чрезвычайные масштабы миграции. К частному сюжету такой перемены мест относится и встреча в Ашхабаде волжской девушки Домны Максимовны Романовой и железнодорожного служащего Андрея Михайловича Сапегина. Польско-литов-

ский уклон фамилии молодого человека говорит, понятно, не о родстве с магнатами Сапегами, а о бывлых хозяевах кого-то из дедушек. О Домне же в семейной памяти осталось, что, никогда не вмешиваясь в чужие дела, она готова была всегда всем помочь. Еще было известно, что, родившись на берегу Волги, Домна в юности реку эту не раз переплывала.

В Ашхабаде у Сапегиных был свой дом. Из предметов повседневного пользования в семье сохранился с той поры рожок для обуви с надписью «Ашхабад». Детей со временем стало шестеро: четверо своих и двое племянников. Маленьким прощалось все, но когда ты подрастал, то наступал другой порядок, и говорилось так: есть слово «хочу», и есть слово «надо». Запомним это как девиз семьи. Из шестерых детей начальным персонажем нашего сюжета и первым номером интересующей нас цепочки женщин будет Нина (Нина Андреевна), которая проживет с 1904 до 1991 года – в рамках же российской истории – от Витте до Ельцина. В год окончания Гражданской войны Нине будет 17. В год начала Великой Отечественной – 37. Знаем мы и о том, чем обернутся для нее 1930-е годы. Стиль нашей статьи, цель которой попытаться хотя бы в общих чертах набросать портреты цепочки женщин-врачей – прабабушки, бабушки, матери и дочери, где прабабушкой является упомянутая Нина Андреевна, – будет вынужденно почти телеграфным.

Андрей и Домна
Сапегины.
1900-е годы

Удостоверение
личности Домны
Сапегинной.
1915 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НАЧАЛО

Итак, Ашхабад, второе десятилетие XX века, Нина Сапегина учится в Ашхабадской гимназии, которая превращается в 1918-м в школу второй ступени. В 1923-м Нина поступает на медицинский факультет Туркестанского университета... Это – Ташкент. В семье по наследству передавался рассказ бабушки Нины о подушках. Подушки прабабушка Домна дала дочери с собой в отъезд к месту учебы, но в дороге их украли, и Нина купила другие, которые и привезла на каникулах домой. Подмену прабабушка не распознала и, взбивая подушки, говорила: ну надо же, какие они хорошие и какое легкое в них перо...

После окончания университета (1928 год) Нина по распределению направлена в Каракол (Пржевальск) Иссык-Кульской области, где и знакомится с Александром Георгиевичем Винтером. Александр Георгиевич – член партии, инженер. Предки его, вероятно, из немцев Поволжья, переселившихся в Россию еще при Екатерине II. У Нины и Александра в 1930 году рождается дочь, но семейной их жизни не суждено продлиться долго. С конца 1920-х в стране одна за другой катятся волны политических судебных процессов. По отголоскам и последствиям одного из них (то ли Промпартии, то ли Шахтинского – до ежовщины еще несколько лет) Александр Георгиевич арестован. Причина ареста для семьи так и остается неизвестной. Сейчас же те края – это вообще другая страна... Отца Рита не помнит, но если говорить о каких-то чертах ее натуры, которые относятся к потребности в упорядочении, систематизации, постоянной тяге к знаниям, совершенно неукоснительной аккуратности – то, не исключено, черты эти отчасти и наследственные...

Нина Андреевна, мать Риты, остается с маленьким ребенком, и ей, вероятно, кажется, что случившееся нависает не только над нею, но и над дочерью. Первой попыткой спасти дочь мере-

Нина Сапегина.
Середина 1920-х годов

Похвальный лист
Нины Сапегинной.
Ашхабадская
женская гимназия.
1914 год

жится перемена мест. Вступая в брак, фамилию Нина Андреевна не поменяла, оставаясь Сапегинной. Возможно, это кое в чем помогло. Но возвращаться в Ашхабад кажется небезопасным, к тому же за месяц до рождения Риты умер отец Нины Андреевны. И Ашхабад перестает быть тем местом, где собирается вся

семья. Некоторое время спустя ашхабадский дом, который Рита хорошо помнит, удастся продать. А Нина Андреевна с дочерью перебираются в Ташкент. Диплом мединститута позволяет ей найти работу в Ташкентском институте охраны материнства и детства. Вскоре у нее напечатаны даже какие-то научные статьи, однако надо представить себе жизнь матери-одиночки, да еще в те годы. О какой научной работе может идти речь? Нина Андреевна становится практическим врачом-педиатром.

Побежало время. Закончились врезавшиеся многим семьям в неизгладимую память 1930-е, началась война. В 1943 году, как военнообязанная, врач Нина Андреевна Сапегина призвана на военную службу (ей 39 лет) и, как прекрасный диагност и практик, направлена в медицинскую часть ташкентского Суворовского училища, где ей – офицеру медицинской службы – иногда приходится ее возглавлять. Безотказная работа майора Сапегинной отмечена званием заслуженного врача Узбекистана.

Надо добавить, что в этом училище учился в те годы будущий очень известный кардиохирург Александр Борисович Зорин, и он дружил с Ритой Сапегинной,

когда она еще девочкой-подростком приходила в Суворовское училище навещать свою маму. И якобы это майор Сапегина дала Зорину впервые послушать, как звучит чье-то сердце, что можно считать напутствием к его поступлению в Военно-медицинскую академию.

ВЫБОР

Наблюдая с детства за матерью, Рита (Маргарита) уже очень рано поняла, что никем, кроме врача, себя не видит. Не может быть ни усталости, ни собственных дел, ни других причин, которые могли бы оправдать неоказание медицинской помощи. Безотказность. Это закон, завет.

Годы войны вспоминаются Маргарите еще и сбором хлопка. На полях работали все ташкентские школьники. Норма – 100 килограммов невесомого пуха в день. Царапины от колючек, жара, мешок, привязанный к поясу... За работу на полях в 12–13-летнем возрасте Маргарита позже получит медаль «За доблестный труд». Второй ее медалью будет золотая, за окончание школы.

Ташкентский медицинский институт занимал громадную территорию. Его величественные еще дореволюционные корпуса были выстроены из прекрасного темного кирпича. Институт казался действительно чем-то вроде храма науки и не мог не произвести сильнейшего впечатления на романтическую девушку. Но некоторые из контрастных впечатлений, связанных с будущей профессией, были для Маргариты шоковыми. Например, шутка старшекурсников – голый труп, сидящий в кресле. Или, как бы теперь сказали, приколы лектора, который входит в аудиторию, неся связку позвонков, как связку бубликов. Теперь, когда у М.А. Репиной издано около 400 трудов по медицине, она вспоминает об этих шутках с улыбкой. Но память об институте жива. О каком-то особом экзамене, который на удивление всем сдала досрочно. Или о том,

Нина Андреевна
Сапегина
с дочерью.
1933 год

что с четвертого курса понравилось акушерство. Речь шла о выборе из трех специальностей – хирургия, акушерство и терапия. Акушерство. Именно акушерство. Это ведь зачастую абсолютно не терпящая промедления аварийная помощь... Выбор определил всю дальнейшую жизнь. Если первой целью Нины Андреевны, матери Маргариты, было просто-напросто уберечь дочь, то теперь очевидно, что женская, уцелевшая часть ее семьи сама начинает строить свою судьбу.

Во время войны в Ташкент был эвакуирован один из лучших московских медицинских вузов,

Маргарита –
студентка.
1948 год

в котором сконцентрировались превосходные преподавательские силы. Институт давал первоклассное медицинское образование. Студентов-узбеков на первых курсах учили русскому языку, а с четвертого курса всех студентов соединяли, и занятия становились общими.

Сокурсник и будущий муж Риты (но пока еще претендент) Игорь Сергеевич Репин, учившийся на патофизиолога, был сталинским стипендиатом. Вдобавок он прекрасно музицировал. Возникал даже вопрос – идти ли ему в медицину или, может быть, в консерваторию? Свадьбу сыграли в 1951 году. Родители жениха были тоже врачи. Выбор Ленинграда как места будущей жизни определила студенческая поездка на летних каникулах. Поехали целой компанией, вся поездка казалась праздником, а когда оказались в Ленинграде, город на Неве Риту околдовал. И по окончании института они с мужем, которому предложили место в Ленинградском институте экспериментальной медицины (у обоих было право выбора – дипломы с отличием), уехали в Ленинград.

С жильем в Ленинграде все устроилось. Переезжали из Ташкента и родители Игоря. Его матери – она получила кафедру в Первом медицинском институте, пройдя по конкурсу, – дали квартиру недалеко от Ботанического сада. Молодым – путем обмена ташкентского жилья – досталась комната на Васильевском острове. Но уже родившийся у молодых сын до двух лет еще жил в Ташкенте, пока Нина Андреевна не приехала с ним в Ленинград. Однако семейная жизнь Маргариты и Игоря не сложилась. Они разошлись в 1960 году.

Вторым мужем Маргариты стал психиатр Рэм Андреевич Харитонов. Он работал в Институте им. Бехтерева, специализируясь по детской эпилепсии. Несколько десятков лет лечить детей к нему приезжали со всего Советского Союза...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ОСОБЫЕ ЛЮДИ

Без сдвигов во времени в этом репортаже не обойтись. Так получилось, что медицина как профессия в этой семейной цепочке не только нечто наследственное, подобное эстафете поколений, но еще и имеющее привязки чисто территориальные. Так, прабабушка и бабушка – Нина Андреевна и Маргарита Александровна – кончали один и тот же медицинский вуз, хотя он и сменил между их выпусками название (медицинский факультет Ташкентского университета стал институтом с несколькими факультетами), Светлана, дочь Маргариты, и Анастасия, дочь Светланы, также окончив один и тот же вуз, продолжили традицию. Правда, в их случае название сменил уже сам город – Ленинград стал Санкт-Петербургом. Еще из того, что слышу, мне начинает казаться, что в профессии этой явно проглядывают оттенки чуть ли не рабовладельческие. Но вовсе не по отношению врача к больному, а по отношению профессии к врачу. Рабовладельцем врача является его знания и его же чувство долга. Врачи, настоящие врачи – это особые люди...

Светлана (дочь Маргариты, третье поколение врачей) о бабушке и маме: «О маминой маме. Педиатры вообще люди не такие, как все, тщательность их осмотра особенная, настоящий педиатр всегда осматривает ребенка от макушки до пяточек, и я помню, что, когда мы с братом заболели (это уже Ленинград, конец 1970-х), бабушка выслушивала нас не фонендоскопом, а непосредственно ухом, хотя мне уже было 14, а брату и вообще 25 лет. Первой заболела я. Была осень, очень холодный день, и мы всем классом вышли из электрички на какой-то станции и долго добирались до дома одного из наших одноклассников. Пошел сильный дождь. А у нас была гитара, ее надо было спасти от дождя, и почему-то это была я. Закрывать гитару можно было, только спрятав под куртку, куртку пришлось расстегнуть, и, когда мы дошли наконец до этого дома, я почувствовала, что что-то не так. Дальше было воспаление легких. То я прихожу в себя, то – пропадаю. Еще помню, как мама плачет, стоя у окна. Потом были врачи. И я пропустила целую четверть. А тогда первый и самый правильный диагноз поставила именно бабушка Нина.

Дети
М.А. Репиной –
Сергей
и Светлана.
1968 год

Со мной вместе, заразившись от меня, заболел тогда и брат (Сергей Игоревич Репин, впоследствии доктор физико-математических наук, профессор, зам. директора Математического института им. Стеклова. – Прим. авт.), и во время болезни он занимался со мной физикой. А раздел был очень трудный: выделение энергии, поглощение энергии на примере кубика льда. Помню, как брат на листе бумаги А4 цветными карандашами изобразил рисунок на эту тему. Но нарисован был не кубик льда, а трубочка моего любимого сахарного мороженого и обозначены ее данные – температура, вес и так далее. И когда я вернулась в школу, тот материал, что за время моего отсутствия прошли, я знала даже лучше, чем весь остальной класс. Рисунки эти преподавательница, удивившись, как хорошо я знаю материал, который проходили без меня, у меня забрала. Может быть, для того, чтобы в дальнейшем их использовать.

Бабушка умерла преждевременно. Вообще, до своих 83 лет она была в великолепной форме, у нее была легкая нога, бабушка десятилетиями не сносила обувь, была стройной, делала зарядку, по утрам неукоснительно обливалась холодной водой. Но произошло несчастье. Была зима, февраль, и рано утром бабушка по обыкновению отправилась за молоком. Ей надо было пересечь путь тех, кто торопился на метро. Она двигалась не быстро, и, вероятно, кто-то из бегущих нечаянно ее толкнул. Она упала и сломала шейку бедра.

Бабушке сделали операцию, которая поначалу казалась успешной. Через какое-то время она смогла вставать и даже передвигаться. Но силы быстро ее оставляли. А потом слегла и больше уже не вставала, три года провела в постели.

Теперь о маме.

Одной из самых характерных и сильных сторон мамы является ее способность и потреб-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ность непрестанно обновлять и пополнять знания. Знать все невозможно. Но понимать, как и в каком источнике можно без промедления найти ответ на самый сложный вопрос, заданный возникшей медицинской проблемой – это и есть показатель квалификации. При нынешних тоннах медицинской литературы достижение этого, конечно, лишь благодаря колоссальному опыту и десяткам лет связи науки с практикой. И мамино умение доступно и доходчиво передать опыт коллегам-врачам – это, конечно, ее характеристическая черта. А еще важнейшей особенностью мамы как врача является то, что за шестьдесят лет работы она не потеряла сама острого интереса к своему делу. Для врача очень опасным является профессиональное выгорание – потеря живого интереса к своей профессии. У мамы этого нет. Вдобавок она прекрасно знает и смежные области – эндокринологию и биохимию, кроме того, что она вообще человек энциклопедических знаний. И еще раз повторю, это отсутствие выгорания интереса к своему делу и еще к общению с людьми.

Светлана
Кузьмина-
Крутецкая.
2010-е годы

Профессор
М.А. Репина.
2014 год

ми. Что, вообще говоря, могло бы давно случиться – ведь мама была на чрезвычайно высоких должностях по своей специальности – например, главным акушером-гинекологом города в 5 миллионов жителей. А что такое хотя бы синхронизация разных служебных направлений в мегаполисе? Но мама не

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

только была руководителем уже имеющейся структуры (и одновременно научной работы в ней), но и занималась ее совершенствованием. (Кандидатская диссертация – гемостаз, докторская – акушерские кровотечения.) К примеру, мама была среди тех, кто в Ленинграде организовал с 1977 года акушерско-гематологические центры при родовспомогательных учреждениях, поскольку кровотечения при родах – одно из прогнозируемых обстоятельств. А еще – у нее за всю жизнь было лишь два места работы. Мама, надо сказать, автор ряда не только статей, но и книг по этой части – и они у нее не просто научные, а всегда имеют и практический характер. И я много раз слышала от акушеров-гинекологов, что эти книги служат им практическим руководством. И до сих пор (маме 83) она постоянно ездит с лекциями, а точнее, с лекциями-консультациями по разным медцентрам Северо-Запада. И это уже в чистом виде миссия в системе совершенствования врачей, в которой мама несколько десятилетий назад обозначила себя

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

через огромный опыт практической работы. А еще, конечно, через способность и потребность – учить и учиться.

А еще я слышала от врачей, и тоже неоднократно, что от мамы никогда не услышишь уже читанной ранее лекции, потому что каждая ее лекция – обновленная и обязательно снабженная самыми последними достижениями и новостями той области науки и практики, которым посвящена. При этом научные новости почерпнуты не только из наших, но и из зарубежных медицинских источников.

На восьмом десятке лет мама освоила компьютер и вот уже несколько лет выступления перед коллегами строит как видеопрезентации. И никогда не делает эти занятия-лекции на четверку или даже на пятерку. Все они – это ее марка – должны быть на высший балл с плюсом. Удовлетворение она получает лишь от дела, исполненного на высшем уровне. И еще, конечно, от того, что сделала это сама. И еще... Мама очень теплый человек. Для тех, кого любит. И она всегда – добавлю: неукоснительно всегда – горячо интересуется их жизнью и, если это в ее силах, стремится помочь.

Мама человек требовательный, с очень устойчивыми симпатиями. Я выросла в кругу маминых друзей. Это был круг людей чрезвычайно интересных, при этом самых разных профессий и интересов. Там были и инженеры, и ученые-физики, и гуманитарии, и вообще очень разные люди. Среди мужчин было много охотников. И еще великих путешественников»...

В гостях
у Вилинбаховых.
2012 год

Светлана
и Настя (третье
и четвертое
поколение
врачей).
2013 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Отпуска, а иногда и служебные командировки у этих людей преображались в путешествия и странствия, наполненные неожиданными сюжетами. Вертолет, акваланг, лыжи (разумеется, слаломные), байдарка, река (разумеется, таежная), бокфлинт (двустволка с вертикальным расположением стволов), гидрокостюм были частью обычного словаря той компании на общих обедах. Вперемежку, стоит добавить, со спорами о Пикассо, Кандинском, Солженицыне. Однажды на таком обеде был у нас Бродский. Заграница тогда (работали по почтовым ящикам) была для нас практически на замке, но Средняя Азия, Байкал, камчатские гейзеры, подряд на сбор водорослей на тихоокеанском мелководье были даже по деньгам тогда куда доступнее, чем сейчас. О Белом море или Кольском полуострове даже не говорю.

Светлана: «И еще – в этой компании были очень яркие женщины, необычные. С такими же яркими характерами. Эта компания, помню, организовала как-то клуб гурманов. Суть в том, что каждая семья по очереди давала обед из каких-нибудь особенных блюд. Поскольку все это происходило еще лет сорок назад, изобретательности требовалось много...»

Автор этих строк помнит обед у четы Тагановых (выпускников Технологического) – гвоздем пира был суп из бычьих хвостов, что подразумевало неформальные отношения с мясокомбинатом. На другом же обеде, у Малхасянов, зрительным дополнением к армянскому колориту праздника был туалет хозяйки – короткая туника из домотканой холстины и копье – буковое древко и синеватый слоистый булат лезвия, собственноручно откованного мужем хозяйки Левом, научным сотрудником Техноложки. Все натуральное. Впрочем, отец Левона, Грант Малхасян, был в Ереване академиком лингвистики...

Светлана: «Еще помню игру взрослых в шарады, чему, конечно, были особенно счастливы дети, которым тут всегда доставались какие-то роли. Выросшие, мы продолжаем общаться, с наслаждением вспоминая те игры. Эта связь родителей с детьми является для нас эстафетной. Поэтому я не могу сказать, что мама ничего не знала и не видела, кроме науки. Сам факт участия в такого рода праздниках-играх очень сближал нас со взрослыми, и мы, дети, конечно, звали старших «дядя Андрей», «тетя Таня»... И как-то, когда я уже подросла, мама сказала мне, что пора называть взрослых по имени-отчеству. Но в первый же раз, как я последовала маминым словам, тут же была остановлена. «Почему ты так к нам обращаешься? Мы же, можно сказать, братья и сестры твоей мамы?» На том все и прекратилось. И осталось по-прежнему на все те годы, что эти люди были живы».

Маргарита (акушер-гинеколог, профессор и заслуженный деятель науки Российской Федерации М.А. Репина) знает «Евгения Онегина» наизусть. Эти слова – не фигура речи. Она знает «Онегина» не по школьному – когда застревают в памяти «Мой дядя самых честных правил» и сон Татьяны, а действительно наизусть. Насквозь. Когда выучила? Как? При сборе хлопка школьницей во время войны? Или белыми ночами в околдовавшем студентку из Средней Азии послевоенном Ленинграде? На ночных дежурствах в родильном доме? Когда она могла выучить целиком этот огромный роман в стихах? Вероятно, родственным этой ретроспективной аномалии знаний Маргариты Александровны является ее специнтерес к анализу акушерских историй и трагедий XVIII и XIX веков. На примере, скажем, первой жены Павла I, Натальи, умершей в родах. Это вообще не редкость для великосветских тогдашних дам – погибать в родах... И тут же – переход к раз-

М.А. Репина и
М.Л. Ростроп-
вич. 2005 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

говору о современных возможностях. У нас ведь теперь они совершенно иные – например, ультразвуковые исследования – мы можем определить срок родов до дня. «Но когда я начинала, – говорит Маргарита Александровна, – все было не таким, как сейчас». Еще бы, 1954 год – как раз шестьдесят лет назад. И сколько в эту разницу познаний о том, как следует подготавливать появление человечка на свет и как его принимать, внесла Маргарита Александровна Репина...

Маргарита Александровна – это сама пронизательность, но при этом неукоснительно сохранение деликатной ненавязчивой манеры отношения к людским недостаткам. Никакого диктата (если, конечно, перед ней не пациенты). Но оценка человека (внутренняя) – неумолима.

Хирургия и акушерство – это ответственность за две жизни. Проблемы геморрагического шока. Организм кричит! Тревога! Надо что-то делать немедленно! Вопросы организации, готовности оборудования и выучки персонала должны быть отработаны до мелочей – потому что в любой момент – через час, через минуту – может пона-

добиться что угодно! Тревога! Готовность за краткие минуты!

Понятны при этом облегчение, почти веселость сдающего дежурство и сосредоточенная мрачноватость принимающего. А вот несколько строк из нашего застольного разговора, точнее, ее монолога, слегка просветившего соседа (автора статьи, который успел нажать клавишу диктофона): «Плацента – это орган, развивающийся и существующий только во время беременности. Она обеспечивает плод всем необходимым для его жизнедеятельности и развития. Процесс окончательного формирования плаценты, начинающийся с момента зачатия, заканчивается только к середине беременности.

Плацента не является механическим переносчиком необходимых компонентов плоду и отработанных продуктов – матери. Она является мощным гормональным органом и, по существу, главным и очень строгим дирижером оркестра, в котором музыканты – все ткани и системы материнского организма. Дирижер управляет оркестром только в интересах плода, подчиняя им все обменные процессы матери. В случаях неблаго-

Настя
с бабушкой,
М.А. Репиной.
2013 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

приятных фоновых состояний, заболеваний матери такой диктат плаценты может приводить к серьезным осложнениям и невозможности выносить беременность».

Дирижер... управление оркестром в интересах плода... Слова эти из словарей других профессий, но уровень культуры, аналитический дар, начитанность, широта кругозора лектора подводят слушателей к иному, более широкому пониманию уровней сопоставлений.

Кстати, о реальном дирижере. Однажды в родильном доме Маргарита Репина встретила с Мстиславом Ростроповичем, который кого-то навещал. Они познакомились, сразу подружились и проговорили без перерыва... пять часов. Знавшие Ростроповича говорят, что в этом весь он. Разговор продолжился через несколько дней уже в доме Ростроповича и Вишневецкой. По случайности оказалось, что Репина и Ростроповичи жили в шаговой, как говорят теперь, доступности.

Маргарита Александровна о дочери: «Врач – это не профессия, это образ жизни. Это сопереживание, рука помощи, это еще и свойство характера и натуры.

Врач – это человек плюс профессионал.

Со Светланой не было конфликтов – она ДОЛЖНА, и это все. Школа, институт, аспирантура. Она ведь не только кардиолог, она уникальный специалист по ультразвуковой диагностике. Две высшие категории. Собранность и широкое видение проблем. Была начмедом и замглавврача огромного медицинского учреждения. Прекрасный организатор. Доброжелательство и твердость. И никакого повышения голоса. Предельная требовательность к себе. Могла бы быть и профессором, и академиком. Отдыхает, если это можно назвать отдыхом, лишь в поездках и командировках. Постоянные, бесконечные звонки. Пациентов. Врачей. Друзей.

Прекрасная дочь. Изумительная. Всегда чуть что – тут как тут. Следит за здоровьем всех близких. Букеты ко дню рождения. И всегда это не просто букет, а произведение искусства. Заранее заказывает. И специальный подбор цветов. Бесконечно внимательна. Редкий день, когда не позвонит. В семье все держится на Светлане. Она общий координатор. И все держит в голове».

Несколько раз Светлана проходила практику в американском медицинском городе-центре. С большим юмором рассказывает, что в этом городе буквально никуда не деться от врачей, они круглые сутки рядом – в ресторане, в магазине, на улице. С американцами (коллегам по профессии) постоянная переписка, обмен опытом, радость встреч. Вот она, народная дипломатия – наверное, это и есть «поверх барьеров».

У Светланы всегда хорошее настроение. Никто из больных или коллег никогда не видел ее рассерженной или даже хмурой. А еще Маргарита Александровна вспоминает, как Света (ей было 2 года) решила подмести за пришедшей к ним на дом парикмахершей волосы с пола. Пришла с веником и совком. И стала убирать.

Дочь Светланы (Настя) по гороскопу телец. Должна со временем стать прекрасным специалистом. Но в соответствии со знаком – не без упрямства. Мать и дочь – ближайшие подруги, не разлей вода. Друг без друга не могут жить. Вместе катаются на роликах вокруг Александровской колонны. Вместе путешествуют по Европе. Настя выросла в среде профессиональных врачебных разговоров. И выбрала не просто медицину, а именно направление в ней, такое же, как у матери. Часто во время ультразвуковых исследований пациентов Настя смотрит на экран прибора и на движения рук матери из-за ее плеча. И переговариваются междометиями. Курлы-курлы. Наверное, так птицы ставят своих птенцов на крыло.

Сейчас Настя уже врач. Но несколько лет назад, когда она еще училась в школе, бабушка как-то у нее спросила:

– Настя, а ты куда вообще собираешься после школы?

Настя улыбнулась счастливо. И ответила:

– А куда же я денусь? ■

ПРАЗДНИК В ТРУДЕ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

...СЕМЬЯ ЧЕКАШКИНЫХ МОЛЧА НАБЛЮДАЛА ЗА ТЕМ, КАК СЫН СОСЕДЕЙ, КУРГАЕВЫХ, ВМЕСТЕ С ДРУЗЬЯМИ ПЕРЕНОСИЛ ПОЖИТКИ РОДИТЕЛЕЙ В ЗАЛЯПАННЫЙ КУЗОВ КАМАЗА. ЧЕТА КУРГАЕВЫХ СТОЯЛА РЯДОМ И ПРИЧИТАЛА. НЕ РАЗ ОНИ УВЕРЯЛИ ЧЕКАШКИНЫХ, ЧТО НИ ЗА ЧТО НЕ ПОКИНУТ СВОЙ РОДНОЙ ТРУД – МАЛЕНЬКИЙ ПОСЕЛОК В МОРДОВИИ. КЛЯЛИСЬ, ЧТО УЙДУТ ОТСЮДА «ТОЛЬКО НА КЛАДБИЩЕ». И ВОТ... СБОРЫ ЗАКОНЧЕНЫ, ПРОЩАЛЬНЫЕ СЛОВА СКАЗАНЫ. ТЕПЕРЬ ЧЕКАШКИНЫ ОСТАЛИСЬ ЕДИНСТВЕННЫМИ ЖИТЕЛЯМИ ПОСЕЛКА ТРУД...

ЮРИЙ, СЫН КУРГАЕВЫХ, ЖИВЕТ В ТОЛЬЯТИ, РАБОТАЕТ ВОДИТЕЛЕМ: ОН С ДЕТСТВА МЕЧТАЛ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ГЛУХОЙ ДЕРЕВНИ, ГДЕ В ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА ОБИТАЕМЫМИ БЫЛИ НЕ БОЛЕЕ 20 ДВОРОВ, И ПЕРЕЕХАТЬ В КРУПНЫЙ ГОРОД. И ДАВНО ОН УГОВАРИВАЛ РОДИТЕЛЕЙ ПЕРЕБРАТЬСЯ ИЗ ТРУДА КУДА-НИБУДЬ ПОБЛИЖЕ К ЦИВИЛИЗАЦИИ – ДА ХОТЬ В СОСЕДНЕЕ МНОГОЛЮДНОЕ СЕЛО. Но родители уговоров не слушали: им не хотелось расставаться с большим садом, огромным картофельным полем – аж до леса, привольной жизнью и соседями Чекашкиными, с которыми за полвека жизни бок о бок почти сроднились. Чекашкины их, конечно, поддерживали, но сами про себя думали, что, будь у них такая возможность, они бы давно бросили свой поселок. Да только их

42-летний сын Михаил живет вместе с ними и с Трудом расставаться пока не собирается. Время шло, поселок пустел. Когда в Труде из жителей остались лишь Кургаевы да Чекашкины, когда окрестности обезлюдели, а грунтовая дорога почти исчезла, Юрий поставил вопрос реб-

ром. И что оставалось делать Кургаевым?.. Последние четыре года Чекашкины живут разговорами об уехавших соседях. Сын Кургаевых купил родителям отличный дом в селе Вечкусы: вода и газ подведены, во дворе – добротные хозяйственные постройки и

Поселок Труд повторяет горькую судьбу брошенных селений

гараж. Говорят, Кургаевы теперь и не нарядуются, что выбрались из Труда. Новости о нынешнем быте старых соседей приносит жена Чекашкина – Вера Васильевна. Она ведь чуть ли не каждый день ходит через луга и лес в соседнее село Парадеево – к двум дочкам и внукам. Андрей Михайлович Чекашкин выслушивает ее рассказы молча. Он хмурится и думает, что если бы его навестил бывший сосед Кургаев, то ему было бы нечего рассказать о прошедших одиноких зимах в брошенном поселке. Все то же самое, что и прежде: дрова, вода, бурьян и усиливающаяся ломота в костях. Да вот кабаны повадились картофель рыть, а обнаглевшие лисы в подпол стали пролезать. Правда, Кургаев и так все это прекрасно знал! Поэтому Андрей Михайлович, послушав

жену, выходит на крыльцо покурить дешевые папиросы и поглядеть на городьбу бывшего соседа. Трава уже переросла ее... Сад одичал... Словно тут и не жили. В другом бы месте такой близкий сосед, может, и оставил бы на память подарок. Но Кургаев ничего не оставил. Потому что жил он, как и Чекашкины, своим трудом. То есть бедно. А корыто и табуреты у Чекашкиных и свои есть. Думать об этом Андрею Михайловичу на холодной улице тоскливо, а возвращаться в избу не хочется. Жена ведь продолжит рассказывать о сытой и теплой жизни Кургаевых и обязательно снова задаст вечный вопрос: когда же они расстанутся с этим Трудом? А у Андрея Михайловича на него ответа нет. Когда лет пятьдесят назад молодые жители Труда переезжали отсюда, то Чекашкины не слушали их и держались за свою работу в Парадеевском колхозе. Когда все же начали искать дом для покупки, то оказалось, что деньгами нужно помочь детям, так что на переселение средств не хватило. А потом дома в Парадееве и вовсе перестали продавать.

«Да уж. Люди Труда никому не нужны», – признается, конечно, сам себе Андрей Михайлович в очередной раз и, чтобы не думать о грустном, вспоминает, что успел сделать сегодня и что еще предстоит сделать: прополот картошку, перетаскал навоз, перебрал дрова, помог жене пересадить герань на подоконнике. И этот день в поселке Труд закончился в труде. А завтра надо будет чинить крышу погреба. Да еще воды натаскать...

МИЛЬГУНОВО ПЕРЕЖИЛИ

Утро в Труде начинается со скрипа старых половиц, мычания коровы и очередных разговоров об уехавших соседях. О них напоминает не только заброшенный дом, но и куры, ушедшие в их огород, сорняки, ползущие с их брошенных грядок. Сын Чекашкиных, Михаил, воспринимает эти разговоры как упрек. Он и так помогает родителям

В давно поломанное и ржавеющее в траве авто Михаил Чекашкин садится, чтобы ощутить в руках руль. Чаще приходится иметь дело с вожжами и хомутом, который надевается на верную лошадку...

чем может: два больших ларя, заполненных ячменем для поросят, его заслуга. Ячменем ему заплатили за работу в селе. Перестают вспоминать об уехавших соседях Чекашкины тогда, когда в Труде появляется почтальон – Надежда Мышляева. Правда, почту она перестала носить, как только Кургаевы уехали, а Чекашкиным и писать-то некому. Надежда не разделяет мнения, что на новом месте Кургаевым живется лучше. Когда-то

она сама уехала из родного Парадеева, жила в Горьком, Куйбышеве и даже Москве, но в итоге вернулась на малую родину. С сумкой почтальона она не расстается уже очень много лет, и даже когда ей предложили поработать техничкой в школе – отказалась. С тех пор как подписчики газет, получатели писем и пенсий этого поселка переселились на кладбище или разъехались, в Труд Надежда приходит тор-

Внуку Чекашкиных Максиму такой транспорт по душе

говать мылом, шампунем и зубной пастой. Не покупают Чекашкины у Надежды только чай. «Мы на чай душицу собираем», – говорят они. «Вам, Андрей Михайлович, еще мох закурить только осталось!» – отвечает им весело почтальон. Но куревом она не торгует.

Чекашкиным приятно общаться с Надеждой, да к тому же семейство дружно и с мужем почтальонши. Андрей Михайлович не раз сидел с ним за стаканом горячительного напитка. Лет двадцать назад тот нередко вместо жены носил почту в Труд. И вот однажды, после очередных посиделок с самогоном, муж Надежды решил сократить путь до дома и на замерзшем пруду провалился в полынью. Новая искусственная шуба и джинсы промокли, а подписи на ведомостях в почтовой сумке сухие остались. Очень он тогда ругался на этот Труд. Своей супруге сказал: «Больше меня своим Трудом не напрягай». А Чекашкины, услышав эту историю, посмеялись: «Никто с нашим Трудом связываться не хочет!»

Так что ясно: почтальон Надежда Мышляева в Труде свой человек. В молодости она часто

ходила на поля рядом с Трудом собирать ягоды. А теперь ведро ягод можно набрать рядом с Парадеевым без всякого труда. Своим острым глазом бойкая почтальонша за двадцать лет общения с жителями Труда заметила в них особенности. Одеваются не всегда опрятно. Их стремление вести хозяйство по старинке вызывает недоумение. И почему они запрещают даже в брошенных садах рвать яблоки? Говорят, что считают все вокруг теперь своим. Свободная жизнь, в которой нет ограничений, привела их к некоторому одичанию. А бесконечные заботы превратили их разговоры в постоянные жалобы на жизнь. Трудно им будет в большом селе жить, считает Надежда... Но об этом она ничего не говорит последним жителям Труда. Чтобы не обидеть. Понимает, что в такое состояние их привела жизнь в поселке. Поживешь тут немного, и волком завоюешь. Поэтому в Труде она не засиживается. «Терпение и труд все перетрут», – говорит она. – Мильгуново пережили. Гордитесь!»

Мильгуново – такая же маленькая деревушка по соседству. В ней вообще никого не оста-

лось. А была когда-то четырехлетняя школа, за продуктами люди Труда в Мильгуново ходили. Полсотни домов деревни казались большим селом, а мильгуновцы гордились тем, что уроженка здешних мест стала известным врачом в райцентре. Но теперь на месте деревни малина растет.

Однако жизнеспособность Труда в сравнении с Мильгуновом – слабое утешение для Чекашкиных. Им хочется в Парадеево. К народу. И людям Труда обидно, что для них в Парадееве места нет. На протяжении полувека они только и жили новостями из Парадеева, которое им казалось большим миром. В ясную ночь, если выйдешь за околицу, то можно разглядеть далекие огни Парадеева... А между тем в этом большом селе некоторые и не знали о существовании поселка Труд. Как-то повелось, что всю тяжелую и непрестижную работу выполняли люди Труда. Среди его уроженцев нет ни врачей, ни учителей. Да и газеты, которые раньше приносила сюда Надежда, люди Труда использовали для бытовых нужд, а не для чтения. Для этого занятия не было ни сил, ни времени.

ЛЮДИ ТРУДА

На ферме Парадеевского колхоза из Труда регулярно работало не более 10 человек. Невелик вклад. Но зато как работали! Семей своих месяцами не видели. Андрей Михайлович после окончания четырех классов школы пошел пасти дойные стада Парадеевского колхоза и печатного слова более не видел. Пятьдесят лет только тем и занимался, что караулил коров и быков! Привез из другого села жену. Она тоже работала на ферме Парадеевского колхоза. Три раза в день в любую погоду бегала к буренкам. От таких трудов и сам Андрей Михайлович откровенно запустил избу. Спал у костра, жил на подножном корму, чаще говорил с собакой, чем с людьми. Огромные дойные стада надо было гонять по лугам и охранять от воров и... даже колдунов, которые одним недобрый взглядом могли оставить все стадо без молока. И за такое, бывало, обвиняли! После одного такого случая Чекашкин ни одному гостю, забредшему в Труд, не покажет даже овцу. Такая суеверность тоже дала повод считать его диковатым. А в лихие 90-е у Андрея Михайловича похитили из

После праздника гостей и паломников Чекашкины могут развезти на телеге. Только лошадь Майка и способна пробраться по местным дорогам

гда рядом с родником проводят пикники, варят уху и поют песни. С робкими замечаниями людей Труда не считаются. А однажды с источника украли старинные иконы, простоявшие тут много лет. Никто на сетования Веры Васильевны внимания не обратил. Что может быть ценного в этом Труде?..

ЯВЛЕННЫЙ ИСТОЧНИК

Дорогу к Труду нам показала почтальон Надежда. А узнали мы о Труде и его последних жителях от мастера-деревообрабочника из Кемли Геннадия Большкина. Два года назад он вместе с сыновьями поставил на источнике в овраге новую часовню. Андрей Михайлович приходил и удивлялся: «Неужто бесплатно работаете? Значит, остались еще люди труда!»

Пейзаж Труда незатейлив: кусты картофеля на квадратных полях, длинные слегги городьбы, выжженное солнцем поле, одинокая ветла... Старые, расстрескавшиеся двери открыты и в избу, и в сарай, и в хлев. Все настезь... Тут нечего прятать. На колья городьбы водружены стеклянные банки. Корявые самодельные черенки лопат и вил вырезаны из старого орешника... Нижние пазы избы Чекашких замазаны глиной из оврага. Старые половицы в доме такого вида, словно по ним ходили, не разуываясь, полвека. В соломе, которой утеплены стены скотного сарая, можно разглядеть листья камыша – быт времен крепостничества! Калитка скребет по земле и открывается с трудом. И вокруг – куда ни глянь – много предметов, вышедших из употребления лет шестьдесят назад. Когда я предположил, что в деревнях, наверное, многие так живут, почтальон заметила: «Только в Труде». Старую клетчатую рубашку Андрей Михайлович носит навыпуск, древние брюки заправлены в носки. Так он их бережет. Гораздо более ухоженной и лошеной выглядит белая кобыла Майка, которую старик ведет в поводу. На гостей Андрей Ми-

стада сразу 16 телок. При такой скромной жизни ему бы никогда не выплатить их стоимости. По следам на глине и оставленной на траве шерсти он нашел тех, кто угнал телок. Требование вернуть их закончилось дракой... Воры оказались работниками поселковых администраций. Телок вернули с помощью милиции. Но никто человеку из Труда спасибо не сказал. Только удивились тому, как простой пастих из брошенной деревни решил за правду постоять. Ну что взять с человека Труда? Какое у него понимание...

Да и обе дочери Андрея Михайловича отправились работать на ферму. Сколько сапог и валенок они протерли до дыр на каменистых тропках! Но кому сейчас это надо? От фермы той остался только остов. Сейчас о людях Труда вспоминают только во время выборов. С ящиком для голосования к ним посылают все того же почтальона – Надежду.

Правда, недавно появился еще один повод чаще говорить о людях Труда. Обустроенный в овраге источник Явленный стал привлекать большое число людей. Мусор после них убирают Чекашкины. Они же чистят ку-

пель, обновляют земляные ступени на склоне оврага. Никто им, конечно, за это не платит. Делают они это по той же причине, по которой их родители за гроши горбатились на Парадеево. Не могут Чекашкины без труда. Среди посетителей родника много жителей Парадеева, которые на усилия Чекашких смотрят снисходительно. Вслух, конечно, хвалят. Ино-

Супруги
Чекашкины
всю жизнь
отдали Труду

Раз в год
на праздник
Троеручицы
Вера Васильевна
надевает свое
самое лучшее
платье

хайлович смотрит подозрительно. «Думает, переселять приехали!» – говорит нам Надежда, знающая все тайные мысли людей Труда. Андрей Михайлович отворачивается и что-то нежно шепчет своей Майке. На лошади он ездит за продуктами в Парадеево, на лошади же возит дрова, на ней же пашет картофельное поле. А еще на Майке он катает свою внучку Ирину. Это – единственный подарок, которым он может повеселить свою любимицу... Старик гладит лошадь, распрямляет каждую шерстинку и бормочет: «Ничего. Труд все победит». И на этой заросшей бурьяном улице мертвой деревни Труд его слова вызывают доверие. И вот почему.

Раз в год это брошенное место наполняется людьми. Очень давно косцы, которые спустились в овраг за ключевой водой, рассказали о явлении им Богородицы. И вот уже более двухсот лет на праздник в честь иконы Божией Матери «Троеручица», который приходится на конец июля, на Явленный источник в поселке Труд стекается со всех окрестных сел и районов несколько сотен человек. Целое столпотворение. Не только едут на машинах и автобусах, но и идут пешком по луговым пыльным тропкам. Эти «безлошадные» приходят накануне праздника, и владельцы единственного жилого дома в поселке готовы приютить всех паломников. Они спят на лавках, на полу, на сеновале и даже на крыльце старенькой избы Чекашких. В ночлеге Чекашкины не отказывают никому. Многие из гостей еще детьми ходили со своими бабушками на Явленный источник на Троеручицу. Когда-то, еще в советское время, власти, чтобы прекратить массовый сход народа на церковный праздник, решили засыпать источник. Но люди, под предлогом того, что это единственное место, где можно набрать воды во время сенокосов, отстояли его. С той поры высится над ключом

Настоятель
храма в честь
Пресвятой
Троицы в селе
Резоватове
иеромонах
Митрофан

На празднике в честь иконы Божией Матери «Троеручица» на этой поляне внутри оврага собирается множество людей, которые бывали тут еще детьми

сруб. Воду в источнике считают «сахарной», а ил и глину берут для лечебных целей. И вот теперь единственными хранителями Явленного источника оказалась семья Чекашкиных, оставшаяся жить в брошенном поселке Труд. Никакой оплаты за свой труд они, конечно, по-прежнему не получают и без воды из источника вполне могли бы обойтись, так как рядом есть хорошие колодцы. Чекашкины не знают, что в России икона «Троеручица» пользуется большим почитанием. И уж тем более им неизвестно, что перед иконой «Троеручицы» молилась царская семья в Ипатьевском доме накануне мученической кончины. Но допустить, чтобы с Явленным источником, куда ходили еще их предки, случилось что-то неладное, Чекашкины никак не могут. Даже случайного путника, оказавшегося на источнике, Вера Васильевна привлекает. Каждый вечер она с мужем ходит в часовню проверить свечи и лампы, вымести мусор и вымыть пол. Андрей Михайлович с помощью шланга, соединенного с желобом, наполняет купель водой. Этот деревянный желоб он каждый год вместе с сыном ме-

няет на новый. Рубят липу, выдалбливают ее, устанавливая так, чтобы серебряная струя падала только на большие валуны... Стояла на дне оврага у источника старая ива, в три обхвата. Люди с нее кору брали для лечения. Молния спалила иву. Так Чекашкины не только погибшее дерево вытащили наверх, но и выкорчевали пень, чтобы место по-прежнему имело приятный вид.

Конечно, если сказать Чекашкиным, что они выполняют не физический, а духовный труд, они удивятся и не поверят. Как же не физический, когда столько пота проливается в овраг! Вот прошедшей зимой Андрей Михайлович вернулся в избу со страшным известием. Вода пропала в источнике! А ведь в самые сильные морозы не замерзала, бежала. Стал разбираться. Оказалось, земля на склоне оврага промерзла, а во время оттепели рухнула и завалила ключ. Своими слабыми руками старик разобрал половицы, приподнял сруб, расчистили ключ от земли. Опять пошла вода. Жена его ругала, зачем он один взялся сруб поднимать. Вдруг упадет! Зимой в поселок Труд дороги нет. Кто

его спасти поедет, если придавит? А старик все равно пошел расчищать ключ...

Но самая большая работа начинается перед праздником Троеручицы. Густая растительность на площадке у часовни подрубается. Трава выкашивается. Земляные ступени, ведущие на дно оврага, обновляются. Для того чтобы отмахиваться от комаров, вяжутся метелочки. Обо всем этом заботятся Чекашкины. Ведь на праздник в честь иконы Божией Матери «Троеручица» приезжают в Труд священники со всего Ичалковского района. Не менее 10 батюшек ведут службу под открытым небом среди огромной толпы народа. Весь день идут на Явленный источник в поселок Труд люди. И уже никто не позволяет себе снисходительных улыбок в адрес Чекашкиных. Их благодарят. И затасканное, замусоленное и даже оболганное в наше время слово «труд», которое в разные моменты жизни людям свойственно наполнять разным значением, в этот день здесь – в этом мертвом поселке среди лугов и лесов – очищается и возвращает свое истинное, настоящее и побеждающее значение. ■

МАЛИНОВАЯ СТОЛИЦА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АЛЕКСЕЯ ТАРАСИКОВА

ХОТЯ БЫ РАЗ В ГОДУ В ПОЛНОЙ МЕРЕ ОЩУТИТЬ, ЧТО ЖИЗНЬ – СПЛОШНАЯ МАЛИНА, ЭТО УЖЕ МНОГО. И ТАКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕСТЬ У КАЖДОГО ГОСТЯ ФЕСТИВАЛЯ, КОТОРЫЙ СТАЛ ТРАДИЦИОННЫМ ДЛЯ РЯЗАНСКОГО СЕЛА НОВОСЕЛКИ. ПРАЗДНИК ЭТОТ ИМЕНУЕТСЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКИМ, НО ЭТО ЛИШЬ ОДНА СТОРОНА МЕДАЛИ. НА САМОМ ДЕЛЕ ВСЕ ГОРАЗДО РАЗНОСТОРОННЕЕ. НА МАЛИНОВОМ «СЕЙШНЕ» ТОЧНО МОЖНО ПРОВЕСТИ ВРЕМЯ ВЕСЕЛО, ПРИЧЕМ РАЗВЛЕЧЕНИЯ НАЙДУТСЯ НА РАЗНЫЕ ВКУСЫ И ВОЗРАСТЫ.

3 АДУМКА СОЗДАТЬ вкусный фестиваль появилась давно, и первая проба состоялась восемь лет назад. Тогда праздник больше напоминал своего рода тематическую ярмарку, основным товаром на которой была, конечно, малина. Но с каждым годом фестиваль креп, набирал силу, обрастая новыми традициями и становясь все вкуснее и вкуснее. За фестивалем закрепился девиз: «Жизнь – малина!»

Итак, в этом году малиновый запах разлился над Новоселками уже в восьмой раз. Пожалуй, такого нашествия село еще не видело. К обеду все свободные места были заняты припаркованными машинами. Любители малины подтягивались из разных городов. Кстати, в этом году впервые на сельский фестиваль приезжали целые автобусы туристов из других регионов – видим, запах малины долетел и до них... «У нас в Шатуре, в местном турбюро, все путевки были

раскуплены за три недели до поездки», – рассказывает гостья праздника Галина Лашнева. «Гостей становится все больше и больше. – Консультант Министерства культуры и туризма Рязанской области Ирина Князева обводит глазами внушительный поток прибывающих на праздник. – Думаем даже о смене площадки, потому что эта уже не вмещает всех желающих». Малиновая тема встречала гостей, можно сказать, с порога праздника. Одним из первых

Малиновый фестиваль каждый год зазывает гостей в Новоселки

пунктов на пути туристов было фотоателье «Жизнь в малине». Оно, кстати, пользовалось большим успехом: в окошке избушки с соответствующей надписью то и дело появлялись новые довольные лица – всем хотелось сохранить наглядное доказательство своей жизни в малине.

Мастера и умельцы съехались в Новоселки из разных уголков Рязанского края – чего только не было на прилавках ярмарки! Длинные ряды столов со всякой всячиной напоминали выставку достижений народного творчества. И керамика, и традиционные для разных районов Рязанщины куклы, и лоскутные произведения, и вязаные изделия... «На этот фестиваль мы всегда приглашаем мастеров народных промыслов из всех уголков нашего края, – делится заместитель министра культуры и туризма Рязанской области Ольга Голева. – Так называемый событийный туризм должен привлекать гостей из других регионов, поэтому мы стараемся познакомить с самыми разными достижениями нашей области. Люди будут знать скопинскую

Малинка на щечке была отличительной чертой многих барышень на фестивале

керамику, михайловское кружево – может быть, это поможет сохранить наши исконные промыслы». Так что на малиновом фестивале творения мастеров на все руки затмевали друг друга.

Но при всем изобилии самым ходовым товаром, конечно, была малина. Ее покупали во всех видах. Сделанные из стекла или пластика сережки и кулоны, вязаные украшения и брелоки, прихватки-малинки, чашки и прочая посуда... Главное, чтобы присутствовала тема малины. «Мы сделали самые простые сувенирчики – вязаные малинки, – делятся жительницы села, у мастериц из Новоселок ягоды получились самые разные, ведь у каждой вязальщицы своя манера. – Пусть они простенькие, зато продаем дешево. Все удовольствие – 20 рублей. Такие деньги отдать не жалко, а память о фестивале останется хорошая. Некоторые даже удивляются, что можно купить сувенир так дешево. А что ж такого – мы на этот праздник не обогащаться пришли. Хозяева – гостей встречаем. Надеемся, им понравится, и на будущий год к нам снова пожалуют». «Мы попросили сельчан быть щедрыми и добрыми по отношению к гостям, – говорит методист по туризму Рыбновского отдела культуры Ирина Вострикова. – И люди, конечно, откликнулись. Здесь и десятки сортов любимой ягоды, и пироги с малиновым джемом, и малиновый сок, и саженцы малины – если вовремя их посадить, то урожая можно дожидаться уже на следующий год. Конечно, очень постарались народные умельцы – сувениры можно выбрать на любой вкус. Словом, гостей встретили, как полагается». Кстати, и сувениры, и полезные в хозяйстве вещи можно было не только приобрести – каждый желающий мог изготовить их своими руками. Мастер-классы на фестивале малины были самые разные. Усердные ученики увезли с праздника сделанные своими руками тряпичные куклы или керамический кувшинчик.

Сувениры
каждый
желающий мог
сделать своими
руками

ФАВОРИТКА ДНЯ

Конечно, полное раздолье было для самых маленьких гостей фестиваля. Для них организаторы подготовили отдельную площадку, на которой можно было вдоволь разгуляться. Причем не только повеселиться, но и получить за это призы. Прыгая и бегая, ребятня зарабатывала жетоны, а потом меняла их на участие в мастер-классах или на небольшие подарочки. А аквагрим и вовсе можно было сделать совершенно бесплатно. Аквагримерам в этот день пришлось немало потрудиться – к ним выстраивались длинные очереди из желающих разукрасить свои мордашки. Надо сказать, что и здесь малина была бесспорной фавориткой – практически каждый второй уходил из-за стола с яркой ягодой на щеке.

Все в этот день крутилось вокруг малины. Даже в салоне красоты «Ягодная поляна» пытались соорудить тематические прически. Их создатели именovali свой стиль «Я – малинка!». Конечно, назвать парикмахерские творения малиновыми можно только условно, зато клиентки, которые побывали у мастеров, выходили довольными, как будто съели ведро малины.

Ягодное
ассорти – самое
подходящее
угощение
для такого
праздника

Поскольку фестиваль все-таки гастрономический, без еды на этом празднике не обошлось. Мастер-класс по изготовлению вкуснейшего десерта (естественно, с малиной) провел шеф-повар одного из ресторанов Рязани. Кстати, в кафе и ресторанах, которые приняли участие в празднике, фестиваль малины продлится еще целый месяц – малину там сделают главной героиней меню. А на новоселковском фестивале изюминкой этого года стало проведение кулинарного поединка – соревновались профессиональный повар и жительница села. Оба соперника выглядели достойно, и жюри, попробовав конкурсные работы, присудило победу... дружбе.

Бармены решили обойтись без состязаний – просто устроили для гостей шоу. Наверное, у многих возникнет вопрос: какое отношение бармены имеют к малиновому празднику? Как оказалось, самое непосредственное. Ловко жонглируя бутылками с малиновым сиропом, мастера угощали всех малиновыми коктейлями – это в полной мере оценили юные поклонники малины. «Малиновый коктейль полезен для здоровья растущих организмов, а в жару ему просто нет равных», – улыбается бармен Антон Гуськов.

Вообще, как отмечают знатоки, фестиваль с каждым годом становится все вкуснее. Самым популярным блюдом фестиваля были пироги с малиной – их к празднику напекли в огромном количестве. А вот отведать свежей ягоды удалось далеко не всем. «Королеву бала» раскупали намного быстрее, чем горячие пирожки. Через полчаса после начала фестиваля малина была, пожалуй, самым дефицитным товаром... «Ну как, вы все продали? – спрашивала по телефону своих родственников Анна Родионова, захавшая в Новоселки из соседнего села. – Срочно везите все сюда – здесь люди малину ждут! Я на фестиваль-то решила просто так приехать, как говорится, на пробу, – объясня-

много смущаясь, улыбается Мария Луговая. – Правда, не в этом году. Этому костюму уже года три. У меня лежал ситец нарядный, в ягодках, ну я и подумала, чего зря лежит – ему самое место на празднике». А Татьяна Мякушина приехала из Скопинского района в костюме, который достался ей от прабабушки. Ткань сохранилась в отличном состоянии, и искусная вышивка не полиняла. «Я этот костюм берегу, ухаживаю за ним так, как и прабабушки наши ухаживали. Стираю только руками, мылом, проветриваю – все, как делали в старину, – рассказывает Татьяна. – Потому его и сегодня носить можно. У меня еще один прабабушкин наряд есть, именной, она вышила на нем имя и фамилию. Это раритет, за ним все коллекционеры охотятся. Но я считаю, что такие вещи продавать нельзя – они мне по наследству достались, я и должна их хранить».

Для маленьких участников фестиваля костюм тоже имел особое значение, ведь любой желающий мог поучаствовать в параде малиновых нарядов. Ребята готовились усердно, а судя по их амуниции, мамы готовились еще тщательнее. Каждый из претендентов демонстрировал свой образ. А победителем этого состязания судьи выбрали мальчика Никиту – единственного представителя сильного пола, участвовавшего в малиновом карнавале.

Для жителей Новоселок принять такое количество гостей, конечно, хлопотно. Но при этом все они довольны и горды тем, что именно их село признано малиновой столицей. Приезжим здесь охотно рассказывают легенду, которая дошла от старожил: говорят, малину к царскому столу подавали именно из Новоселок. Так что качество местной малины проверено веками. А кто еще не успел проверить лично, имеет все шансы отведать новоселковской малинки на следующем фестивале.

ет Анна. – А зять с дочкой поехали на рынок в Рязань. Конечно, такого успеха я не ожидала – все раскупили моментально. Теперь будем знать, на следующий год в малиновый день на рынок не поедем – сразу сюда».

Жительница Новоселок Валентина Комарова тоже с раннего утра готовила угощение для приезжих. «Жаль, этот год для малины неурожайный. Сказались декабрьские морозы и летняя засуха. Часть кустов померзла, да и некоторые сорта плодоносят плохо, ягоды суховаты, не такие вкусные, как бывают, – говорит Валентина Ивановна. – Но что поделаешь – в этом году урожай поменьше, значит, в следующем будем ждать изобилия».

ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ КОСТЮМЧИК СИДЕЛ

И жители Новоселок, и «бывалые» гости уже знают, что в середине лета их ждет сладкий и ароматный праздник. Поэтому к событию готовятся заранее – кто делает всевозможные сувениры, кто концертную программу готовит, а кто костюмы шьет. На празднике было такое множество дам разных возрастов в «тематических» платьях, что оставалось только удивляться, как тщательно они отнеслись к подготовке к фестивалю. У кого ткань в малинку, у кого и вовсе весь костюм продуман так, что каждый узнает любимую ягоду. «Это я себе специально к фестивалю малины сшила, – не-

Настоящие профессионалы охотно поделились секретами приготовления простого и вкусного десерта

Гостеприимные Новоселки и в следующем году радушно встретят всех почитателей малины

ПАТРИКИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВСЕ-ТАКИ ОН ПОПАЛСЯ НА ГЛАЗА: ЧЕРНЫЙ, ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЙ И БЕССТРАШНЫЙ. ТОЛЬКО ОЧЕНЬ ХУДОЙ. ВОТ ИДЕТ... НЕТ – НЕ ИДЕТ, УВЕРЕННО ПЕРЕСЕКАЕТ БОЛЬШОЙ ПАЛАШЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, НЕВЗИРАЯ НА РАЗМОРЕННЫЕ ЖАРОЙ И ПОТОМУ ЛЕНИВО ВЗРЫКИВАЮЩИЕ «МЕРСЕДЕСЫ». КУДА-ТО В СТОРОНУ СПИРИДОНОВКИ.

ЭТО НЕПРАВДА, ЧТО москвичи в мгновение ока вернулись к старым названиям улиц и площадей. Душа требовала – это да. Какая такая улица Горького? Или – площадь Дзержинского? Конечно Тверская и Лубянка! А в обиходе нет-нет да и оговариваемся до сих пор. Где встречаем-

ся, на Горького? На Дзержинского? Держит прошлое за шиворот, непросто вывернуться. Было время, когда мы блуждали по тем самым «Горького» и «Дзержинского». И – окрест. Бывало, в поисках нужного адреса спрашивали попавшуюся на пути барышню-пенсионерку в старорежимной шляпке, где,

мол, тут дом такой-то по улице Герцена. И нарывались.

– Может быть, – ответствовала дама, – по Большой Никитской, молодые люди?

Но такое случалось крайне редко. Тем не менее, когда Герцена превратилась в Большую Никитскую, искренне радовались. Потому как интуитивно чувствовали наши пионерско-комсомольские души, что барышня права. Однако ж, повторюсь, прошлое отпускало не быстро. Впрочем, были в Первопрестольной места, которые любые поколения называли так, как было принято до первой эпохи переименований. О том, что Патриаршие пруды в пору моих детства-отрочества-юности назывались Пионерскими, узнал случайно и много позже. Патриаршие – они и есть Патриаршие. А для своих – Патрики.

Патриарший пруд глазами председателя МАССОЛИТа Берлиоза и поэта Бездомного

Выход
из станции метро
«Маяковская»
на Триумфальной
площади

ющих рельсы и слух. Михаил Афанасьевич с той поры трамваи терпеть не мог. А они преследовали его долгие годы, после Садовой – на Пироговке... Писатель вообще не любил шума. Что для писателей весьма характерно. И сейчас, окажись волею одного из своих персонажей во дворе Большой Садовой, 10, скорее всего, расстроился бы. Двор Булгаковского дома в будничный полдень полон людей, со столь тонко высмеянным писателем плебейским любопытством взирающих на вертикальные ряды огромных окон, на броские афиши и всевозможные металлические изваяния созданных им персонажей великого романа.

Люди, как известно, разные. Но тут, точно жвачка к подошве, прилипает ощущение, будто двор Булгаковского дома собирает всех тех, кто был его многочисленными прототипами. Особенно вот этот – с наглой мордой и руками в карманах мятых льняных брюк. Чем не Степа Лиходеев? Чем дальше, тем чаще убеждаюсь: фанаты и их божество – это как мухи и котлеты. В идеале – должно быть отдельно. А в жизни – они зачастую вместе. С другой стороны, что удивляться? Михаилу Афанасьевичу история дома – никаким боком. Ну, осел тут с 1921 по 1924 год с первой женой, Татьяной Лаппа, благодаря протекции товарища Крупской, так

что предложили в одной из первых московских советских коммуналок, то и принял. А само здание тогда москвичи называли не иначе как «чертов дом». Основания? Кто ж теперь скажет. Известно лишь, что на этом самом месте хозяин табачной фабрики «Дукат» Пигит планировал соорудить очередной производственный корпус. Дабы зелье плодить. Но московские власти воспрепятствовали, рядом как-никак стоял храм Святого Ермолая. В итоге возник огромный доходный дом. Мало ли таких строилось в Первопрестольной в начале XX века, но вот незадача – тут познакомились Айседора Дункан и Сергей Есенин. Беспокойный, надо признать, роман случился. И надо же: начался он в октябре 1921 года, а завершился в 1924-м, незадолго до гибели танцовщицы. Такие вот совпадения...

Этот кусочек Москвы, насыщенный историей и творчеством – благо сошлись на пятке Концертный зал имени Чайковского, Театр эстрады, Театр имени Моссовета в саду «Аквариум», – всегда был с привкусом. В том же саду, аккуратно напротив входа в театр, в 70-е ошивались фарцовщики. Для тех, кто помоложе, можно пояснить: сильно «пиленные» джинсы, скажем, Super Rifle, можно было укупить за 10 рублей. Но очень сильно пиленные. То есть с натуральными дырками.

ЖЕРТВА ТРАМБАЕВ

Станция метро «Маяковская» выплевывает пассажиров прямо к ногам самого Маяковского, застывшего на Триумфальной площади в камне. Здесь не бывает тихо. Здесь – Садовое кольцо. Девяносто лет назад, когда в доме 10 по Большой Садовой жил Михаил Булгаков, тихо тоже не было. Сейчас ровный гул машин, рвущихся в горло подземного тоннеля, тогда скрежет и вой трамваев, травмиру-

Тот самый
черный кот
с Палашевки

Карловцев,
застывший
во дворе
«нехорошего»
дома
на Садовом

ВОКРУГ ПРУДА

Булгаков любил это место. До сих пор с западной стороны Патриарших стоит внушительное здание, некогда доходный дом Вешнякова, где жили супруги Крешковы. Чета Булгаковых посещала их довольно часто. Фельетон Михаила Афанасьевича «Спиритический сеанс» написан как раз в результате одного из визитов.

...Такое впечатление, что множество людей приходят сегодня на Патриаршие исключительно по одному поводу: вдруг снова на одной из лавочек удастся увидеть Того самого? Разумеется, в компании с Берлиозом и Бездомным. А если еще и силуэт Бегемота мелькнет неподалеку – абсолютная удача. Это ведь азы психологии: когда человек демонстративно равнодушен к окружающему – значит, он от этого окружающего ждет чего-то особенного. Что уж говорить о туристах с фотокамерами, вертящих головами на 360 градусов. Не дай... Кто-нибудь пропустить момент! Поэтому большинство, за исключением привычных к мистическому месту мамочек с колясками и самостоятельно передвигающимися детишками, липнет к той аллее, что тянется вдоль Малой Бронной. Между тем входом в сквер, через который сюда и попали герои Булгакова, и тем местом, где был некогда проход в металлическом ограждении и где находился тот самый печально известный турникет имени Аннушки, про-

Лавочка Берлиоза находилась напротив этого подъезда в доме, что на Малой Бронной

лившей масло. Вторая и третья лавки от входа – мест нет, не присесть даже на краешек. Даже Воланду.

На все это мрачно взирает монументальный памятник баснописцу Ивану Крылову, человеку глубоко практическому и с юмором. Доведись спросить самого Ивана Андреевича, что тут делает его изваяние, он бы уж нашелся что ответить. А мы – никак. Официально Крылов родился

в Москве в 1769 году. Но есть и вполне убедительная версия, что не в Москве и не в 1769-м. Полвека назад на этом самом месте сидел другой классик в камне – Алексей Николаевич Толстой. Его пересадили к храму Большого Вознесения у Никитских Ворот.

Короче говоря, сейчас – Крылов. Рядом с детской площадкой, на которую водили гулять маленькую Марину Цветаеву. Площадка, понятное дело, выглядит иначе: во времена детства Марины Ивановны обходились как-то без пластмассы. Но место – то самое...

Кому как, а мне досадно, что Патриаршие сегодня – это булгаковские места. Не в том смысле, что булгаковские. А в том смысле – что только булгаковские. А ведь здесь каталась на коньках Кити Щербацкая. И как раз тут не умевший владеть этим спортивным инвентарем Левин сделал ей предложение. А Лев Николаевич не слишком любил описывать места, в которых не бывал. Где Кити с Левиным, там, пожалуй, и Стива Облонский...

Памятник Ивану Крылову на детской площадке Патриарших

Павильон на пруду, некогда – раздевалка и чайная

Про детство Марины Цветаевой обмолвились. В «Доме со львами», что со стороны Ермолаевского переулка, построенном в самом конце Великой Отечественной по указке Сталина, жили не только выдающиеся военачальники, но и их дети с внуками. А стало быть, на пруд бегали. Что до львов, то сегодня они – так себе, поистрепались на службе. Но – смотря куда положено: на белых лебе-

дей на пруду, а главное – в сторону элитного ресторана на противоположном берегу, расположившегося в павильоне псевдоклассического типа. Павильон построили в 1930-е. Был он деревянным, но с громадными красивыми окнами и с белыми колоннами. Почти Растрелли. Там была раздевалка и чайная для любителей покататься на коньках. Ныне – все такой же, правда, уже из камня. Или – бетона?

«Дом со львами» в Ермолаевском

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПАТРИАРХУ

Само название – Патриаршие пруды – уже загадка. Во-первых, почему Патриаршие? Во-вторых, почему пруды? Ведь пруд-то один. Ответ довольно прост. Когда-то Москва была маленьким городом. Даром что столица. И вот в начале XVII века места на ее северо-западной обочине отошли к церкви. Патриарх Гермоген, тот самый, что так героически вел себя во время Смуты и погиб в польском плену в Чудовом монастыре Кремля от голода, устроил тут резиденцию. Прудов еще не было, а были испокон известные московскому люду болота, прозванные Козьими. По преданию, тут селилась всякая нечисть, чинившая козни москвичам. Кто знает, может быть, выбор патриарха был продиктован соображениями высшего порядка. Присутствие местоблюстителя должно было повлиять на местных обитателей не от мира сего.

Как оно там случилось, один Бог ведает, но только в конце XVII века другой патриарх, Иоаким,

повелел болота осушить, а на их месте устроить три пруда и разводить в них рыбу к собственному столу. Интересно, что самые дорогие виды рыбы стали разводиться в Пресненском пруду, том самом, что сегодня украшает столичный зоопарк. И который к системе Патриарших водоемов не относился. Петр I патриаршество, как известно, ликвидировал. Высшая церковная власть переместилась в Сенат свежепостроенного Петербурга, московские церковные хозяйства начали хиреть. К XIX веку пруды рядом с Бронными слободами вновь превратились в болота. Городские власти решили вопрос радикально: два пруда помельче засыпали, а один, главный, оставили. И земля, пребывавшая в запустении, вскоре стала обрастать всяческими строениями. Поначалу тут селился разный народ: наряду с бедными студентами то там, то тут – Потемкины, Суворовы, Гагарины, Орловы, Нарышкины... Но к концу XIX века места севернее Тверского бульвара окончательно набрали цену, и появились тут жильцы из богатого купечества и буржуа: Морозовы, Рябушинские, Беляевы, Тарасовы...

О трех прудах, существовавших когда-то, напоминает сегодня название переулка – Трехпрудный.

На этом месте стоял дом, в котором Марина Цветаева жила первые двадцать лет жизни

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ МАРИНЫ

Что греха таить, гулять по переулкам Бронной слободы – дело хлопотное. Народ здесь нынче живет состоятельный, если не сказать больше. Живет так, как ему и положено: беззаботно. Все время отсутствует. А ежели присутствует, то перемещается между фитнес-центрами, ресторанами, бутиками и элитными медклиниками по большей части пешком. Как говорят современные риелторы – все в шаговой доступности. Посему все обочины забиты запаркованными машинами. Изредка спускается к пропылесосенному до вакуумного состояния авто некая дама с собачкой, перекроет открытой дверью узкий тротуар – вот тебе и пробка. Едва ми-

нуешь – новый затор: выставленные у очередного пункта общественного питания кресла, на которых разлеглись мажоры от 20 до 60, не признающие носков даже в зимнее время. Но все это мелочи. Так как некоторые места на территории здешней управы стоят того, чтобы их посетить. И постоять немного в молчании.

Есть на Трехпрудном дом – номер 8. Любопытный, красного кирпича. С балкончиком на высоте. Таких балкончиков в Москве – раз-два и обчелся. В отличие от Питера. Но нас с моим бессменным товарищем по путешествиям фотографом Александром Бурым не балкончик интересует. И даже не сам дом. Хотя он достоин внимания. Это – жилой дом кооператива «Творчество», строительство которого началось в 1926 году. Строили-строили и наконец достроили – в 1948-м. Нас интересует место, на котором воздвигли это «творчество». Тут стоял деревянный дом, в котором родилась и двадцать лет прожила – вплоть до замужества – великая Марина Цветаева. Многие исследователи ее жизни, описывая этот дом, принадлежавший в качестве приданого отцу Марины Ивановны профессору Цветаеву, говорят о скромном сооружении, столь характерном для старой донатолеоновской Москвы. Если смотреть на старые фото, то домик действительно не впечатляет: одноэтажный, компактный... На самом деле он насчитывал 11 комнат,

Скоропечатня Левенсона

четыре из которых были в мезонине, выходившем во двор. Имелся семикомнатный флигель, каретная, погреб, собственный колодец с насосом, отдельная кухня с прачечной и... двор, заросший серебристыми тополями. Усадьба в центре Москвы, рядом с Тверской. Микрoмир, в котором родился и вырос талант. Зная это, легко понять, почему сама Марина Ивановна писала об этом времени так:

*Высыхали в небе изумрудном
Капли звезд и пели петухи.
Это было в доме старом,
доме чудном...
Чудный дом, наш дивный дом
в Трехпрудном,
Превратившийся теперь в стихи.
И – еще:*

*Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды
Грузные, в шесть этажей...
После сноса родного дома Цветаева в Трехпрудном больше не появлялась. А мы вот с Сашей Бурым – тут. Потому что – было, было... И Саша жмет на кнопку фотоаппарата, веруя, что раз было, значит, и будет.*

Храм Большого Вознесения у Никитских Ворот, в котором венчался Александр Пушкин

Памятник Александру Блоку

МОДЕРН И ЛИТЕРАТУРА

Почти напротив цветаевского места стоит здание – эталон столичного модерна. Глядя на него, трудно догадаться, что строилось оно по заказу некоего господина Левенсона под производственные нужды. А именно: под типографию. Или, как тогда говорили, под скоропечатню. В этой самой скоропечатне Марина Цветаева в 1910 году заказала первые сборники своих стихов: «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь». Ну, хорошо, Цветаева – особый случай. Бог сподобил ее тут родиться. Но места эти манили и других творческих людей, независимо от места рождения. Уже отмеченный Булгаков – в Киеве, но еще и коренной петербуржец Александр Блок, нижегородец Максим Горький, «красный граф» Алексей Толстой – из-под Самары, поэт Иван Дмитриев – из-под Симбирска. А еще – архитекторы: петербуржец Шехтель и уроженец Пинска Жолтовский, художник из Вятки Аполлинарий Васнецов... Что уж о коренном москвиче Пушкине говорить! Он венчал-

ся с Натальей Николаевной в храме Большого Вознесения, в который упирается одна из главных улиц Бронной слободы – Спиридоновка. Чуть наискосок – небольшой храм Феодора Студита, где в детстве пел на клиросе маленький москвич Александр Суворов. Кто скажет, что не творческий человек?

Жарко. Перед Большим Вознесением не так давно разбит уютный сквер. Тут же – ротонда, под которой скрылись от солнца и людской зависти бронзовые Пушкин с женой. Бьют по окружности тонкие струи фонтана. На лавочке неподалеку отдыхают смуглые ребята в дворницкой спецодежде. Отдыхают, надо признать, вполне культурно. В который раз убеждаешься, что Александр Сергеевич – это наше все. Даже когда рука в руку с Натальей Николаевной – все равно наше! И вспоминается школьно-обязательное: «...и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык...» Памятник Александру Блоку. Там, где сливаются в одно русло

Дом, в котором Александр Блок прожил две недели в 1904 году

Памятная доска в честь Алексея Толстого, жившего в этом флигеле усадьбы Рябушинского

Спиридоновка и Гранатный переулок. С цветами не густо. На родине поэта, кстати, полноценного памятника ему нет. Кто знает, может быть, потому, что Блок и Петербург – суть одно? И весь город на Неве ему памятник? А в Первопрестольной далеко не каждый знает, что стоит скромный монумент под сенью привычных столице лип и тополей рядом с домом, в котором Александр Александрович провел две счастливые недели после женитьбы на Любове Менделеевой. В 1904 году они останавливались в Москве у родственников – братьев Марконет. Сюда в гости к Блоку приходили Бальмонт, Брюсов, Белый.

В соседнем доме жил в годы Великой Отечественной войны Алексей Толстой. Здесь сейчас его музей-квартира. Скромный флигель, относившийся когда-то к усадьбе Рябушинского, занятой после возвращения в Советскую Россию пролетарским писателем Максимом Горьким. Смешно, но граф Толстой особыми притязаниями

на роскошь не отметился. Просил об одном: дайте квартиру, в которой были бы две большие комнаты. Одна – кабинет, в котором поместится четыре письменных стола. Так уж он привык работать: блуждая от одной плоскости к другой. Горький же подарком власти – шикарным двухэтажным особняком знаменитого магната – был не слишком доволен. Комплексовал от навязанного ему богатства. Первое время называл воплощенные в камне амбиции Степана Рябушинского «нелепым домом». Однако ж жил. Страдая от избытка архитектурного модерна, а также всяческих изысков вроде огромного камина. И тяжкого свежееисторического наследия: после революции и до передачи дома Алексею Максимовичу тут помимо прочего располагался специальный психоаналитический центр. Будучи старшеклассниками, мы частенько шастали мимо Дома-музея Горького и всякий раз, не обращая внимания на оскоми-ну от надоевшей темы, спраши-

Некогда –
главный вход
в дом-усадьбу
Рябушинского,
в котором теперь
находится
Музей-квартира
Максима
Горького

вали друг друга: а как же сердце Данко, не болит, а как же Буревестник – не превратился ли в глупого пингвина?

Напротив – одно из старейших светских зданий Москвы – палаты Гранатного двора, построенные еще в XVII веке. Здесь занимались русские оружейники производством тех самых гранат, которые дали имя знаменитым русским гренадерам. Выбор места для палат не удивляет. Ведь рядом – Бронная слобода, где мастера издавна работали кольчуги и панцири. От оригинала осталось немного: своды первого этажа, межэтажные карнизы, окна. Здание взорвалось в далеком 1712 году, спалив заодно еще 200 дворов в округе. Но представление о допетровской московской архитектуре – полное. Думается, глядя из окон скромного флигеля на белокаменные стены палат, автор «Петра I» получал дополнительные импульсы. Известно ведь, что, работая над романом, Алексей Толстой, скажем так, утопал в галлюцинациях.

Были у Толстого и другие основания относиться к выделенному для жилья месту с особым трепетом. Один из предков, сподвижник Петра I, руководитель Тайной канцелярии и Преображенского приказа, искусный дипломат Петр Толстой стал первым послом России в Турции в 1710 году. И почти сразу угодил в тамошнюю тюрьму в Семибашенном замке Константинополя. В ожидании казни Толстой молился почему-то именно святому Спиридону Тримифунтскому. От казни Петра Андреевича Господь со святыми уберегли. И с тех пор святой Спиридон в роду был особо почитаем. А тут улица получила название Спиридоновки по имени храма, первое здание которого было построено еще в XVII веке. Церковь разобрали в 1930 году, за десяток лет до того, как Толстой тут поселился. Но родовая память крепче любых стен, даже храмовых. К слову, на месте храма возведено уродливое здание с не менее

уродливым названием – дом треста «Теплобетон». Умели в советское время радовать креативом. На фасаде – барельеф, изображающий технику, искусство и науку. «Техника» – еще туда-сюда, «Искусство» по обыкновению нагое, а вот с «Наукой» совсем беда: склонила усталую голову к столу, на котором замер сосуд. Подозрительно напоминающий рюмку или бокал. Если возвращаться по Спиридоновке назад к Патрикам, то модерн будет преследовать почти на каждом шагу. Особый случай – грандиозный дворец Саввы Морозова, который вечно недовольный жизнью Горький, приглашенный на новоселье, обозвал «мавзолеем». Шаляпин, также находившийся среди вип-гостей, говорил мало. Все больше пел. После самоубийства Саввы этот дворец приобрел другой Рябушинский – Михаил. Уже давненько и по сей день тут находится Дом приемов МИДа. Честное слово,

очень хочется хоть одним глазком заглянуть в закрытые бюджетные статьи нашего славного Министерства иностранных дел. Хотя и не принято считать чужие деньги, но эти деньги, выделяемые на содержание дворца, не такие уж и чужие. Из налогов, однако.

И Спиридоновка, и Гранатный, и Малая Никитская под прямым углом втекают во Вспольный переулок, который идет параллельно Садовому кольцу и, в свою очередь, впадает в площадь, на которой разлился тот самый Патриарший пруд.

Как там говаривал Воланд: причудливо тасуется колода? По другому поводу, правда, но формулировка-то универсальная. В 1920 году из Севастополя вышла в последний поход Черноморская эскадра русской армии барона Врангеля. Корабли бросили якоря в далекой гавани тунисского порта Бизерта. Как выяснилось спустя несколько лет – навсегда. Там же, в Тунисе,

Палаты
Гранатного
двора

окончили жизнь и многие моряки Русской эскадры. Довелось видеть их могилы на кладбище в Бизерте. Тунисская земля оказалась одной из немногих, что худо-бедно приютила русских людей.

Посольство Тунисской Республики находится во Вспольном

переулке, на углу с Малой Никитской. В доме, построенном в конце XIX века по заказу городского головы Тарасова. С конца 30-х годов XX века и вплоть до ареста в 1953-м в этом особняке жил не тужил большой друг русской эмиграции и всего русского народа товарищ Берия. Да-с...

Дворец Саввы Морозова на Спиридоновке

Угол Малой Никитской и Вспольного. Дом Берии

По-прежнему парит. Как в тот самый «час небывало жаркого заката в Москве, на Патриарших прудах...». Можно бы ходить и дальше, но репортаж не резиновый. И опять-таки, как тогда на Патриарших, очень хочется броситься «к пестро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и Воды». Но будочки на углу пруда давно нет. Да и пиво в нынешней Москве пить на улице в открытую не рекомендуется. Полиция не дремлет, знаете ли. Потому минуем Малую Бронную, углубляемся в переулки и проникаем в искусственную прохладу первого приглянувшегося кафе. Квас оказывается домашним и вкусным. И – без всякой обильной пены. За спиной Александра Бурого на мягком кресле растянулся громадный кот. Даром что не черный. – Как зовут? – в один голос вопрошаем официантку. – На «б»? – Ну, – соглашается официантка. И снисходительно поясняет: – Бонифаций... ☞

МОСКВА – ВОЛГА: ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ КАНАЛ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПРЕКРАСНО ПОМНЮ СВОЕ ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ КАНАЛА: ВСЕЙ СЕМЬЕЙ МЫ ИДЕМ СКВОЗЬ ЗАПУШИВШИЙСЯ МОЛОДОЙ ЗЕЛЕНЬЮ ПАРК К ЗДАНИЮ РЕЧНОГО ВОКЗАЛА, УВЕНЧАННОМУ ОСТРЫМ ШПИЛЕМ. НАСТРОЕНИЕ ПРАЗДНИЧНОЕ, ДА, НАВЕРНОЕ, И В САМОМ ДЕЛЕ ПРАЗДНИК: ИЗ РЕПРОДУКТОРОВ ЛЬЕТСЯ МУЗЫКА, ВДОЛЬ ПАРКОВЫХ АЛЛЕЙ ПРОДАЮТ ГАЗИРОВКУ С СИРОПОМ, ПОЛОЩУТСЯ ФЛАГИ, ТРЕПЕШУТ ФЛАЖКИ, А ВПЕРЕДИ УЖЕ РАЗЛИЧИМЫ СТАЛЬНАЯ ГЛАДЬ БОЛЬШОЙ ВОДЫ И БЕЛЫЕ КОРПУСА ОГРОМНЫХ ВОЛЖСКИХ ТЕПЛОХОДОВ «БАГРАТИОН», «МИХАИЛ ЛОМОНОСОВ».

ОБЫЧНАЯ ДЛЯ МОСКОВСКОЙ СЕМЬИ программа выходного дня заключалась в прогулке на «ракете», которая делала остановку в «Бухте Радости» и возвращалась назад. Но разве этого мало для мальчишки? Я смотрю, как приподнятый подводными крыльями нос «ракеты» отваливает вбок шлейф

серебристых брызг, смотрю на налетающий бор, на железнодорожный мост над головою и на внезапно распахнувшийся простор большой воды – Химкинское водохранилище, по которому рассыпаны белые паруса яхт. Позднее я даже записался в школу юного яхтсмена, но недолго там прозанимался – очень далеко было ездить. Но вот ощущение радости и существующего где-то совсем рядом с городом чуда Большой Воды – оно долго осталось.

ПАРАДОКСЫ КАНАЛСТРОЯ

Все писавшие о канале Москва – Волга признавали, что это – уникальное сооружение. Несмотря на то, что после «Беломора» Волгоканал стал второй чисто лагерной стройкой, на конечном этапе (когда изготовлялось и монтировалось оборудование шлюзов и электростанций) в его создании принимала участие вся страна. До сих пор все оборудование на канале – отечественное, и, как это ни странно звучит, со-

Шлюз и Угличская
ГЭС. Панорама
Угличского
гидроузла

Отработавшая свой срок гидротурбина. Музей при Угличской ГЭС

Колонка управления турбиной. Музей при Угличской ГЭС

свершении, мы не можем, как в День Победы, не чтить память тех, чьи жизни легли в фундамент нашего «светлого будущего». Наших восторженных пролетов по глади водохранилищ. В начале 30-х годов, когда началось строительство канала, как раз закончилась коллективизация, которая дала лагерям массу крестьян, привыкших к тяжелому труду. «Борясь за максимальную пайку хлеба в 1300 граммов, они выдерживали

временные предприятия не могут произвести ничего подобного. Решение комплекса задач в результате строительства канала (обеспечение столицы водой, электроэнергией, превращение Москвы в «порт пяти морей», создание по мере строительства канала целых отраслей промышленности и т.д.) стало такой победой, что к его открытию были призваны лучшие архитекторы и художники-декораторы, чтобы эту победу увековечить.

В каком-то смысле канал стал триумфом сталинской «лагерной экономики», и, вероятно, методы, отработанные на его строительстве, и впредь «с успехом» применялись бы при решении глобальных задач «социалистического строительства», если бы новые потрясения – а именно война – не сделали в конце концов невозможным массовое использование ээков: человеческий ресурс был исчерпан. Поэтому-то, говоря о канале Москва – Волга как о великом

огромную норму лишь две, максимум три недели работы, после чего из-за истощения шло невыполнение нормы, и их сажали в наказание на 300 граммов хлеба», и человек был уже не жилец. Невиданная производительность труда «за счет смертного исхода для большинства загнанных на эту работу» позволила СССР вырваться в разряд индустриально развитых стран. Таковы противоречия нашей истории: и ничего ни исправить, ни изменить тут невозможно. Мы можем только помнить. Но чтобы помнить, необходимо знать.

ХРОНИКА КАНАЛСТРОЯ

В начале 30-х годов на одного жителя Нью-Йорка приходилось 484 литра воды в сутки, Парижа – 460, Лондона – 200, Вены – 148, Москвы – 128, Берлина – 126 литров. Фактически Москва не могла более развиваться ни как город, ни как промышленный центр, ни как новый и амбициозный политический проект – а именно как Красная Столица Мира, что, в общем, предполагалось товарищами из Политбюро. Москве было не выжить без доброго глотка свежей воды. Вот, собственно, причины, которые в 1931 году привели к инженерной проработке трех вариантов канала Москва – Волга, а уже в 1932-м – к созданию Управления строительства канала. Само строительство должно было быть выполнено силами «каналоармейцев», а попросту говоря, заключенных самого большого лагеря сталинской поры: Дмитлага.

Как уже было рассказано в главке про Дмитров, вариант канала, предложенный молодым инженером И.С. Семеновым, предусматривал строительство 11 шлюзов, трех железобетонных плотин, семи регулирующих водосбросов, шести земляных дамб, восьми гидроэлектростанций. Вся трасса канала первоначально была разделена на 13 строительных участков, на которых немедленно начались работы: исходное

Л.И. Коган, Кузнецов, Г.Г. Ягода, С.Г. Фирин после осмотра плотины. Истринский район. 1935 год

задание предусматривало сдачу канала за два года, уже в 1934-м. И начальник Дмитлага С.Г. Фирин, и начальник Москва-Волгостроя Л.И. Коган, и главный инженер стройки С.Я. Жук – все прошли через школу Беломорканала и, следовательно, знали, как можно в два года построить канал при помощи тачек, пилы, «журавля» и деревянных кранов, которые применялись на «Беломоре». Но на новом канале все было далеко не так просто: само наличие в проекте сложных и колоссальных гидротехнических сооружений делало невозможным ре-

шение такой задачи «вручную». Отставание по срокам началось с первых дней стройки. Сложным оказался самый первый участок строительства на большой Волге, близ деревни Иваньково. Теперь здесь располагается наукоград Дубна, а тогда ни железных дорог, ни подъездных путей не было. Это была настоящая глушь, в которой предстояло возвести стратегически первостепенный объект: запорную плотину на Волге, известную теперь как Иваньковская ГЭС. В конце концов инженеры предложили оригинальное решение: строить железобетонную плотину на сухом месте, после чего при помощи насыпных дамб повернуть Волгу в новое русло. От того, удастся ли этот план, зависело все будущее канала: Волга могла смести на своем пути и строящиеся сооружения, и людей, и поселения по берегам. Однако от проекта до его реализации прошли годы: пока на строительстве ГЭС не были применены водометные машины для намыва дамб, пока в «иваньковскую глушь» не была протянута железнодорожная ветка и в конце ее, уже в 1935 году, не был выстроен цементный завод, который стал самым большим в СССР, строительство плотины оставалось на бумаге. Так же было и с дру-

Макет канала Москва – Волга. Краеведческий музей г. Дмитрова

гим сложным участком канала, так называемой Глубокой выемкой – 6-километровым участком Московско-Дмитровской холмистой гряды, где нужно было не просто выбрать объем грунта под ложе канала, но перед этим сделать в земле разрез глубиной в 23 метра и переместить 10 миллионов кубометров грунта. Пока (опять-таки только к 1935 году) не был построен Ковровский экскаваторный завод, изготовивший для канала 171 экскаватор, эта задача была бы навряд ли осуществима. На Глубокой выемке одновременно работало 30 экскаваторов, поезда, груженные землей, поднимались из разреза день и ночь. Но до поры до времени все задачи на трассе канала решались стереотипно – привлечением все нового и нового количества свежей рабсилы. В октябре 1934 года в Дмитлаг стали прибывать первые эшелоны заключенных из других лагерей ГУЛАГа

и новые осужденные. Однако в ближайшие год-два предстояло построить лесоперерабатывающие, кирпичные, бетонные заводы и растворные узлы, преодолеть сложные участки на глубоких выемках и плывунах в низинах рек. Требовалось привлечь не только опытных специалистов, но и увеличить число эков как минимум в десять раз. С 1934 по 1936 год численность заключенных Дмитлага возросла, по официальным данным, с 88 500 человек до 192 тысяч. Чтобы эффективно управлять такой массой людей, нужно было нечто большее, чем грубое принуждение и страх умереть от истощения. Топонимика сохранила на географических картах названия населенных пунктов – Темпы, Соревнование, – которые являются ключиками к важнейшему механизму, а именно психологическому, при помощи которого был построен канал.

Строительство канала
Москва – Волга.
На картине
изображено
строительство
шлюза. Музей
г. Дмитрова

ПЕРЕКОВКА

Слово «перековка», как и гордое «каналоармеец», заменившее позорное з/к, было изобретено еще на Беломорканале. Перековка могла осуществляться только в коллективе. Причем в коллективе передовом: только выполняя норму на 120 и более процентов, можно было «утопить свое прошлое на дне канала», а заодно заработать более или менее сносное питание и досрочное освобождение. 25 августа 1933 года в специально перевезенном в Дмитров двухэтажном клубе Беломорканала состоялся знаменитый «слет ударников», где присутствовали чекисты, представители прославленных в лагерной прессе трудовых коллективов Беломорстроя и советские писатели, неустанно следившие за превращением «самого бросового человеческого материала» в окрыленных трудом стахановцев. Слово взял начальник лагеря С.Г. Фирин: «Что произо-

шло на Беломорстрое? Десятки тысяч заключенных были переданы горсточке чекистов. Нас было 37 человек. И этих заключенных мы должны были перевоспитать...» Присутствовавший в зале А.М. Горький не смог удержаться слезу: «Да вы сами не понимаете еще, что сделали, черти драповые...» Чекисты заулыбались. Зал ответил овацией...

Жизнь Дмитлага – при том общерасплывчатом представлении о сталинских лагерях как о своеобразной фабрике смерти – при ближайшем рассмотрении кажется странной. И не такой уж страшной. Был в управлении Дмитлага и свой оркестр, и своя (взявшая где-то первенство) спортивная команда, и агиттеатр, и художественные мастерские, своя пресса и образцовые бараки на зоне на северной окраине Дмитрова. В лагере работали художники, лагерные композиторы писали музыку, специалисты из КВЧ (культурно-воспитательной части) регулярно проводили смотри лагерной самодеятельности. Даже зарплату передовики получали бонами – специальными, почти настоящими деньгами с водяными знаками, которые можно было отоварить в лагерьном ларьке.

Начальник Дмитлага Семен Григорьевич Фирин не был обычным чекистом. У него не было той тупости и затаенной злобы, которая обыкновенно характеризовала рядовых энкаведэшников. Ему довелось работать за границей. Он видел Польшу, Болгарию, Германию, Францию, знал несколько европейских языков. Был начитанным человеком. Он был главным покровителем искусств в Дмитлаге. «Вероятно, его натура не выдерживала многолетнего ежедневного зрелища человеческих страданий, поэтому общение с лагерными художниками, поэтами и музыкантами стало для него потребностью. Он и для обычных эков стремился все же создать условия поприличнее. Часто говорил: «Здесь надо создавать такие условия, чтоб эки

Оркестр на канале
состоял из эков

понимали, что на воле хуже, чем в лагере». Сам Фирин «безошибочно выделял из массы эков наиболее талантливых, давая им возможность реализовать свои творческие порывы». Во всех печатных изданиях Дмитлага Фирин был ответственным редактором. Лагерная газета «Перековка» имела 6 тысяч корреспондентов по всей трассе канала. Постоянно издавалась газета «Канал Зарбдары» для не владеющих русским языком, газета для неграмотных «Долой неграмотность» и женская газета «Каналоармейка». На канале

два года выходили ежемесячный лагерный литературно-художественный журнал «На штурм трассы» (вышло 28 номеров) и серийная «Библиотека Перековки». Издания печатались в лагерной типографии Дмитлага. Позднее, когда канал был достроен, а «окаменевшей» системе ГУЛАГа романтики стали не нужны, С.Г. Фирин был расстрелян. На канале – повсюду «двойной счет». Пожалуй, только А.И. Солженицын смог верно оценить само явление «перековки» и массового «ударничества».

Сотрудники
Дмитлага ОГПУ-
НКВД. 1937 год

«Соревнование за переходящее красное знамя центрального штаба! Районного штаба! Отделенческого штаба! Соревнование между лагпунктами, сооружениями, бригадами! «Вместе с переходящим красным знаменем присуждается и духовой оркестр! – он целыми днями играет победителям во время работы и во время вкусной еды!» (Вкусной еды на снимке не видно, но вы видите также и прожектор. Это – для ночных работ, Волгоканал строится круглосуточно.) В каждой бригаде заключенных – тройка по соревнованию. Учет – и резолюции! Резолюции – и учет! Итоги штурма перемишки за первую пятидневку! за вторую пятидневку! Общелагерная газета «Перековка». Ее призыв: «Работать без выходных!» Общий восторг, общее согласие! <...> «Не болеть – и не брать освобождений!» Красные доски. Черные доски. <...> Книжки почета. В каждом бараке – почетные грамоты, «окна перековки», графики, диаграммы <...> Каждый заключенный должен быть в курсе производственных планов! И каждый заключенный должен быть в курсе всей политической жизни страны!»

Работа непрерывная, непрерывное нагнетание истерии, ни одной свободной минуты, ни одной жалобы, плакаты: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Значки ударника *расцениваются выше, чем пайка*. Целые бригады на два часа раньше выходят на работу... «О, чудо! О, преображение!» Главным изобретением Москва-Волгостроя стал бригадный подряд, круговая порука, когда из-за одного человека бригада могла лишиться премиального котла, потерять пшеничную кашу и 100 граммов хлеба. В таких условиях Коллектив значил все. Даже помереть по собственной воле человек не мог! На Волгострое рядовая бригада была на задворках, только трудовой кол-

Узбеки-каналоармейцы на отдыхе. Пирогово

Рабочие за дроблением камней для откоса фильтра. 1935 год

лектив понимался как высшая честь и поощрение. Половина эков Дмитлага была неорганизованная – их не принимали в трудколлективы! И уж заведомо не брали в трудколлективы священников, сектантов, вообще верующих, осужденных по пригнопамятной 58-й – «политических». Лучшим коллективам отдавали огороды внутри зоны; коллективы могли исключать из своих рядов работников, лишать их зачетов, выявлять лжеударников, проводить чистки, проводить самоотчеты членов коллектива.

Главными героями перековки становились обычно социально близкие блатные. О некоторых, благодаря газетам, знала вся страна: одним из них стал Анушеван Лазарев, сумевший возглавить бригаду в 450 человек. В своей исповеди он писал о себе: «Я не знаю, сколько мне лет, не знаю даже своей настоящей фамилии. Из всего, что осталось мне с детства, – это мое имя – Анушеван, или Ануш. У меня тридцать две судимости и все заработал за дело. Мне самому хочется забыть старое. Зачем ворошить со дна прошлого грязь и мерзость, сквозь все это я прошел»...

Отчеты об ударниках каналостроя порой умиляют своей откровенной неправдоподобностью: «Каналоармеец Серых в Карамышеве, переоборудовав тачку (видать, борта надставил), поднял выработку на 400–500 процентов. Стахановец Южного района Тарасов переходит на работу одновременно на трех электросварочных станках (это не юмор?!). В районе «Темпы» стахановцы-шоферы Григорьянц и Аршанян, переоборудовав места разгрузки, делают 70–80 рейсов в смену, при норме 25»...

«Приписки – туфта» – являлись неотъемлемой частью при подсчете объемов любых работ, иначе эки не могли бы выжить, – писал свидетель строительства Н. Федоров. – Такая система доходила и до искажения государственной отчетности, но в печати раздувались толь-

ко «ура-победы». На самом деле сроки строительства постоянно срывались, а авралы и штурмовщина усиливались и ожесточались. Одновременно увеличивалось число травмированных и погибших эков под оползнями земли с крутых и высоких откосов, при обрушении опалубок и бетонировании...».

Дмитлаг стал самым большим «лагерным предприятием» в истории СССР, через которое, по оценкам различных экспертов, прошло от 800 тысяч до 1,5 миллиона человек. Сколько из них погибло – мы не знаем. В основном это крестьянские ребята из раскулаченных, первосортный народ, который, как выяснилось уже во время войны (а чем дальше, тем эта потеря горше становится), нечем оказалось заменить. Условная, принятая сейчас статистика говорит о 22 885 погибших. По-видимому, выдуманная она была еще в 30-е годы. На Панамском канале сколько погибло? 25 тысяч? Ну, и у нас будет столько же. Архив Дмитлага в 1941 году был вывезен двумя сопровождающими в Ульяновск и там сожжен прямо на пристани встретившими груз работниками НКВД. Главные документы были уничтожены. В 1970-е годы в архиве технической части канала неожиданно стали попадаться расстрельные списки (очень большие, как правило, целый лист формата А4). Но их тоже увезли куда надо... А оставшиеся документы по лагерю до сих пор не рассекречены.

СТОЛЕТИЕ А.С. ПУШКИНА

На самое окончание строительства, февраль 1937 года, пришлось Столетие со дня гибели Пушкина. Был дан приказ по лагерям о проведении пушкинианы, чтобы представить поэта как активного борца с самодержавием. Каждая культурно-воспитательная часть должна была предъявить список мероприятий. Художники писали портреты Пушкина, агитаторы читали экам биографию Пушкина, Пушкин даже переведен был на татарский язык:

*Изге Курбан сураб шангыл
Эндашканга кадар Аполлон
(Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон)...*
Были «читки» стихов, спектакли... Однако общение с поэзией Пушкина дало не совсем тот результат, на который рассчитывало руководство ГУЛАГа: пушкинские дни закончились, когда канал уже готов был принять в себя воду, и стихи пришли в жизнь лагеря как ветер из иной, вольной жизни. Они породили в эках надежду...

Экспозиция
Музея
строительства
канала
в Деденево.
Кульман
и теодолит –
инструменты
проектировщиков
и инженеров

ВЕЛИКАЯ СТРОЙКА

С весны 1937-го канал готовился к открытию. На Сормовском заводе готовилась флотилия теплоходов, которые должны были открыть канал. 23 марта 1937 года С.Я. Жук в присутствии всего руководства Главного управления Москва–Волгостроя отдал приказ опустить щиты Иваньковской плотины.

С этого момента началось наложение Иваньковского водохранилища. Именно тогда помимо сел и деревень, лесов и пойменных лугов ушел под

воду древний город Корчева. Часть проживавших в городе старообрядцев, не желая покидать могилы своих предков, оставались в своих домах до смертного часа — либо сжигали себя вместе с домом, либо привязывали двери веревками и цепями и так уходили из жизни с молитвами.

17 апреля канал был заполнен водой.

22 апреля И. Сталин, В. Молотов, К. Ворошилов и новый нарком НКВД, Н. Ежов, посетили Икшинский узел. Они ознакомились с насосной станцией и работой шлюзов.

28 апреля были арестованы начальник Дмитлага С.Г. Фирин и начальник 3-го отдела С.В. Пу-

зицкий. Вскоре было арестовано еще 219 человек, многие из которых были расстреляны до конца 1937 года.

20 мая 1937 года вышел приказ НКВД СССР №00266, предписывающий к 20 июня закончить все работы по каналу и свернуть максимально Дмитровский лагерь. Великая стройка закончилась. Остался канал. Подлинный памятник безымянному подвигу народа. Государству обошелся он очень дешево — всего в 1,5 миллиарда рублей — это не цена за 128 километров трассы и несколько десятков уникальных гидротехнических сооружений. Значит, цена насчитывалась не деньгами — жизнями. Но канал стал подвигом не толь-

Посещение И. Сталиным, К. Ворошиловым и В. Молотовым стройки. Фото в газете «Ударник», выпускаемой на канале

С.Я. Жук (справа), главный инженер канала

ко для сотен тысяч эков-каналоармейцев, над ним работала вся страна.

Страна, которая в начале строительства канала в промышленном отношении была еще очень отсталой и по логике вещей просто не могла создать такой сложный комплекс гидротехнических сооружений. Но создала.

«Канал Москва — Волга, — писал журнал «Техника — молодежи», — это семь Беломорстроев по земле, три Днепростроя — по бетону. Это, по своей технической оснащенности, — крупнейшее строительство в мире».

Но ведь одно дело — вырыть канал, а другое — оснастить его. Тем более что на него нужно было оборудование исполинское, небывалое, которое не во всех промышленно развитых странах можно было бы произвести. Ну, скажем, турбины для Ивановской ГЭС. Опытные работы в области гидротурбиностроения начались еще в 1923 году, после принятия плана электрификации России. Но ведь реальная турбина — не чертеж. Это целый электрический завод. Это размеры и тоннаж. Это адское по мощности устройство. На Ивановской ГЭС с первой турбиной промучились несколько месяцев. Зато потом, на других объектах, монтировали их за несколько недель.

Или вот насос для перекачки воды: велика ли штука? И традиционно была невелика: ибо применялась в основном для орошения. Советская промышленность в ту пору не производила насосы мощностью более 500 лошадиных сил. А нужно было 4–5 тысяч! Это — 24 тонны воды в секунду. В августе 1934-го в Дмитрове была организована опытно-насосная лаборатория. Около двух лет потребовалось ей, чтобы создать насос нужной мощности. Таких не было нигде в мире! Общий вес агрегатов составлял 90 тонн, диаметр рабочего колеса с лопастями — 2,5 метра, в подводящую трубу мог въехать грузовик...

В прессе тех лет, да и в книгах нашего времени, повсюду скво-

злит удивление перед этими исполинскими цифрами: высота металлических ворот шлюзов на канале равна 20 метрам, каждая створка весит 270 тонн... Длина и ширина шлюзов, автоматическое управление – все это было настоящим чудом в век «тачной экономики». Канал объединил усилия разрозненных научно-исследовательских институтов, потребовал создания тяжелых грузовиков, здесь появились первые самосвалы, 150-тонные порталные краны, «детьми» канала стали десятки заводов... Немудрено, что и стилевое оформление величайшей в СССР стройки осуществляли ведущие архитекторы того време-

ни. Архитектором шлюза №4 во Влахернском гидроузле был, например, Александр Пастернак (брат поэта Бориса Пастернака), востребованный и известный к тому времени специалист. «Нигде в капиталистическом мире строители каналов не заботились об архитектуре своих сооружений, – писал главный архитектор Москва–Волгостроя И. Фридлянд. – У нас же дело обстоит совсем иначе... Мы хотим насытить красотой жизнь трудящихся, чтобы каждый из нас рос, работал и отдыхал среди прекраснейших произведений искусства». Фридлянд считал московское метро образцом того, как искусство органично соединено с жизнью...

Экспозиция Музея строительства канала в Деденева. Галина Александровна Герке, единственный сотрудник музея, ведет экскурсию

Такие или похожие каравеллы установлены на одном из шлюзов рядом с Дмитриевым. Музей строительства канала в Деденева

Жизнь никогда не пишется одной краской. И даже в страшной истории Москва–Волгостроя есть место и подлинному энтузиазму, вызванному, может быть, своеобразным опьянением масштабами великой стройки, и самоотверженному труду, и силе духа, и вдохновению, и гениальной инженерной мысли, и поэзии, и любви. Все это было бок о бок с чекистским равнодушием, цинизмом и жестокостью. Вообще, это было воистину драматическое время: в 1917-м история России вышла из берегов и к 1937-му в них еще не вошла. Но ведь история, в некотором смысле, получается не из того, какими мы были. А из того, какие мы есть...

Помню, как мы в Дмитрове поехали на берег канала, чтобы сфотографировать крест, поставленный в 1997 году на береговой террасе на небольшие средства, собранные профессором МГУ М.В. Голицыным в память о тех, чьи имена мы никогда, возможно, не узнаем.

Канал отделен от города железной дорогой, на его берегу – пустырь, на котором валяются пивные банки и бутылки, напоминающие о горячих возлияниях лета.

Я почувствовал какое-то запретное торможение... Банки, бутылки, презервативы – и этот крест. Не знаю, что происходит с нашим сознанием: оно явно «тупит», делая вид, будто не понимает, что негоже так себя вести перед лицом безымянных строителей хотя бы. В этом есть какая-то опасная невменяемость. Это страшнее, чем слепота. Чем забетонированное панно художника Бруни на шлюзе №6, где на фоне поднимающихся сооружений были изображены люди с тачками, олицетворяющие сотни тысяч безымянных строителей канала: в 1937-м панно сочли «вредительским».

Меня спросят: куда ты kloнишь? чего в конце концов хочешь?

Я отвечу: чтобы каждый раз, приходя на этот берег, мы мысленно, безмолвно молились за них... ■